

Артур

Б ларк

6

**Библиотека
современной
фантастики
в 15 томах**

МОСКВА 1986

● ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Артур Кларк
Большая
глубина
Рассказы

ТОМ

6

И (Англ.)
К47

Arthur C. Clarke
The Deep Range
A. Signet book, 1957

The Other Side of the Sky

Tales of Ten Worlds

Reach for Tomorrow

Художник

Е. ГАЛИНСКИЙ

Перевод
с английского
Л. ЖДАНОВА

Редколлегия:
К. АНДРЕЕВ,
А. ГРОМОВА,
И. ЕФРЕМОВ,
С. ЖЕМАЙТИС,
Е. ПАРНОВ,
А. СТРУГАЦКИЙ

**Большая
глубина**

*Майку, который
привел меня в море*

В этом романе я высказываю предположения о предельных размерах некоторых морских животных, которые могут быть оспорены биологами. Не думаю, однако, чтобы против меня ополчились, подводные исследователи, — они часто встречают рыб, во много раз больших, чем самые крупные известные особи.

Описание острова Герон в наши дни, за три четверти века до начала этой истории, читатель найдет в книге «Берег кораллов». И я надеюсь, что Квинслендский университет одобрително воспримет небольшую экстраполяцию его ресурсов.

Автор

зону проник убийца. Воздушный патруль южной части Тихого океана обнаружил на изрытой волнами поверхности огромную тушу, за которой тянулись алые пятна крови. Тотчас заработала сложная система оповещения; от Сан-Франциско до Брисбена люди передвигали на картах фишки и чертили круги. И Дон Берли, еще не совсем очнувшись от сна, склонился над контрольным пультом «Скаутсба-5», падавшего вниз, к отметке двадцать саженей.

Он был рад, что тревогу объявили в его районе, — впервые за много месяцев какое-то событие. Хотя глаза его следили за приборами, от которых зависела его жизнь, мысленно он был уже на месте происшествия. Что случилось? В коротком сообщении никаких подробностей, одни факты: убитый кит лежит на поверхности в десяти милях позади стада, которое в панике мчится на север. Очевидно, шайке косаток как-то удалось прорваться через защитные ограждения в зону. Если так, Дону и его товарищам-смотрителям предстоит потрудиться.

Узор зеленых огоньков на контрольном пульте был словно светящийся символ безопасности. Пока этот узор неизменен, пока ни одна изумрудная звездочка не сменилась рубиновой, Дон может быть спокоен за себя и свою маленькую подводную лодку. Сейчас его жизнь в руках триумвирата: воздух — горючее — электро-

энергия. Если хоть что-то откажет, он ляжет в стальном гробу на пелагический ил, как Джонни Тиндал в позапрошлом году. Но с какой стати им отказывать? И вообще, успокоил себя Дон, не тех неполадок надо опасаться, которые можно предвидеть.

Он нагнулся над пультом к микрофону. «Саб-5» ушел еще недалеко от плавучей базы, можно говорить по радио, но скоро придется перейти на ультразвук.

«Ложусь на курс 255, скорость 50 узлов, глубина 20 саженей, гидролокатор включен на круговой обзор. До цели 40 минут расчетного хода. Буду докладывать каждые десять минут. Все. Прием».

Чуть слышно донеслось подтверждение с «Полосатика», и Дон выключил передатчик. Пришла пора осмотреться.

Он убавил внутренний свет, чтобы лучше видеть экран, опустил на глаза поляроидные очки и стал всматриваться в пучину. Прошло несколько секунд, два изображения слились в его мозгу в одно, и трехмерный индикатор обрел пространственную жизнь.

В такие минуты Дон чувствовал себя богом: под его контролем участок Тихого океана поперечником в двадцать миль и почти не изведанная толща в две тысячи саженей. Медленно вращающийся луч неслышимого звука прощупывал мир, в котором он плыл, отыскивая друзей и врагов в вечном мраке, куда не проникает дневной свет. В подводную ночь уходил прерывистый беззвучный писк, такой тонкий, что его не уловила бы даже летучая мышь, создавшая звуковой локатор за миллионы лет до человека; слабое эхо возвращалось обратно, улавливалось, усиливалось и ползло по экрану голубовато-зелеными пятнышками.

Многолетний опыт позволял Дону легко толковать их. В пятистах футах под ним простирался, теряясь за подводным горизонтом, рассеивающий слой — живое одеяло, накрывшее полмира. Этот океанский луг то поднимается, то опускается в зависимости от солнца, всегда паря на рубеже мрака. За ночь он всплыл почти к самой поверхности, теперь рассвет вновь оттеснял его вглубь. Плотность рассеивающего слоя так мала, что он не препятствие для гидролокатора. И взгляд

Дона проникал до самого дна, хотя лодка парила над ним, словно облако над землей. Но бездны морские его не касались: стада, которые он охранял, и враги, которые на них нападали, обитали в верхних слоях.

Он выключил датчик, смотрящий вниз; теперь гидролокатор работал только в горизонтальной плоскости. Без мерцающего эха из пучины легче различать, что окружает тебя в океанской «стратосфере». Вон то светящееся облако в двух милях впереди — громадный косяк рыбы; интересно, на Базе знают о нем? Дон сделал пометку в вахтенном журнале. Выбросы вокруг косяка — это преследующие добычу хищники, которые заботятся о том, чтобы не останавливалось извечное вращение колеса жизни и смерти. Его этот конфликт не занимал, он искал дичь покрупнее.

«Саб-5» шел дальше на запад — стальная игла, стремительнее и опаснее любого жителя морей. Турбины вспенивали воду, и маленькая кабина, освещенная лишь тусклым сиянием пульта, подрагивала от натуги. Глянув на карту, Дон убедился, что половина пути до заданного района пройдена. Что, если подняться, посмотреть на убитого кита? По ранам можно составить себе представление о противнике. Нет, не стоит. Это задержит его, а время в таких случаях дороже всего.

Призывно запищал приемник, и Дон включил дешифровщика. Он так и не научился читать морзянку на слух, но ползущая из прорези бумажная лента уже сделала все за него.

ВОЗДУШНЫЙ ПАТРУЛЬ ДОКЛАДЫВАЕТ СТАДО
50—100 КИТОВ ИДЕТ 95 ГРАДУСОВ КООРДИНА-
ТЫ СЕТКЕ X186593 Y432011 ТЧК ПЛЫВУТ БОЛЬ-
ШОЙ СКОРОСТЬЮ ПОСЛЕ ПЕРЕМЕНЫ КУРСА
ТЧК НИКАКИХ СЛЕДОВ КОСАТОК НО ПРЕДПО-
ЛАГАЕМ ОНИ ПОБЛИЗОСТИ ТЧК ПОЛОСАТИК

Это предположение показалось Допу маловероятным. Если тут в самом деле замешаны грозные орки, убийцы китов, их непременно заметили бы: ведь они всплывают глотнуть воздуха. Не говоря уже о том,

что патрулирующий самолет их не испугает, они будут рвать добычу, пока не насытятся.

А то, что испуганное стадо сейчас идет почти прямо на него, очень кстати. Дон стал было наносить координаты на планшет, но тут же увидел, что в этом уже нет нужды. На краю экрана появилось созвездие светящихся точек. Он чуть-чуть изменил курс и пошел навстречу стаду.

Что верно, то верно — киты и впрямь развили небывалую скорость. При такой прыти он окажется среди них минут через пять. Он выключил моторы, и сопротивление воды быстро погасило ход.

В маленькой, тускло освещенной кабине в тридцати метрах от залитых солнцем волн Тихого океана Дон Берли готовил свое оружие к предстоящей битве. Словно рыцарь в доспехах... Этот образ часто представлялся ему в напряженные секунды перед боем, хотя он никому на свете не признался бы в этом. Он чувствовал себя также сродни всем пастухам, которые в древности охраняли свой скот. Он был не только сэром Ланселотом, но и Давидом между седых палестинских холмов, готовым отбить нападение горных львов на баранов своего отца.

Еще ближе и по времени и по духу были люди, каких-нибудь три поколения назад пасшие огромные стада в степях Америки. Они бы его поняли; правда, его снаряжение показалось бы им волшебным. Суть та же, только масштаб изменился: животные, которых пасет Дон, весят по сто тонн каждое, а пастбище — безбрежный океан.

Когда до стада осталось меньше двух миль, Дон переключил локатор с кругового поиска на секторный, наделив его вперед. Луч заметался из стороны в сторону, и круг сменился широким клином; теперь можно было подсчитать, сколько китов в стаде, даже примерно определить размеры каждого. Наметанный глаз Дона искал отбившихся от стада животных.

Он не смог бы объяснить, что заставило его сразу же обратить внимание на четыре пятнышка к югу от стада. Конечно, они шли отдельно от остальных, но ведь не только эти отбились. У человека, который часто

смотрит на экран индикатора, вырабатывается своего рода шестое чувство — особое чутье, позволяющее ему видеть за движущимися пятнами то, о чем умалчивают приборы. Рука Дона сама протянулась к пульту и пустила турбины.

Главная часть стада поравнялась с ним, идя на восток. Он не опасался столкновения; как бы ни испугались эти исполины, они обнаружат его так же легко, как он их, и тем же способом. А не включить ли акустический маяк? Услышат знакомый сигнал и успокоятся. Нет, целься, неизвестный враг тоже может узнать его.

Четыре импульса, которые привлекли его внимание, теперь были почти в центре экрана. Он повел лодку наперерез и нагнулся к самому индикатору, точно задумал напряжением воли вырвать у картинки все, что она могла сообщить. Два крупных отдельных эхо, одно из них сопровождают два спутника поменьше. Неужели он опоздал? Мысленно Дон уже представлял себе идущую совсем близко — меньше чем в миле — смертельную схватку. Эти два тусклых пятнышка — враг, они атакуют кита, и его товарищ, вооруженный только могучими плавниками, бессилен ему помочь.

Еще немного, и можно будет увидеть их на экране телевизора. Камеры в носовой части «Саб-5» установились в сумрак, однако на первых порах обнаружили только планктонный туман. Но вот посреди экрана возник огромный силуэт и пониже два меньших. Дальность действия света сильно ограничена, зато теперь Дон гораздо точнее мог судить о том, что наблюдал на экране индикатора.

И он тотчас понял, что ошибся. Невероятно, но два спутника были детенышами. Вообще-то двойники не редкость, однако Дон впервые видел кита с близнецами. В других условиях он был бы увлечен таким зрелищем, теперь же Дон думал лишь о просчете, из-за которого потеряны драгоценные минуты. Придется начинать поиск сначала.

Порядка ради он направил камеру на четвертое пятно, пойманное гидролокатором. По величине импульса Дон заключил, что это тоже кит. Странно, как пред-

взятость может повлиять на суждение человека о том, что он видит: прошло несколько секунд, прежде чем Дон разобрался в наблюдаемом и понял, что все-таки не промахнулся.

— Силы небесные! — глухо произнес он. — Никогда не думал, что они бывают такими большими.

Акула, самая крупная, какую он когда-либо видел... Еще нельзя было различить подробностей, однако род не вызывал у него сомнения. Только китовая и гигантская акула могли бы сравниться с ней, но они безобидные вегетарианцы, а это королева всех акулообразных, *Carcharodon*, Большая Белая Акула. Дон попробовал вспомнить данные о самых крупных известных экземплярах. В 1990 году — может быть, годом раньше или позже — у Новой Зеландии убили сорокафутовую белую, но эта раза в полтора побольше.

Все эти мысли молниеносно пронеслись у него в голове; в ту же секунду он заметил, что хищница, миная встревоженную мать, уже пошла в атаку на детеныша. Трусость или здравый смысл? Поди угадай. Пожалуй, эти определения вообще неприменимы к работающему по своим законам крохотному мозгу акулы.

Оставалось только одно. Это может затянуть расправу с акулой, но жизнь детеныша важнее. Дон нажал кнопку sireны, и в жидкую среду вокруг него вторгся короткий механический вопль.

Оглушительный звук одинаково напугал акулу и китов. Акула сделала невообразимо крутой поворот, и Дон едва не вылетел из кресла, когда лодка, подчиняясь автопилоту, легла на новый курс. Юля и поворачиваясь не хуже любого равного ему по величине морского жителя, «Саб-5» настигал хищницу; электронный мозг лодки безотказно подчинялся локатору, позволяя Дону всецело заняться своим оружием. Это очень кстати: следующий шаг окажется трудным, если не удастся выдержать курс хотя бы пятнадцать секунд. На худой конец, можно пустить в ход маленькие подводные ракеты; будь он один перед лицом стаи косаток, так бы и пришлось сделать. Но это жестокий и кровавый способ, Дон предпочитал действовать аккуратнее. Такти-

на рапиры всегда правилась ему больше, чем тактика гранаты.

Сейчас их разделяет всего полсотни футов, и они быстро сближаются. Такой миг может не повториться. Он нажал пусковую кнопку.

Из-под лодки вперед вырвалось нечто напоминающее ската хвостик. Дон сбавил скорость — теперь ближе подходить незачем. Маленькая, меньше метра в ширину, стрела мчится куда быстрее разведчика, она в несколько секунд покроет оставшееся расстояние. На лету стрела разматывала нитку фала, словно подводный паук, плетущий свою сеть. По фалу шла энергия, которая направляла крылатый снаряд в цель и придавала грозную силу его жалу. Стрела мгновенно выполняла команды Дона, и ему казалось, будто он управляет умным и чутким конем.

Акула заметила опасность за долю секунды до удара. Как и задумали конструкторы, ее обмануло сходство снаряда с обыкновенным хвостиком. Прежде чем крохотный мозг сообразил, что ни один скат не ведет себя так, стрела уже попала в цель. Выброшенная взрывом патрона стальная игла проткнула грубую кожу акулы, и рыбина взорвалась приступом неистового страха. Дон немедленно дал задний ход — попадет хвостом, тряхнет его, как горошину в банке, да еще и лодку сомнет. Он уже сделал то, что зависело от него, остается лишь ждать, когда подействует яд.

Обреченная хищница судорожно изгибалась, силясь схватить зубами отравленное жало. Дон уже подтянул стрелу обратно в отсек в средней части судна, радуясь, что удалось вернуть ее на место невредимой. С трепетом и чувством, близким к сожалению, смотрел он, как смерть одолевает огромную акулу.

Заметно ослабев, она беспорядочно плавала взад и вперед, и Дону один раз пришлось быстро вильнуть в сторону, чтобы не столкнуться с ней. Умиравшая акула медленно всплывала к поверхности. Дон не последовал за ней, на очереди было дело поважнее.

Меньше чем в миле от места схватки он нашел самку и ее детенышей и придирчиво осмотрел их. Они были невредимы, не надо вызывать ветеринара на специ-

ально оборудованной двухместной лодке, способной оказывать китообразным любую помощь — поставить клизму, сделать кесарево сечение.

Испуг прошел; поглядев на экран индикатора, Дон убедился, что стадо уже не спасается бегством. Неужели знают, что произошло? Ученые основательно изучили, как общаются между собой киты, но многое еще остается загадкой.

— Что ж, старушка, надеюсь, тебе доступно чувство благодарности, — пробурчал он.

Решил, что пятьдесят тонн материнской любви — это не шутки, и, продув цистерны, всплыл к поверхности.

Море было спокойным, он открыл люк и высунул голову из маленькой боевой рубки. Вода плескалась в нескольких сантиметрах от его подбородка, иногда волна побольше даже пыталась окропить его. Все это было совершенно безопасно, плечи Дона плотно закупорили люк.

А в полусотне футов от него, будто опрокинутая шляпка, качался на поверхности продолговатый серый гроб. Дон мысленно прикинул, сколько сжатого воздуха нужно накачать в тушу, чтобы она не утонула до подхода вспомогательного судна. Через несколько минут он передаст по радио свой рапорт, а пока хорошо глотнуть свежего тихоокеанского ветра, ощутить чистое небо над головой, взглянуть на солнце, только-только начавшее свое восхождение к зениту.

Сейчас Дон Берли был удачливым воином, отдыхающим после той битвы, которую человеку вести всегда. Они держат в узде призрак голода, во все века преследовавший человечество, но не страшный теперь, когда огромные планктонные фермы поставляют миллионы тонн белка и китовые стада послушны своим новым хозяевам. Человек вернулся в море, после миллионов лет изгнания вернулся в свой древний дом; пока не замерзли океаны, он не будет голодать...

Но не это было главным для Дона. Даже если бы его дело никому не приносило пользы, он не отказался бы от него. Больше всего на свете он ценил веру в се-

бя и свое могущество, которую ощущал, выполняя такие задания. Могущество? Да, именно так. Но могущество, которым он никогда не злоупотребит, слишком сильно в нем чувство родства с обитателями моря, даже с теми из них, кого он обязан уничтожать.

Казалось, Дон в эту минуту только отдыхает, но если бы хоть один прибор или огонек на пульте вдруг забил тревогу, он реагировал бы немедленно. В мыслях он уже вернулся на «Полосатик», где завтрак ждет не дождется его. Чтобы время шло скорее, Дон начал в уме составлять рапорт. Придется кое-кого удивить. Инженеры, которые ведают незримыми оградами из электричества и звука, разделившими могучий Тихий океан на удобные для управления участки, примутся искать брешь; биологи, которые клялись, что акулы не нападают на китов, будут искать оправданий. И те и другие, несомненно, преуспеют, и все опять войдет в свою колею, пока море не подстроит новой каверзы.

Впрочем, каверза уже подстерегала Дона, но ее устроили люди, и они не замыслили ничего дурного. Все началось с одного предложения, которое родилось в Комитете по делам космоса, а оттуда было передано во Всемирный секретариат. Проходя все более высокие инстанции, оно в конце концов попало во Всемирную ассамблею и было одобрено членами соответствующей комиссии, став предписанием, которое спустили через секретариат во Всемирную организацию продовольствия, из ВОП — в Морское управление, наконец, из управления — в Отдел китов. И свершилось это в невероятно короткий срок — в какие-нибудь четыре недели.

Дон, понятно, ничего не знал. Итог всей этой деятельности сложного механизма глобальной бюрократии вылился для него в слова, которыми встретил его капитан, когда он вошел в столовую «Полосатика», с возжелением думая о запоздалом завтраке.

— Привет, Дон. Начальство вызывает тебя в Брисбен, тебе приготовлено какое-то задание. Надеюсь, ненадолго. У нас и без того нехватка людей, сам знаешь.

— Какое еще задание? — насторожился Дон.

Он не забыл, как ему поручили быть гидом одного помощника министра, глуповатого, на его взгляд, мало, с которым он и обращался соответственно. А потом выяснилось, что этот помощник — голова (конечно, иначе он не занимал бы такую должность!) и видел Дона насквозь.

— Они ничего не сказали, — ответил капитан. — Похоже, и сами толком не знают. Передай мой нежный привет Квинсленду и держись подальше от казино на Золотом берегу.

— Казино, с моим-то жалованьем, — фыркнул Дон. — Последний раз меня чуть не раздели в Серферс Парадайз.

— Зато в первый раз ты унес несколько тысяч.

— Новичкам везет, а потом... От того выигрыша давно уже ничего не осталось. И пусть счет останется ничейным, я больше не игрок.

— Спорим? Ставлю пятерку!

— Спорим.

— Можешь платить — спор та же игра.

Ложка переработанного планктона застыла в воздухе; Дон лихорадочно искал выход.

— Черта с два ты с меня получишь, — сказал он. — Свидетелей нет, а я не джентльмен.

Быстро допив кофе, он отодвинулся от стола и встал.

— Что ж, пора собираться. Пока, капитан, до новой встречи.

И старший смотритель пуль вылетел из столовой, провожаемый взглядом командира «Полосатика». Словно ураган пронесся по переходам судна, потом опять воцарилась относительная тишина.

— Держись, Брисбен, — буркнул себе под нос капитан и отправился на мостик, мысленно перестраивая график вахт; одновременно он сочинял неотразимый меморандум, в котором спрашивал начальство, как работать на судне, где тридцать процентов команды постоянно то в отпуске, то выполняют спецзадания.

Когда он вошел в свою каюту, только одно удерживало его от того, чтобы немедленно подать заявление об уходе: при всем желании капитан не мог представить себе лучшей работы.

Уолтер Франклин пришел всего несколько минут назад, но уже нетерпеливо мерял шагами приемную. Скользнул равнодушным взглядом по развешанным на стенах глубоководным фотографиям, с минуту посидел на краешке стола, перелистывая журналы, обзоры, доклады, которые всегда копятся в таких местах. Журналы знакомы — последние недели он только и делал, что читал, — остальное тоже малоинтересно. А ведь кто-то обязан по долгу службы изучать все эти размноженные на электропринте отчеты ВОП; как только голова выдерживает такую уйму цифр! Более привлекательно выглядел орган Морского управления «Нептун», но и он быстро наскучил Уолтеру, которому все эти дискуссии почти ничего не говорили. Даже самые популярные статьи были выше его разума, так как пестрили незнакомыми терминами.

Секретарша посматривала на него. Конечно, отметила нетерпение посетителя и, наверно, уразумела, что за этим кроется нервозность и душевный разлад. Франклин с трудом заставил себя сесть и сосредоточиться на вчерашнем номере брисбенского «Курьера». Он почти увлекся статьей, в которой редакция отпевала австралийский крикет (только что закончились отборочные соревнования), когда молодая особа, охранявшая кабинет начальника отдела, мило улыбнулась ему и сказала:

— Пожалуйста, мистер Франклин, входите.

Он надеялся, что начальник примет его один; секретари не в счет. Но плечистый молодой человек, занимающий второе кресло для посетителей, выглядел чужим в этом строгом кабинете и смотрел на него скорее с любопытством, чем с дружелюбием. Понятно, они говорили о нем; Франклин тотчас насторожился и ошестинился.

Начальник отдела Кери разбирался в людях почти так же хорошо, как в морских млекопитающих. Он сразу заметил, что посетитель не в своей тарелке, и постарался его ободрить.

— Входите, Франклин, садитесь, — сказал он

с преувеличенной сердечностью. — Ну, как вам у нас живется? Хорошо устроились?

Франклин был избавлен от необходимости отвечать, потому что директор тут же продолжал:

— Прощу вас, познакомьтесь с Доном Берли. Дон — старший смотритель на «Полосатике», один из наших лучших работников. Он займется вами. Дон, это Уолтер Франклин.

Они обменялись легким рукопожатием, испытующе глядя друг на друга. Наконец Дон через силу улыбнулся улыбкой человека, которому поручили неприятное дело, но он полон решимости добросовестно выполнить его.

— Очень рад, — сказал он. — Приветствую нового сторожа наяда.

Франклин попытался улыбнуться. Итог был неутешительным. Он понимал, что обязан этим людям, которые изо всех сил стараются помочь ему. Понимал умом, но не сердцем, и не мог заставить себя пойти им навстречу. Боязнь оказаться предметом жалости и назойливое подозрение, что они тут, вопреки всему обещанному, перебивали его косточки, начисто отбивала у него всякую охоту быть с ними на дружеской ноге.

Дон Берли ни о чем не догадывался. Он знал только, что кабинет начальника не самое подходящее место, чтобы знакомиться с новым коллегой, и не успел Франклин опомниться, как они уже вышли на улицу, протиснулись сквозь толпу на Джордж-стрит и нырнули в маленький бар напротив нового почтамта.

Здесь было тихо, хотя сквозь цветное стекло стен Франклин видел снующие силуэты прохожих. Воздух в баре казался особенно прохладным после знойной улицы; власти до сих пор не решились, быть или не быть Брисбену кондиционированным городом и кому передать выгодный подряд, а пока горожане каждое лето изнемогали от жары.

Дон Берли подождал, пока Франклин управится с первой кружкой пива, и заказал вторую. Тут явно кроется какая-то тайна; ему не терпелось поскорее разгадать ее. Это затея какого-нибудь высокого чина в ун-

равлений, если не во Всемирном секретариате. Старшего смотрителя не оторвут от работы, чтобы приставить нянькой к первому попавшемуся новичку, который к тому же намного старше обычных курсантов. Ему, должно быть, тридцать с хвостиком; Дон еще никогда не слышал, чтобы кто-нибудь в этом возрасте проходил спецобучение на смотрителя.

Одно было очевидно, и это лишь усугубляло загадочность истории: Франклин — космонавт, их за милю узнаешь. А что, вот и зацепка. Но тут же Дон вспомнил слова начальника отдела: «Не расспрашивайте Франклина. Я не знаю, что у него было, но нас особо просили не касаться прошлого в разговорах с ним».

Это, конечно, неспроста. Можно представить себе, что Франклин был пилотом и его списали на Землю за какую-нибудь грубую ошибку — скажем, он по рассеянности вместо Марса прилетел на Венеру.

— Вы впервые в Австралии? — осторожно спросил Дон.

Не самый сильный ход, и ответ Франклина как будто не располагал к продолжению.

— Я здесь родился, — сказал он.

Но Дона не легко было привести в замешательство. Он усмехнулся и продолжал примирительным тоном:

— Мне никто ничего не рассказывает, вот и привык сам дознаваться. Я-то родился на другом конце земного шара, в Ирландии, но меня послали работать в Тихоокеанский филиал отдела. Так я попал в Австралию и теперь уже считаю ее как бы своей второй родиной. Правда, на берегу почти не бываю. Такая работа, восемьдесят процентов времени — в море. Сами понимаете, не всякому понравится этакая жизнь.

— Меня это вполне устроит, — сказал Франклин, однако не стал объяснять почему.

Из этого типа надо каждое слово клещами вытягивать! А ему с ним работать, и не одну неделю... За что такая кара? Все же Дон мужественно продолжал наступать:

— Шеф сказал, что у вас хорошая научная и инженерная подготовка. Значит, вы в общем знакомы с тем,

что у нас проходят на первом курсе. А про организацию нашей отрасли вам толковали?

— Меня напичкали под гипнозом кучей фактов и цифр. Могу прочесть вам двухчасовую лекцию о Морском управлении — история, структура, очередные задачи всего управления, и Отдела китов в частности. Но пока что все это для меня пустые слова.

Так, лед тронулся. Оказывается, парень все-таки умеет говорить. Глядишь, еще кружка-другая, и он совсем человеком станет.

— С этой гипнопедией всегда так, — подтвердил Дон. — Накачают в тебя сведений, дальше некуда, а что из этого останется в памяти? Я уж не говорю о физических навыках или о том, как действовать в аварийных случаях. Тут никакой гипноз не спасет. Только в деле можно научиться чему-то по-настоящему.

В этом месте Дона отвлек скользнувший по стеклу стройный силуэт. Франклин проследил его взгляд и чуть улыбнулся. Дон тотчас уловил этот первый намек на какую-то непринужденность, и у него появилась надежда на более короткие отношения с порученным ему сфинксом.

Влажным от пива указательным пальцем он принял чертить на пластиковой крышке стола.

— Глядите, — пояснил он. — Вот это архипелаг Каприкори — четыреста миль к северу от Брисбена и сорок миль от материка. Здесь находится наш главный учебный центр, который готовит людей для мелководных операций. Отсюда начинается южное заграждение, оно идет на восток до Новой Каледонии и Фиджи. Когда киты с антарктических пастбищ направляются на север, в тропики, чтобы там произвести на свет свое потомство, они могут пройти только через ворота, которые мы оставляем. Мы считаем самыми важными воротами вот эти, у побережья Квинсленда, как раз тут южный проход в Большом Барьерном рифе. Между рифом и материком почти до самого экватора тянется как бы пролив шириной около пятидесяти миль. Когда киты войдут сюда, ими уже легко управлять. А направить их в пролив тоже не трудно. Большинство из них привыкло ходить этим путем задолго до того, как

мы вмешались в их жизнь, а остальных мы приучили, и теперь, даже если выключить заграждение, вряд ли от этого изменится их миграция.

— Это заграждение, — перебил его Франклин, — оно что — чисто электрическое?

— Что вы! Электрическое поле только для рыб годится. Для млекопитающих, вроде китов, оно слабовато. Наше заграждение почти сплошь ультразвуковое, на глубине полумили тянется цепочка акустических генераторов, и получается как бы звуковой занавес. А на ворота подаются специальные команды. Мы можем направить стадо в любую сторону, куда нам надо, достаточно проиграть сигнал бедствия, который издает кит. Но это крайние меры, к ним мы прибегаем редко, киты уже приучены.

— Понимаю, — сказал Франклин. — Я даже где-то читал или слышал, что заграждения нужны не столько для китов, сколько для других животных, чтобы не пускать их.

— Это верно отчасти, но и китами надо управлять — скажем, когда их загоняют для подсчета или для боя. Правда, мы еще не довели заграждение до полного совершенства. Есть слабые точки на стыках акустических полей, и время от времени приходится выключать секции, пропускать мигрирующую рыбу. Глядишь, и прорвется крупная акула или косатки проскочат. И натворят бед. Косатки хуже всего, они нападают на китов на пастбищах в Антарктике, из-за них мы до десяти процентов стада теряем. Все ждут не дождутся, когда истребят косаток, вот только не могут придумать дешевого способа. Нельзя же патрулировать подводными лодками всю область пакового льда. А жаль — особенно когда увидишь кита, с которым расправилась косатка.

Берли говорил так горячо — Франклин даже удивился. Считается, что китопасы (ласковое название, придуманное народом, которому непременно подавай героев) не склонны ни размышлять, ни чувствовать. И хотя Франклин отлично понимал, что грубоватые и немногословные парни, шествующие по страницам повестей из жизни подводников, очень далеки от дей-

ствительности, трудно было отрешиться от утвердившегося штампа. Конечно, Дона Берли молчуном не назовешь, но в остальном он как будто соответствует этому штампу.

Как он поладит со своим наставником, спрашивал себя Франклин, да и вообще со своей новой работой? Пока что она его не увлекла. А что будет потом — время покажет. Судя по всему, эта область богата интересными, даже захватывающими задачами и возможностями. Хоть бы увлечься, найти себе применение! За последний год — тяжелый, долгий год — он много-много лишился, потерял вкус к жизни, к работе.

И не верится, чтобы к нему когда-нибудь вернулось воодушевление, продвинувшее его так далеко по пути, который теперь заказан ему навсегда. А Дон все рассказывал, говоря легко и живо, как человек, знающий и любящий свое дело. Франклена вдруг укололо чувство вины. Разве это честно — отрывать Берли от работы и превращать его не то в няньку, не то в воспитательницу детского сада?.. Впрочем, если бы Франклин знал, что Берли сам уже задавал себе этот вопрос, его сочувствие живо прошло бы.

— А теперь пойдем, не то пропустим автобус в аэропорт, — сказал Дон, взглянув на часы и осушив свою кружку. — Самолет вылетает через тридцать минут. Ваши вещи отправлены?

— В гостинице обещали все сделать.

— Ладно, в аэропорту проверим. Поехали.

Прошло полчаса, прежде чем Франклин смог опять вздохнуть полной грудью. Он уже понял, что это свойственно Берли: до последней секунды он не спешил, потом вдруг словно взрывался. Последняя вспышка энергии перенесла их из тихого бара в еще более тихую кабину самолета. Они отыскивали свои места, и тут случилось маленькое происшествие, которое надолго озадачило Дона.

— Садитесь у окна, — сказал он. — Я сто раз летал по этому маршруту.

Отказ Франклина он принял за обычную учтивость и повторил свое предложение. И только после третьего или четвертого «нет», произносимого все более ре-

шительно, даже раздраженно, он смекнул, что вежливость тут ни при чем. Это казалось невероятным, но Дон мог бы поклясться, что его спутник отчаянно трусил. Он впервые видел человека, который боялся бы сидеть у окошка в самолете. И мрачные предчувствия, отчасти развеянные разговором в баре, с новой силой овладели им.

Город и знойное побережье ушли вниз; реактивные двигатели легко подняли машину в небо. Франклин штудировал газету с усердием, которое ни на секунду не обмануло Берли. «Ничего, повременю пока, — решил он, — а потом еще раз проверю его».

Над изрезанной оврагами равниной торчали причудливые клыки — Гласхауз-Маунтинз. Но и они остались позади, и замелькали норты, через которые когда-то, еще до того, как сельское хозяйство перекочевало в моря, вывозили плоды Земли. Казалось, не прошло и мига, а в голубой мгле на горизонте уж вырисовались темными пятнами островки Большого Барьерного рифа.

Солнце светило почти прямо в глаза, но память Дона хранила подробности, которые сейчас терялись в слепящем блеске моря, и он видел плоские зеленые острова, опоясанные лентой песчаного пляжа и широкой каймой кораллов, чуть-чуть прикрытых водой. Остров за островом, риф за рифом, о которые вечно дробятся тихоокеанские валы... И на тысячи миль к северу поверхность моря исчертили белоснежные барашки.

Сто лет назад — даже пятьдесят — среди множества островов Большого рифа лишь десять-пятнадцать были обитаемы. Но вездесущий авиатранспорт в сочетании с дешевой энергией и установками для очистки воды позволил не только государству, но и частным лицам нарушить древний покой рифа. Некоторым счастливицам удалось даже — неведомо как — стать единоличными владельцами кое-каких мелких островков. Появились здесь и организации, ведающие отдыхом и развлечениями; это не всегда способствовало украшению творений природы. Но главенствующую роль, бесспорно, играла Всемирная организация продовольст-

вия с ее сложной системой рыбных промыслов, морских ферм и исследовательских учреждений; их было несметное количество.

— Уже почти прилетели, — сказал Берли. — Только что прошли над островом Леди Мастрейв, на нем стоят главные генераторы западной секции заграждения. А вот и архипелаг Каприкорн под нами — Мастрехед, Уантри, Нортвест, Вильсон... Вон тот, посередине, со всеми строениями, это Герон. В большой башне находится администрация, а возле бассейна — аквариум. И две подводные лодки видны, смотрите, у длинного пирса, который тянется до края рифа.

Говоря, Дон уголком глаза следил за Франклином. Тот наклонился к окошку и как будто слушал этот репортаж, но Берли мог бы поклясться, что он не смотрит на раскинувшуюся внизу панораму рифов и островов. Лицо Франклина напряглось, и взгляд был отсутствующим, точно он принуждал себя ничего не видеть.

В душе Дона боролись жалость и презрение. Он узнал симптомы, хотя не понимал причин болезни. Самая настоящая высотобоязнь. А он-то принял Франклина за космонавта! Но кто же он? Во всяком случае, не тот человек, с которым Дону хотелось бы делить тесное пространство двухместной учебной лодки.

Амортизаторы самолета коснулись посадочной площадки острова Герон, и Франклин, ступив на прямоугольник стесанного коралла и щурясь от яркого солнца, мгновенно оправился от своего недуга. «Вот так же быстро приходят в себя иные после морской болезни, стоит им только сойти на берег, — подумал Дон. — Да, если Франклин такой же моряк, как пилот, я от силы дня через два вернусь на работу, больше эта идиотская затея не продлится». Хотя, по чести говоря, Дон вовсе не спешил: Герон был очень приятным местом, можно отлично развлечься, если знаешь, как обойти все эти запреты и ограничения, без которых не могут жить бюрократы.

Небольшой грузовик помчал людей и багаж по дороге между высокими писониями, плотные кроны которых не пропускали солнечных лучей. Всего четверть

мили отделяло пирсы и ремонтные мастерские в западной части острова от административных зданий на восточном берегу. С севера на юг, деля островок на две части, тянулась полоса бережно сохраняемого леса. Дон с нежностью подумал о заманчивых тропинках и уединенных полянах, которыми этот лес изобиловал.

Мистера Франклина уже ждали и заранее позаботились о нем. Было ясно, что в глазах администрации он занимал привилегированное положение, рангом ниже кадровых сотрудников, вроде Берли, но несравненно выше обычных курсантов. Самое удивительное, ему отвели отдельную комнату. Такой чести на Героне не удостоивалось даже начальство из Отдела китов. Берли только облегченно вздохнул; он так боялся, что придется жить вместе с этим странным воспитанником. Тем более что это было бы серьезной помехой для некоторых сугубо личных дел Дона.

Он проводил Франклина в его комнату на втором этаже учебного корпуса. Она была не очень просторной, но уютной; из окна открывался вид на простершийся до самого горизонта риф. Внизу группа курсантов, пользуясь переменной, разговаривала с преподавателем. Дон сразу узнал его, хотя и не помнил фамилии. Приятно вернуться в школу, когда знаешь все ответы...

— Здесь вам будет хорошо, — сказал он Франклину, который уже разбирал свои вещи. Вид-то какой, а?

Обычно поэтические восторги были чужды Дону, но ему хотелось проверить, как Франклин воспримет картину могучего океана с белыми шапками кораллов. Его ожидало разочарование: тридцать футов высоты, по-видимому, не пугали Франклина, он с явным восхищением любовался голубовато-зеленым простором, уходящим в безбрежные океанские дали.

Так тебе и надо, отругал себя Дон, нашел, кого дразнить. Какая бы холера ни пристала к этому бедняге, ему, наверно, не сладко с ней.

— Я пойду, а вы устраивайтесь, — сказал он, идя к двери. — Завтрак через полчаса в столовой, мы проезжали мимо нее. Там и увидимся.

Франклин рассеянно кивнул, доставая из чемодана белье и раскладывая его на кровати. Сейчас он больше

всего хотел побыть один, без посторонних, освоиться с новой обстановкой, в которой ему, хочешь не хочешь, предстоит жить.

Прошло минут десять, когда раздался стук в дверь и кто-то негромко спросил:

— Можно войти?

— Кто там? — спросил Франклин, поспешно наводя порядок.

— Доктор Майерс.

Фамилия незнакомая, но — Франклин криво усмехнулся — неспроста первым его навестил врач. И не трудно угадать, какой именно.

Майерс был некрасивый, но приятный мужчина лет сорока, коренастый, с пристальным, испытующим взглядом, который как-то не сочетался с его дружелюбием и предупредительностью.

— Извините, что врываюсь вот так, сразу, — учтиво произнес он. — Но у меня просто нет другого выхода, сегодня вечером я вылетаю на Новую Каледонию и вернусь только через неделю. Профессор Стивенс просил меня зайти к вам и передать наилучшие пожелания от него. Если вам что-нибудь понадобится, звоните мне, мы постараемся все устроить.

Франклин отдал должное искусству, с каким Майерс обошел подводные камни. Он не сказал: «Мы говорили о вашем заболевании с профессором Стивенсом», — хотя, конечно, именно так и было. И не предложил прямо своих услуг, подал все так, словно Франклин не нуждается больше в лечении и присмотре.

— Я вам очень признателен, — искренне ответил Франклин.

Доктор Майерс пришелся ему по душе, и он решил не злиться попусту на надзор, которого ему все равно не избежать.

— Скажите, — продолжал он, — что здесь известно обо мне?

— Ровным счетом ничего. Знают лишь, что нужно помочь вам возможно скорее выучиться на смотрителя. Вы не думайте, это далеко не первый случай срочной переквалификации. Разумеется, будут любопытствовать, кто вы, что вы, от этого никуда не денешься.

Пожалуй, в этом и заключается для вас главная трудность.

— Берли уже умирает от любопытства.

— Хотите послушать мой совет?

— Конечно, говорите.

— Вам работать с Доном не один день, и будет только справедливо по отношению к нему поделиться с ним, когда вы почувствуете, что пришло время. И это в ваших же интересах. Я уверен, он все поймет. Если хотите, могу сам ему объяснить.

Франклин молча покачал головой. Возразить было нечего, он понимал, что Майерс говорит дело. Рано или поздно истина все равно всплывет; оттягивать неизбежное — себе вредить. Но победа в борьбе за рас судок и уважение к себе была еще слишком непрочной, он боялся даже подумать о том, чтобы работать с людьми, посвященными в его тайну, как бы благожелательно к нему ни относились.

— Ну, хорошо. Как решите, так и будет. Желаю удачи и надеюсь, что я не понадоблюсь вам как врач.

Майерс давно ушел, а Франклин все еще сидел на краешке кровати, обозревая свою будущую сферу — море. Да, удача нужна ему. Он чувствовал, что интерес к жизни возрождается. Дело даже не в том, что все стараются ему помочь; к этому он, можно сказать, привык за последние месяцы. Главное, он наконец-то сам увидел какой-то просвет, поверил, что может наполнить свою жизнь новым смыслом.

Вдруг Франклин очнулся от размышлений и взглянул на часы. На десять минут опаздывает на завтрак — плохое начало новой жизни! Он представил себе, как Дон Берли нетерпеливо ждет его в столовой, беспокоясь, не случилось ли чего.

— Иду, мой учитель, — с улыбкой сказал он. Он уже успел забыть, когда шутил в последний раз.

3

Когда Франклин в первый раз увидел Индру Лангенбург, руки у нее были по локоть в крови, и она деловито разрезала внутренности десятифутовой тигровой акулы, которую сама же и выпотрошила. В лучах

солнца тускло поблескивало белое брюхо чудовища, распростертого на песчаном пляже, облюбованном Франклином для утренних прогулок. Из пасти акулы свисала крепкая цепочка с крючком; видно, рыбаина попала на удочку ночью и с отливом очутилась на мели.

Несколько секунд Франклин глядел на это странное сочетание — милая девушка и мертвый монстр, потом раздельно произнес:

— Это не совсем то, что я хотел бы видеть перед завтраком. Чем вы, собственно, заняты?

К нему повернулось смуглое лицо с очень строгими глазами; длинный острый нож, который произвел такое кровопролитие, продолжал ловко рассекать хрящ и кишки.

— Я пишу диссертацию о витаминах в печени акулы, — ответил ему голос, такой же строгий, как глаза. — Для этого мне нужно много акул. Это моя третья за неделю. Возьмите зубы? Отличный сувенир, а у меня их уже хватает.

Она подошла к голове хищницы и засунула нож в пасть, которой не давал закрыться деревянный брусок. Рука девушки сделала быстрое движение, и появилось целое ожерелье страшных треугольников — как бы ленточная пила из кости.

— Нет, нет, спасибо, — поспешно отказался Франклин; хоть бы не обиделась: молодая, ей, наверное, и двадцати нет. — Вы работайте, не обращайтесь на меня внимания.

Появление незнакомого лица на этом маленьком островке его не удивило: сотрудники Научно-исследовательской станции редко общались с управленцами и работниками учебного комбината.

— Вы новичок? — спросила окровавленная исследовательница, с довольным видом бросая в ведро большой кусище печени. — Я не видела вас на последнем танцевальном вечере.

У Франклина сразу поднялось настроение. Как приятно встретить человека, который ничего не знает о тебе и не любопытствует, зачем ты приехал! Впервые он мог говорить свободно, не ощущая неловкости.

— Да, только что прилетел, буду учиться. А вы давно здесь?

Он поддерживал этот глубокомысленный разговор, потому что ему было приятно ее общество, и она, конечно, понимала это.

— С месяц, — небрежно бросила девушка. Ведро опять чавкнуло: оно было уже почти полным. — Сейчас у меня каникулы, я учусь в университете в Майами.

— Значит, вы американка? — спросил Франклин.

— Э, нет, — важно ответила она. — Во мне почти поровну голландской, бирманской и шотландской крови. А родилась я в Японии, вот и разберитесь.

Подшучивает? Да нет, на лице ни тени лукавства. Славная девушка... Но не стоять же тут с ней весь день. У него всего сорок минут на завтрак, в девять — занятия по вождению подводной лодки.

Он тут же забыл об этой встрече; с каждым днем круг его знакомых ширился, и он постоянно видел новых людей. Ускоренный курс не оставлял времени для развлечений, и он был только рад этому. Франклин с головой ушел в новое дело; он даже удивлялся тому, как легко ему думалось. Видно, те, кто послал его сюда, не ошиблись.

Все эмпирические сведения — цифры, факты, структура управления — более или менее безболезненно накачали ему в мозг под легким гипнозом. Проверяя себя с помощью магнитофона, который задавал вопросы и сам погодя давал верные ответы, Франклин убедился, что информация запомнилась, а не вылетела из другого уха, как это иногда бывает.

Дон Берли в этом не участвовал, но и тогда, когда он не был занят с Франклином, ему не очень-то давали отвести душу. Начальник курсов был счастлив, что Дон снова попал к нему в лапы, и — весьма учтиво, с подкупающей улыбкой — «осведомился», не согласится ли он, когда у него будет время, читать лекции трем учебным группам. Дона обошли так ловко, что оставалось лишь покориться и сделать вид, будто ему это приятно. А он-то мечтал погулять...

Зато в другом, самом главном его опасения не оправдались. С Франклином вполне можно было ладить, если не касаться его личных дел. Он отлично соображал, а его техническая подготовка во многом превосходила ту, которую получил Дон. Редко приходилось объяснять ему что-либо дважды, и еще задолго до того, как они стали упражняться на учебных стендах, Дон обнаружил в своем ученике задатки хорошего навигатора. Руки Франклина действовали уверенно, он реагировал быстро и четко, и во всей его манере держаться было что-то неуловимое, что отличает первоклассного водителя от заурядного.

Но Дон знал, что, кроме знаний и навыков, необходимо еще кое-что, а вот есть ли это у Франклина, он пока не мог сказать. Только проверив своего ученика в погружении, он сможет определить, что трудился не зря.

Франклину нужно было усвоить так много, что казалось — это невозможно сделать за два месяца, предусмотренные программой. Сам Дон прошел полный шестимесячный курс, и ему было как-то обидно думать, что кто-то может управиться в три раза быстрее, пусть даже с репетиторами. Да одну только материальную часть — виды и устройство подводных лодок — надо изучать два месяца, как бы тебе ни помогали. А он должеп в этот же срок пройти с Франклином основы мореплавания и подводной навигации, основы океанографии, подводную сигнализацию и связь, курс ихтиологии, специальную психологию и, само собой, китоведение. Франклин пока что не видел ни одного кита, ни живого, ни мертвого; Дону было очень важно, как пройдет первая встреча — тут сразу узнаешь, получится ли из него смотритель.

Две недели прошли в упорной работе, прежде чем Дон решил взять Франклина с собой под воду. К этому времени между ними установились отношения, своеобразно сочетающие дружелюбие и отчужденность. Они уже называли друг друга просто «Дон» и «Уолт», но дальше этого пока не пошло. Берли по-прежнему ничего не знал о прошлом Франклина, хотя не скупился на догадки. Особенно нравилось ему представлять

себе своего ученика очень ловким преступником, возможно даже убийцей, которого реабилитировали после тотальной терапии. А что, вот было бы здорово!..

В поведении Франклина больше не проявлялись те странности, которые бросились в глаза Дону при первой встрече, хотя он, бесспорно, продолжал выделяться нервностью и раздражительностью. И биография Франклина не занимала Берли так, как прежде; ему просто некогда было раздумывать над ней. Он умел быть терпеливым, когда не оставалось ничего другого, и не сомневался, что рано или поздно все узнает. Несколько раз — Дон мог бы в этом поклясться — Франклин готов был поверить ему свою тайну, но тут же опять замыкался. А Дон не показывал виду, что заметил это, и между ними возобновлялись прежние отношения.

Ясным утром, когда ленивая зыбь чуть колебала поверхность моря, они шли по узкому пирсу, соединившему западный берег Герона с кромкой рифа. Несмотря на прилив, расстояние от кораллового дна до поверхности нигде не превышало пяти-шести футов, и вода была прозрачайшая, видно все до мелочей. Однако этот природный аквариум не занимал ни Франклина, ни Берли. Это все привычное зрелище; главная прелесть и красота — глубже, на подводном склоне.

В двухстах ярдах от острова коралловое поле довольно круто падало вниз, но опирающийся на все более длинные сваи пирс протянулся еще дальше, заканчиваясь горсткой служебных зданий. Строители сделали героическую, в общем-то удавшуюся попытку избежать впечатления мрачного беспорядка, которое почти неизбежно производят всякие доки и пирсы; даже краны не казались уродливыми. С неохотой отдавая в аренду Всемирной организации продовольствия архипелаг Каприкори, власти Квинсленда поставили непременным условием, чтобы не пострадала первозданная красота островов. И ВОП, можно сказать, справилась с этим.

— Я предупредил, чтобы нам приготовили две торпеды, — сказал Берли.

Спустившись по лестнице в конце эстакады, они через двойную дверь вошли в просторный воздушный шлюз. Давление повысилось, и у Франклина заложило уши; он прикинул, что они сейчас футов на двадцать ниже уровня моря. В ярко освещенном эллинге хранилось различное подводное снаряжение — от обычного акваланга до хитроумнейших двигательных устройств. Заказанные Доном торпеды лежали на тележках на аппарели, которая уходила в недвижимую воду в конце эллинга. Они были покрашены в ярко-желтый цвет, отличающий все учебное оборудование. Дон неприязненно посмотрел на них.

— Да, уже года два, если не больше, как я ими не пользовался, — сказал он Франклину. — У тебя это, наверно, получится лучше, чем у меня. Я предпочитаю обходиться без механизации, когда иду под воду.

Они разделись, оставшись только в плавках и свитерах, навесили на спину дыхательные аппараты. Дон дал в руки Франклину небольшой, но очень тяжелый баллон из пластика.

— Вот это и есть баллон со сжатым воздухом, о котором я тебе рассказывал. Тысяча атмосфер, представляешь себе, воздух в нем плотнее воды. Поэтому с обоих концов есть пустые отсеки для нулевой плавучести. По мере того как ты расходуеть воздух, автоматика подпускает в поплавки воду, и баллоны все время остаются почти невесомыми. А без этого выскочишь наверх, как пробка, когда тебе этого меньше всего хочется.

Он посмотрел на манометры и кивнул.

— Половинный запас, — отметил он. — Нам и того не понадобится. Полный заряд рассчитан на сутки, а мы всего-то с час походим.

Они подогнали новые, во все лицо, маски, тщательно проверенные заранее, чтобы не протекали и не давили. Теперь до конца курса маски будут принадлежать только им, вроде как зубные щетки, потому что нет двух людей с одинаковым овалом лица, а малейшая щель может оказаться роковой.

Затем они проверили подачу воздуха, убедились, что маленькие переносные радиостанции работают, и,

наконец, легли каждый на свою торпеду. Прозрачные щитки защищали голову, ведь скорость встречной струи достигает тридцати узлов. Франклин лучше вставил ноги в подпертки и нащупал пальцами педали скорости и реверса. Перед лицом у него, посередине пульта находился рычажок, который управлял торпедой, как ручной штурвал самолетом. На том же пульте было несколько тумблеров, компас, спидометр, глубиномер, вольтметр. И все.

Дон дал Франклину последние наставления и заключил:

— Держись правее меня футах в двадцати, чтобы я все время видел тебя. Если что не так и придется бросить торпеду, не забудь только выключить мотор, не то будет носиться, потом ищи ее. Готов?

— Да, готов, — ответил Франклин в маленький микрофон.

— Ну, пошли.

Тележки покатались вниз по аппарели, и вот уже они в воде. Знакомое ощущение: как и все, Франклин немножко занимался подводным плаванием, иногда ходил с аквалангом. Предвкушая приятную прогулку, он услышал, как зажужжала маленькая турбина в корпусе торпеды; стены эллинга медленно заскользили назад.

Как только они вышли из-под свай, кругом стало светлее. Видимость здесь была не очень хорошая, от силы тридцать футов, но дальше вода была прозрачнее. Дон развернулся и под прямым углом к рифу пошел в море со скоростью пяти узлов.

— Главная опасность с этой игрушкой, — говорил его голос в маленьком наушнике, вставленном в ухо Франклина, — разгонишься слишком быстро и на что-нибудь налетишь. Под водой трудно судить о расстоянии, тут нужен опыт. Вот, посмотри.

И он заложил крутой вираж, огибая внезапно выросшую перед ними коралловую башню. Если это было рассчитано заранее, то рассчитано здорово, подумал Франклин. Они прошли в каких-нибудь десяти футах от живой горы; он успел заметить полчища ярко окрашенных рыб, которые невозможно смотрели на

него. Должно быть, привыкли к торпедам и подводным лодкам. Лов тут строго-настрого запрещен, так что человека им тоже нечего бояться.

Включив крейсерскую скорость, они через несколько минут очутились в проливе, который отделял остров от соседних рифов. Тут было где разгуляться, и Франклин стал повторять за Доном бочки, петли и горки. Он никак не поспевал за своим учителем. Они то устремлялись ко дну, на глубину около ста футов, то выскакивали из воды, чтобы сориентироваться. И все время Дон вел репортаж, прерывая его, чтобы выяснить, как себя чувствует ученик.

А Франклин чувствовал себя великолепно. В проливе вода была намного прозрачнее, и они видели почти на сто футов. В одном месте они врезались в косяк любопытных бонит, которые сопровождали их, пока Дон не прибавил скорости и не ушел от эскорта. Акулы почему-то не попадались, и Франклин спросил Дона, в чем дело.

— Так ведь с торпедой многого не увидишь, — ответил тот. — Шум водомета распугивает их. Если хочешь познакомиться со здешними акулами, плавай по старинке. Или выключи мотор и жди, пока сами не придут взглянуть на тебя.

Впереди что-то темное возвышалось над дном; сбросив ход, они приблизились к коралловой гряде высотой двадцать-тридцать футов.

— Здесь живет один мой старый приятель, — сказал Дон. — Посмотрим, может быть, он дома? Почти четыре года не виделись, да разве это срок для него — ему лет двести, не меньше!

Они проплывали мимо огромного, покрытого зеленою кораллового гриба. Франклин рассматривал тени под ним. Вот огромные глыбы, а вот чета изящных помакантид, совсем плоских: он чуть не потерял их из виду, когда они повернулись к нему хвостом. Но ничего похожего на то, о чем рассказывал Берли.

Вдруг одна из глыб сдвинулась с места и поплыла — хорошо, что не в его сторону! Рыбина, какой он в жизни не видел, — длинной почти с торпеду и намного толще, — уставилась на него огромными выпуклы-

ми глазищами. Она разинула толстогубую пасть, и Франклин почувствовал себя, как Иона в тот великий миг, который навеки прославил его. Блеснули неожиданно мелкие зубы, и пасть захлопнулась; он даже ощутил толчок воды.

По голосу Дона было слышно, как он радэтой встрече, напомнившей ему пору, когда он сам был курсантом.

— Привет, старина Губошлеп, давненько не виделись! Правда, хорошо? Семьсот пятьдесят фунтов, положиись на мое слово. Есть его фотографии, снятые восемьдесят лет назад, он на них ненамного меньше. Удивительно, как подводные охотники не добрались до него, когда еще тут не было заповедника.

— Меня больше удивляет, как он до них не добрался, — заметил Франклин.

— Он же совсем безопасен. Промикроскопы питаются только тем, что могут проглотить целиком. Зубешки у него мелковаты, кусать не приспособлены. Нет, человека ему не одолеть. Разве что еще лет через сто...

Оставив великана охранять вход в свою обитель, они продолжали плыть вдоль рифа. Дальше особых приключений не было, если не считать встречи с большим скатом, который, заведя их, снялся со дна, часто-часто хлопая «крыльями». Плывя, он удивительно напоминал огромные самолеты с дельтовидным крылом, которые парили в воздушном океане лет шестьдесят-семьдесят тому назад. Удивительно, подумал Франклин, как природа предвосхитила многие изобретения человека. Взять хотя бы форму этой торпеды, даже самый принцип реактивного движения.

— Обогнем риф, замкнем круг, — сказал Дон. — Минут за сорок дойдем до пирса. Как самочувствие?

— Отлично.

— Уши не болят?

— Левое ухо поначалу вроде бы заложило, но теперь ничего.

— Ладно, тогда пошли. Иди чуть сзади и выше, чтобы я видел тебя в зеркальце. А то, пока ты шел справа, я все время боялся врезаться в тебя.

Перестроившись, они со скоростью десяти узлов

устремились на восток, следуя за извивами рифа. Дон был доволен прогулкой; Франклин уверенно держался под водой. Конечно, окончательный вывод делать рано, надо еще посмотреть, как он поведет себя в аварийном случае. Но это до следующего раза.

Без ведома Франклина ему уже подстроили небольшую каверзу.

4

Дни были похожи один на другой; надолго установился штиль, солнце описывало дугу за дугой в безоблачном небе. Но учение и работа не давали скучать.

По мере того как разум Франклина воспринимал новые знания и навыки, он явно освобождался от власти кошмара, который прежде угнетал его. Про себя Дон иногда сравнивал Франклина с тугой пружиной, которая теперь постепенно раскручивалась. Правда, у него еще бывали ничем не оправданные, казалось бы, вспышки; раз или два из-за этого даже срывались занятия. В одном случае отчасти был повинен Дон, за что он до сих пор казнил себя.

В тот день он с утра туго соображал, так как накануне поздно засиделся с ребятами, которые отмечали окончание курса; им присвоили звание младших смотрителей (с испытательным сроком), и они чрезвычайно гордились значком серебряного дельфина, украсившим их форменки. Похмелье — не похмелье, просто мозги работали вяло, а тут, как назло, подвернулся какой-то сложный вопрос подводной акустики. Даже будь у него голова как стеклышко, Дон постарался бы обойти этот вопрос по кривой — дескать, он не силен в математике, но если взять графики сжимаемости и температуры, получится то-то и то-то...

Это почти всегда проходило с другими учениками, но Франклина отличало нелепое пристрастие к частностям. Он принялся вычерчивать графики и дифференцировать уравнения, а Дон тихо бесился, предвидя, что сейчас будет разоблачено его невежество. Франклин быстро убедился, что орешек ему не по зубам, и попросил помощи у своего наставника. Тот сам ничего

не понимал, но как в этом признаться! Создалось впечатление, что он просто не хочет помочь; в итоге Франклин вспылил и сердито вышел из класса. А Дон отправился в амбулаторию и с досадой обнаружил, что выпускники уже разобрали весь аспирин.

К счастью, такие недоразумения случались редко; оба научились уважать друг друга и идти на какие-то уступки. Вообще же Франклин не пользовался любовью преподавателей и курсантов. Во-первых, он сам избегал близких знакомств, за что местное общество признало его зазнайкой. Курсанты завидовали его привилегиям, особенно отдельной комнате. Преподаватели были недовольны дополнительной нагрузкой, а еще тем, что ничего не могли о нем выведать. И Дон, к своему собственному удивлению, не раз ловил себя на том, что с жаром защищает Франклина от нападок своих коллег.

— Он не такой уж плохой парень, когда узнаешь его поближе, — говорил он. — Не хочет о себе рассказывать — ну и что же, это его личное дело. Самое высшее начальство стоит за него — значит, заслужил. Я уж не говорю о том, что он любого из вас за пояс заткнет, когда я сделаю из него смотрителя.

Несколько человек недоверчиво фыркнули, а кто-то спросил:

— А на сюрпризах ты проверял его?

— Еще нет, но скоро проверю. Отличную штуку придумал. Поглядим, как выпутается. Потом расскажу.

— Пять против одного, что он перетрусит.

— Идет. Копи деньги.

Выходя второй раз с Доном на торпедах, Франклин не подозревал, какое развлечение ему приготовлено, и он, конечно, не мог знать, что от него зависит исход пари. Оставив позади пирс, они пошли южным курсом на глубине около тридцати футов. Пересекли расчищенный взрывами узкий проход для мелких судов Научно-исследовательской станции и сделали круг возле подводной кабины, позволяющей ученым со всеми удобствами изучать обитателей морского дна. Но в кабине было пусто, никто не смотрел на них сквозь толстое зеркальное стекло иллюминаторов. Интересно,

спросил себя Франклин, чем сейчас занята юная любительница акул?

— А теперь — к рифу Вистари, — сказал Дон. — Поупражняешься в навигации.

И он развернулся на запад; там было глубже. Видимость в этот день не достигала и тридцати футов, уследить за ним было нелегко. Но вот Дон сбавил ход и пошел по кругу, ставя задачу Франклину.

— Сперва пойдешь так: курс двести пятьдесят, скорость десять узлов, время — одна минута. Потом с той же скоростью курсом ноль десять, время то же. Там встретимся. Понятно?

Франклин повторил условия; они сверили часы. Смысл задачи был ясен: маршрут представляет собой две стороны равностороннего треугольника — сам Дон, очевидно, не спеша пойдет к назначенной точке вдоль третьей стороны.

Франклин лег на заданный курс, нажал педаль скорости, и торпеда рванулась вперед, в голубую мглу. Лишь по тому, как тугая встречная струя хлестала по коленям, мог он судить о быстроте хода, а ведь без щитка его сразу бы смело с аппарата. Иногда внизу мелькало дно — гладкое и скучное здесь, в проливе между могучими рифами, — а в одном месте он достиг стайку щетинозубов, которые, заметив его, бросились врассыпную.

Вдруг он осознал, что впервые идет под водой один, окруженный стихией, в которой ему жить и работать. Эта среда служит ему опорой, она защищает его, но может в две-три минуты убить, если он ошибется. Или если вдруг подведет снаряжение. Однако мысль об этом не испортила ему настроения, он был достаточно уверен в себе и в своих навыках, которые совершенствовались с каждым днем. Франклин знал теперь, чего море требует от человека, и готов был принять вызов. С радостью он подумал, что жизнь его вновь наполнилась смыслом.

Одна минута... Он реверсировал водомет и сбавил скорость до четырех узлов. Пройдена треть мили, пора ложиться на новый курс; вторая сторона треугольника приведет его к Дону.

Он повернул рычажок вправо и тотчас понял: что-то неладно. Торпеда вышла из повиновения и тяжело переваливалась с боку на бок. Тогда он выключил двигатель; лишенный тяги, аппарат медленно повлек его ко дну.

Лежа на спине своего взбунтовавшегося рысака, Франклин пытался сообразить, в чем дело. Неудача не столько встревожила, сколько рассердила его. Вызывать Дона бессмысленно, эти маленькие радиостанции обеспечивают связь под водой от силы на двести метров. Как же быть?

Мозг подсказал сразу несколько ответов — и все не то. Починить торпеду нельзя, приборная доска запечатана, да у него и нет инструментов. Судя по тому, что отказали вертикальный и горизонтальный рули, поломка серьезная. Непонятно, как это могло случиться.

Уже пятьдесят футов, и он погружается все быстрее. Внизу показался плоский песчаный грунт; Франклин с трудом подавил безотчетный порыв — продуть цистерны торпеды и всплыть. Кажется, что может быть естественнее при неисправности — подняться к солнцу и воздуху, но это было бы самое неудачное решение. На дне он не торопясь все обдумает, а на поверхности его может унести течением на много миль в сторону. Конечно, База быстро поймает его радиосигналы, но Франклин хотел выпутаться сам, без посторонней помощи.

Торпеда легла на грунт; несильное течение быстро унесло поднятое ею облачко песка. Откуда-то явился небольшой промикрос и уставился на чужака своими выпученными глазами. Франклину было не до зрителей. Он осторожно слез с аппарата и направился к корме. Без ластов его подвижность была сильно ограничена; к счастью, на корпусе было достаточно ручек, позволявших без труда передвигаться вдоль торпеды.

Так и есть (но не понятно, почему) — рули болтаются как попало. Он легко вертел их во все стороны, не ощущая никакого сопротивления. А если приладить наружные тяжи и попробовать править вручную?

В кармашке на поясе есть нейлоновый тросик и нож. Но как прикрепить тросик к гладким, обтекаемым лопастям?

Похоже, придется шагать обратно пешком — пустить мотор на малой скорости и идти за торпедой, направляя ее руками. Не очень удобно, но теоретически допустимо, а что тут еще придумаешь?

Франклин поглядел на часы. Всего две минуты, как он сделал безуспешную попытку лечь на новый курок; значит, он пока только на минуту опаздывает к месту встречи. Дон еще не успел встревожиться, но скоро начнет искать запропавшего ученика. Может быть, самое разумное — ждать здесь, пока не появится Дон?

И тут в душе Франклина родилось подозрение, которое через секунду сменилось полной уверенностью. Он припомнил различные толки, которые ему доводилось слышать, вспомнил, как держался Дон перед выходом в море: у него было смущенно-натянутое лицо, точно он втайне приготовил какую-то каверзу.

Ну, конечно. Все это подстроено нарочно. И Дон сейчас ждет, что он предпримет: парит за пределами видимости, готовый прийти на помощь, если дело обернется скверно. Франклин скинул взглядом полушарие, которым ограничивалось его поле зрения, — не притаилась ли во мгле вторая торпеда? Он ничего не увидел — и не удивился. Берли слишком умен, его так легко не поймать. Но это в корне все меняет. Теперь задача Франклина не только выпутаться самому, но и сообразить, как можно отыгаться на Доне.

Он вернулся к пульта и включил двигатель. Легонько нажал на педаль скорости; торпеда вздрогнула, под соплом забился вихрь песка. После нескольких проб Франклин убедился, что можно идти за аппаратом пешком, надо только все время следить, чтобы он не взмыл к поверхности или не зарылся носом в песок. Конечно, так не скоро доберешься до дому, но другого выхода нет.

Франклин прошел не больше десятка шагов, провожаемый свитой озадаченных рыб, когда его осенила новая мысль. Да нет, слишком это просто, ничего не выйдет... А почему не попробовать? Он лег на торпеду,

как положено, и, двигаясь вперед и назад, добился полного равновесия. Потом поднял нос аппарата, раздвинул руки в стороны и дал педалью малый ход.

Нелегко было все время напрягать запястья, мгновенно отзываясь, когда торпеда пыталась вильнуть вниз или в сторону. Но в общем-то вполне можно было править ладонями; примерно то же самое, что ехать на велосипеде, сложив руки на груди. На скорости в пять узлов площадь его ладоней оказалась в самый раз, торпеда хорошо слушалась.

Интересно, кто-нибудь до него ходил таким способом?.. Франклин был очень доволен собой. Попробовал увеличить скорость до восьми узлов, но руки не выдерживали такого напора воды, и он сбавил ход, не дожидаясь, когда потеряет управление.

А почему бы теперь не пойти к назначенному месту — вдруг Дон ждет его? Он опоздает на несколько минут, зато докажет, что способен, несмотря на подстроенные — он в этом больше не сомневался, — препятствия, выполнить задание.

Дона не было ни в условленной точке, ни по соседству с ней. Не трудно было представить себе, что произошло. Неожиданная прыть Франклина застигла Берли врасплох, и он потерял ученика в подводной мгле. Ничего, пусть поищет. Чтобы все было по правилам, Франклин включил радио и сделал вызов, но ответа не последовало.

— Иду домой! — крикнул Франклин в окружающую его толщу.

Тишина. Видно, Дон ушел слишком далеко, мечется, не знает, где и искать своего подопечного.

Идти и дальше под водой — значило только затруднять себе ориентировку и управление. Франклин всплыл и увидел, что меньше тысячи ярдов отделяет его от пирса ремонтников. Перенеся тяжесть назад, так что нос торпеды задрался, он заскользил по поверхности, словно глассер, и через пять минут был дома.

Пропустив аппарат через антикоррозийную обмывку, обязательную после работы в соленой воде, Франклин приступил к исследованию. Снял приборную доску и тотчас увидел, что ему досталась не совсем обычная

торпеда. Без схемы нельзя было точно определить назначение этих радиоуправляемых реле, но он догадывался, что у них увлекательнейший репертуар. Они, конечно, могут остановить двигатель, продуть или наполнить водой цистерны плавучести, отключить рули. Франклин подозревал, что при желании можно также вывести из строя компас и глубиномер. Словом, кто-то основательно потрудились и создал подходящего рысака для чересчур самоуверенных курсантов.

Он поставил на место доску и доложил о своем прибытии дежурному.

— Видимость никудышная, — добавил он; это была чистая правда. — Мы с Доном потеряли друг друга, и я решил вернуться. Наверно, и он скоро придет.

Когда Франклин вошел в столовую один, без инструктора, молча сел в сторонке и погрузился в чтение журнала, все были явно озадачены. Сорок минут спустя грохот дверей возвестил о прибытии Дона. Надо было видеть его лицо, эту смесь облегчения и растерянности, когда он, окинув взглядом помещение, узрел своего пропавшего ученика, который с самым невинным видом спросил его:

— Ты где пропал?

Берли повернулся к своим коллегам и вытянул руку ладонью кверху.

— Платите, ребята, — скомандовал он.

Его сомнениям пришел конец: этот парень ему определенно нравился.

5

«Не похожи на обычных ученых гостей», — решила Индра, когда по пути в свою лабораторию заметила двух мужчин, которые стояли у перил, ограждающих главный бассейн аквариума. И только подойдя ближе, она разглядела их. Тот, что пошире в плечах и выше ростом, — старший смотритель Берли, а второй, очевидно, знаменитый человек-загадка, которого он обучает по ускоренной программе. Она слышала его фамилию, но не запомнила, так как дела школы ее мало занимали. Как представитель чистой науки, Индра свысока смотрела на сугубо практическую деятель-

ность Отдела китов, хотя если бы кто-нибудь открыто обвинил ее в интеллектуальном снобизме, она бы возмущилась.

Их разделяло несколько шагов, когда Индра сообщила, что и второго тоже уже встречала. В свою очередь, обращенное к ней лицо Франклина словно говорило: «А ведь мы где-то виделись?»

— Здравствуйте, — сказала она, остановившись рядом с ними. — Вы меня помните? Девушка, которая коллекционирует акул.

Франклин улыбнулся и ответил:

— Конечно, помню, меня до сих пор иногда мутит. Надеюсь, вы нашли уйму витаминов?

Но озадаченное выражение, как у человека, который тщетно силится что-то припомнить, не покидало его лица. У Франклина был такой потерянный вид, что Индра поймала себя на сочувствии к нему. Уж это совсем ни к чему! Мало ей тех случаев, когда с трудом удавалось уберечься от сердечных конфликтов? И она строго повторила в уме свое твердое решение: «Не раньше, чем получу степень магистра...»

— Вот как, вы знакомы, — уныло произнес Дон. — Что ж, представь меня.

Дона можно не опасаться. Он немедленно начнет ухаживать за ней; какой наблюдатель не считает себя сердцеедом! И она вовсе не против — хотя плечистые блондины не в ее вкусе, приятно сознавать, что ты производишь впечатление. Серьезного ничего не будет, она может поручиться за себя. Правда, с Франклином Индра чувствовала себя далеко не так уверенно.

Они непринужденно беседовали, слегка подтрунивая друг над другом и рассматривая дельфинов и крупных рыб, которые кружили в овальном водоеме. Главный бассейн лаборатории представлял собой искусственную лагуну, вода в нем дважды в сутки освежалась помпой и приливно-отливным течением. Бассейн делился на секции; сквозь проволочные ограждения алчно поглядывали друг на друга неуживчивые экспонаты. Небольшая тигровая акула с неизбежными прилипалами на спине металась в подводной клетке, не сводя глаз с вкуснейших пампано, сновавших по со-

седству. В других отделениях можно было наблюдать удивительные примеры сосуществования. Ярко окрашенные лангусты — ни дать ни взять огромные размалеванные креветки — копошились в нескольких дюймах от хищной пасти страшной мурены. А стайка молодых лососей, похожих на сардины из консервной банки, юлила перед носом у старого промикроста, который мог всех их проглотить одним махом.

Этот маленький безмятежный мирок был так не похож на риф, где шла непрекращающаяся битва. Правда, если бы сотрудники лаборатории хоть раз забыли покормить своих подопечных, гармонии быстро пришел бы конец и население бассейна катастрофически сократилось бы.

Разговаривал преимущественно Дон; он как будто совсем забыл, что привел сюда Франклина, чтобы показать ему учебные фильмы про китов из обширной лабораторной фильмотеки. Старший смотритель Берли явно старался произвести впечатление на Индру, не подозревая, что она видит его насквозь. Франклин не без интереса наблюдал за этой игрой. Один раз Индра перехватила его взгляд, когда Дон расписывал трудности и лишения, выпадающие на долю простого смотрителя, и они улыбнулись друг другу как люди, знающие забавный секрет. И вдруг Индра подумала, что степень магистра, возможно, еще не самое главное на свете. Нет, нет, никаких романов, но не мешало бы побольше узнать о Франклине. Как его имя?.. Да — Уолтер. Есть более красивые имена, ну, и это ничего.

Твердо уверенный, что покоряет еще одно слабое женское сердце, Дон не улавливал эмоциональных токов, которые пронизывали воздух, не касаясь его. Обнаружив вдруг, что они уже на двадцать минут опаздывают в просмотровый зал, он шутя пожурил Франклина; тот принял выговор кротко и рассеянно. Весь этот день его мысли витали далеко от занятий, но Дон ничего не заметил.

Первая часть курса была, в сущности, закончена. Франклин изучил основы профессии смотрителя, теперь дело было за опытом, который он мог приобрести только со временем. Его успехи по всем статьям пре-

взошли ожидания Дона. Сыграла роль научная подготовка да и врожденная смекалка. К тому же Франклин занимался с настойчивостью и решимостью, которая иногда пугала его учителя. Словно для него было вопросом жизни и смерти одолеть этот курс. Слов нет, поначалу он раскачивался туговато, первые дни был апатичным, новая профессия его, очевидно, не захватила. Потом он ожил, открыв для себя замечательные возможности, щедро заложенные в стихии, которую он должен был подчинить себе. Дон не был склонен к образному мышлению, но Франклин напоминал ему человека, пробуждающегося от долгого тяжелого сна.

Первый выход на торпедах был решающей проверкой. Возможно, Франклину никогда не придется пользоваться торпедами, разве что для развлечения; эти аппараты создавали с расчетом на мелководье и короткие переходы, а рабочее место зрителя — в сухой уютной кабине подводной лодки, под защитой прочного корпуса. Однако каким бы умелым и знающим ни был водитель, если он не держался в воде легко и уверенно (но не самонадеянно!), он не годился в зрители.

Успешно прошел Франклин и другие испытания: декомпрессия, углекислый газ, глубинное опьянение. Берли отвел его в «камеру пыток» учебного комбината, и врачи начали постепенно повышать давление, имитируя спуск. Он чувствовал себя хорошо до глубины ста пятидесяти футов, дальше стал туго соображать и не мог решить простейших арифметических примеров, которые ему задавали по интеркому. На глубине трехсот футов он захмелел и отпуская острооты, от которых сам хохотал до слез; следившие за ним врачи не видели в них ничего смешного. (Потом, прослушав магнитофонную запись, Франклин согласился с ними.) На глубине трехсот пятидесяти футов он еще был в сознании, но не реагировал на голос Дона, даже когда тот поносил его самыми черными словами. Наконец на глубине четырехсот футов он впал в беспамятство, после чего давление медленно понизили до нормального.

Хотя это вряд ли могло ему понадобиться, Франк-

лин испытал на себе также газовые смеси, позволяющие человеку сохранять работоспособность на гораздо больших глубинах. Конечно, он будет погружаться не с дыхательным аппаратом, а в удобной кабине подводной лодки, дыша обычным воздухом при нормальном давлении. Но зритель должен быть на все руки мастер — мало ли какую технику придется использовать при аварии.

Мысль о том, чтобы оказаться с Франклином вдвоем в учебной лодке, теперь не пугала Берли. Несмотря на скрытность ученика и загадочность его прошлого, они сработались, как полагается коллегам. Друзьями они пока не стали, но в душе уважали друг друга.

Выйдя первый раз на подводной лодке, они держались на малой глубине между Большим Барьерным и материком. Франклин осваивал управление лодкой и — самое главное — навигационные приборы. «Сумеешь провести лодку здесь, в лабиринте рифов и островков, — сказал Дон, — потом проведешь ее где угодно». И если не считать того, что он чуть не врезался на полном ходу в остров Мастхед, Франклин совсем неплохо выполнил задачу. Сложные маршруты по пульту управления его пальцы проходили осмотрительно и точно. Дон знал, что скоро к Франклину придет автоматизм, он будет подсознательно регистрировать показания всех шкал и индикаторов, пока что-нибудь не насторожит его.

Дон предлагал все более трудные задания — например, прокладывать счислением замысловатейшие курсы; по сетке гидролокатора они проверяли, куда пришли на самом деле. И лишь когда он почувствовал, что Франклин уверенно управляет лодкой, они через край материковой отмели вышли на глубоководье.

Но мало водить скаутсаб; надо, чтобы глаза и уши разведчика стали твоими и ты понимал все виды информации, подаваемой на пульт приборами, которые непрерывно зондируют подводный мир. Пожалуй, главными были датчики гидролокатора. В самой мутной воде и в крошечной тьме акустические импульсы безошибочно находили все препятствия в пределах

десяти миль и показывали многие подробности. Гидролокатор рисовал очертания морского дна, за полмили видел двух-трехфутовых рыб. А китов и других крупных животных он обнаруживал на пределе дальности и точно устанавливал их положение.

Зрение разведчика было более ограничено. В океанской толще, подалеке от нескончаемых струй ила, ползущих над шельфом, иногда — очень редко — можно было видеть на двести футов. А в прибрежных водах телевизионный глаз с трудом проникал дальше пятидесяти футов, зато уж получалось такое изображение, какого другие приборы не могли дать.

Но поисковая лодка должна не только видеть и слышать, ей надо действовать. И Франклин учился владеть своим арсеналом. Тут были буры, которые брали пробы грунта, приборы для проверки заграждений, механизмы, чтобы собирать образцы фауны и флоры, клейма для безболезненного мечения строптивых китов, электроронды — давать острастку излишне любопытным хищникам. Маленькие торпеды и отравленные «жала», которые в несколько секунд убивали даже самых могучих животных, применялись в исключительных случаях.

Осваивая все эти принадлежности своей новой профессии, Франклин каждый день выходил далеко в океан. Иногда они пересекали заграждение, и ему казалось, что он буквально воспринимает этот никогда не смолкающий тонкий, пронзительный визг. Акустические генераторы, посылающие из пучины к поверхности веерные лучи, опоясывали уже половину земного шара.

Что сказали бы об этом наши деды и прадеды? — спрашивал себя Франклин. В известном смысле это можно было назвать величайшим и самым дерзким из всех свершений человека. Море, с начала времен диктовавшее людям свою волю, наконец-то было укрощено. Победа, которую можно поставить в один ряд с пусканием космоса.

Но эта победа никогда не будет окончательной. Море только и ждет случая, чтобы нанести удар, и каждый год оно требует жертв. В Отделе китов

Франклин видел список погибших. В нем немало имен — и много места для новых.

Хочешь вести дела с морем, умей с ним ладить, и Франклин постигал эту науку. Ему некогда было читать что-нибудь сверх программы, но он пролистал «Моби Дик» — книгу, которую почти всерьез называли библией Отдела китов. В целом она показалась ему скучной и очень далекой от мира, в котором он жил. Но местами повесть Мелвилла с ее архаичным и напыщенным слогом задевала какие-то струны его души и помогала лучше узнать океан, который он тоже должен был научиться ненавидеть и любить.

А вот Дон Берли начисто отвергал «Моби Дика» и частенько подшучивал над теми, кто без конца его цитировал.

— Мы могли бы кое-чему поучить этого Мелвилла! — снисходительно бросил он однажды.

— Конечно, могли бы, — согласился Франклин. — А ты бы решился бить кашалотов ручным гарпуном с открытой лодки?

Дон промолчал. Он не был в этом уверен, а врать не хотел.

Зато он был уверен в другом. Видя, как быстро Франклин осваивает новое дело, обещая уже через несколько лет стать старшим смотрителем, Дон с уверенностью мог сказать, кем был прежде его ученик. Не хочет говорить — его дело. Конечно, обидно, что Франклин ему не доверяет, но ведь рано или поздно все равно расскажет.

Однако не Дон первым узнал истину, а Индра, и получилось это совершенно случайно.

6

Они ежедневно встречались в столовой, правда, Франклин до сих пор не сделал решающего — и почти беспрецедентного — шага, не пересел за стол, за которым обедали научные сотрудники. Столь открытое объяснение в любви привело бы в восторг всех местных сплетников; да и вообще для этого еще не созрело время. Пока что к Индре и Франклину вполне было приложимо избитое «мы только друзья».

Конечно, они правились друг другу, и конечно, это подметили чуть не все, кроме Дона. Не раз товарищи Индры по работе одобрительно говорили ей: «Айсберги начал таять...» — и эти слова доставляли ей удовольствие. Те, кто узнал Франклина поближе и мог позволить себе шутку в разговоре с ним, советовали ему не забывать, что Дон — старший смотритель, а они очень дорожат своей славой неотразимых. Франклин отвечал натянутой улыбкой, маскирующей чувства, в которых он сам еще как следует не разобрался.

Одиночество, стремление уйти от воспоминаний и потребность отвести душу, особенно острая при такой нагрузке, — все это играло не меньшую роль, чем естественная для всякого мужчины симпатия к обаятельной девушке, какой была Индра. Он не знал, придут ли на смену товарищеским отношениям более серьезные, и даже не был уверен, что хочет этого.

Не была уверена в этом и Индра, хотя ее прежние взгляды были явно поколеблены. Иногда она позволяла себе мечтать, и в этих мечтах карьера отступала куда-то на задний план. Рано или поздно она выйдет замуж, это неотвратимо — и ее избранник будет очень похож на Франклина... Прямо сказать себе, что она мечтает о нем, Индра пока не решалась.

Многое мешало любви на острове Герон, в том числе теснота: чересчур много людей на слишком маленьком пятачке суши. Оставшийся клочок леса не выручал тех, кому хотелось уединиться. Бродя ночью по его тропинкам и закоулкам, следовало очень тактично пользоваться фонариком, который был необходим для того, чтобы не напороться на низко висящие сучья. Частенько любимое место оказывалось занятым — как-то это, если больше, некуда пойти!

Только сотрудникам Научно-исследовательской станции повезло. Всеми подводными и большинством надводных плавучих средств на острове распоряжалась администрация, она предоставляла ученым суда для работы. Но по какой-то необъяснимой случайности в ведении лаборатории остался собственный небольшой флот: баркас и два катамарана, которые принадлежали неизвестно кому. Во всяком случае, они поче-

му-то всегда были в море, когда приезжали ревизоры.

Юрким катам всегда находилась работа, так как маленькая осадка, всего шесть дюймов, позволяла ходить над рифом в любое время, исключая часы отлива. При хорошем попутном ветре они свободно делали двадцать узлов, что очень правилось любителям гонок. Когда каты не были заняты, ученые ходили на них к соседним островам, чтобы поразить своей удалью друзей обычно противоположного пола.

Как ни странно, суда и команды всегда благополучно возвращались из походов. Аварий не было, разве что в моральной сфере. Так, после увеселительной прогулки на кате одного очень заслуженного старшего смотрителя пришлось снести на берег на руках, и он покаялся, что никто и ничто не заставит его больше путешествовать по *поверхности* моря.

Когда Индра спросила Франклина, не сходить ли им на Мастхед, он тотчас согласился. Потом осторожно справился:

— А кто поведет лодку?

Индра даже обиделась.

— Я, конечно, — ответила она. — Маршрут знаю, десятки раз ходила.

Было видно, как она приготовилась дать отпор, если он подвергнет сомнению ее способности, но Франклин промолчал. Он давно убедился, что Индра разумная и уравновешенная — пожалуй, даже слишком уравновешенная, — девушка. Если она говорит, значит, справится.

Но сперва нужно было решить еще один вопрос. Кат рассчитан на четверых — кого они возьмут с собой?

Ни Франклина, ни Индру нельзя было назвать автором окончательного решения. Оно словно само созрело, пока они перебирали возможных спутников — Дона и друзей Индры по лаборатории. Вдруг разговор оборвался и наступила неловкая тишина, какая порой нарушает самую оживленную беседу.

И они почувствовали, что думают одно и то же и в их отношениях наступила новая пора. Они никого

не возьмут с собой на Мастхед, воспользуются случаем впервые nobyть наедине. Ни он, ни она не хотели признаться себе, что это значит: способность человека к самообману поразительна.

Им удалось улизнуть только во второй половине дня. Франклина мучило чувство вины перед Доном. Как он это воспримет? Наверно, обидится. Ладно, Дон не злопамятный; переживет это как мужчина.

Индра ничего не упустила: продукты, крем от загара, полотенца — все, что нужно в походе, она припасла. Молодец. Вон как основательно все делает, из нее выйдет хорошая хозяйка. Но тут же Франклин подумал, что деловитые женщины, как правило, счастливы лишь тогда, когда им удастся всецело подчинить себе супруга.

С материка дул свежий ветер, и кат запрыгал по волнам, словно живое существо. Франклин еще никогда не ходил под парусами, он с упоением отдался скорости. Откинувшись на потертую обивку открытой кабины, он смотрел, как остров Герон стремительно уходит назад. Взгляд его остановился на двойной кремового цвета кильватерной струе, потом скользнул по паполненным ветром тугим парусам. И он с мимолетным сожалением подумал: почему все созданные человеком средства транспорта не так же просты и стремительны... Как непохоже это суденышко на полный всевозможных приспособлений скаутсаб. А впрочем, есть задачи, которых не решить простейшим способом, и с этим ничего не поделаешь.

Слева длинной чередой тянулись округлые глыбы коралла, выброшенные за сотни лет штормами на гребень рифа Вистари. Иступленная ярость прибоя на этот раз особенно поразила Франклина. Он часто видел, как волны разбиваются о затопленную преграду, но впервые — так близко и с такого хрупкого суденышка.

Вот и кипящий риф позади, скоро ветер доставит катамаран к цели. А если ветер подведет (что мало вероятно), их выручит небольшой водометный двигатель. Но это самое крайнее средство, каждый считал делом чести вернуться с полным баком горючего.

Хотя они впервые ощутились вдвоем, говорить не хотелось. Они вели немой диалог, им было хорошо в открытом море под открытым небом. Сверху и снизу — чистая голубизна, и только вдали мглистая кромка горизонта. Остальной мир не существовал, и даже время как будто остановилось.

Франклин был готов лежать так вечно, отдавшись плавному движению лодки, перышком скользившей по волнам.

Но вот впереди возникло низкое темное облако, потом оно обернулось лесистым островком; барьерный риф преграждал путь к полоске песчаного пляжа. Индра нахмурилась и сосредоточила все внимание на лодке. Франклин озабоченно посмотрел на опоясавшие остров буруны.

— Как же мы тут пройдем? — спросил он.

— С подветренной стороны. Там спокойнее, и сейчас прилив, проскочим над рифом. В крайнем случае бросим якорь и дойдем до берега вброд.

Франклин подумал, что к такой задаче можно было бы отнестись и посерьезнее. Если Индра переоценит свои силы и промахнется, будут добираться до берега вплавь. Это не так уж опасно, но и не очень приятно. Еще неприятнее ждать постыдной минуты, когда за ними придут спасатели с Герона...

То ли он по незнанию преувеличивал трудности, то ли Индра и впрямь знала свое дело. Обогнув остров, они с другой стороны нашли место, где в бурунах был просвет; Индра развернула кат и пошла к берегу.

Франклин напрасно ждал хруста кораллов и треска крошащейся пластмассы. Катамаран птицей пронесся над гребнем, отчетливо видимым в сморщенной рябью воде. Миновав опасный участок, лодка заскользила по тихой лагуне. Казалось, чем ближе берег, тем больше скорость.

В последнюю секунду Индра убрала грот. Мягкий толчок — катамаран коснулся песка и с ходу почти весь выскочил на пляж.

— Приехали, — сказала Индра. — Небитаемый остров в вашем распоряжении, распишитесь.

Франклин никогда не видел ее такой веселой и беззаботной; было заметно, что и она рада случаю несколько часов отдохнуть от повседневной напряженной работы. Или это его общество превратило сосредоточенного исследователя в живую, бойкую девушку? Как бы то ни было, ему нравилась перемена.

Выбравшись из лодки, они отнесли свои припасы в тень, под кокосовые пальмы, недавно завезенные на эти острова, где прежде безраздельно властвовали панданусы с корнями-ходулями и писонии. Можно было подумать, что накануне тут побывал кто-то еще: от кромки воды в глубь острова тянулись странные следы, будто прошел узкоколейный трактор. Эти следы могли бы озадачить любого, кто не знал, что большие черепахи выходят на берег, чтобы отложить яйца.

Зачалив кат, Франклин и Индра отправились на разведку. Верно сказано, что все коралловые острова на одно лицо; они действительно схожи между собой и отличаются только в частностях. Но даже если вы побывали на десятках таких островков, каждый из них — новое волнующее открытие.

Они пошли вдоль узкой песчаной полосы между лесом и морем. Местами, где в зарослях были просветы, отклонялись от берега, даже забирались в гущу леса и представляли себе, будто они в сердце Африки, а не в ста ярдах от моря.

На плоском гребне песчаной дюны, где обрывалась одна черепашья тропа, они принялись раскапывать песок руками. Сдались только, углубившись на два фута и не обнаружив ни одного яйца с мягкой, кожистой скорлупой. Вероятно, мамаша проложила ложный след, чтобы обмануть своих врагов. За десять минут они развили эту догадку в потрясающую идею о разуме пресмыкающихся. Хорошо, что эта гипотеза осталась неизвестной широкому кругу, — вряд ли она прибавила бы лавров Индре, зато, наверно, испортила бы ей научную карьеру.

Пересекая неровный участок, они взялись за руки, да так и пошли дальше, когда изрытые кораллы сменялись ровной тропой. Они молчали, но думали друг о друге, и у обоих было хорошо на душе.

Шли они не спеша, то и дело останавливаясь, чтобы полюбоваться очередным чудом растительного или животного царства, и кругосветное путешествие заняло два часа. У них разыгрался аппетит, и когда они вернулись к кату, Франклин нетерпеливо принялся разбирать корзину с продовольствием, а Индра занялась примусом.

— Сейчас я заварю котелок настоящего австралийского чая, — сказала она.

— И не удивите меня, — ответил Франклин, улыбаясь; ей очень нравилась его странная улыбка. — Как-никак я здесь родился.

Она даже обиделась.

— Могли бы сказать мне об этом раньше! И вообще пора бы уже...

Индра оборвала фразу на полуслове, но Франклин мысленно договорил за нее: «Пора бы вам уже бросить эту глупую скрытность и рассказать мне что-нибудь о себе».

Невысказанный укор был справедлив, и Франклин смутился; счастливое расположение духа, которое он испытал впервые за много месяцев, на миг покинуло его. Вдруг ему пришла в голову мысль, которой он до сих пор чурался, потому что она могла убить их дружбу. Индра — ученый и женщина, значит, она вдвойне любопытна. И, однако, она ни разу не задавала ему вопросов о его прошлом. Почему? Это можно объяснить только так: доктор Майерс, который, конечно же, что бы он ни говорил, неприметно наблюдал за Франклином, предупредил ее.

Ему стало совсем горько от мысли, что Индра жалеет его, недоумевая, как и все остальные, что же такое с ним было. И он твердо сказал себе, что не примет любви, основанной на сострадании.

Индра, казалось, не замечала угрюмого молчания Франклина и его смятения. Опустив в бак с горючим гибкую трубку, она тщетно пыталась с помощью этого примитивного сифона заправить примус. Ее усилия показались Франклину такими потешными, что все мрачные мысли вылетели у него из головы.

Наконец примус заработал, и они легли на песок

под пальмами, уписывая бутерброды и ожидая, когда закипит вода. Солнце было уже совсем низко, и Франклин прикинул, что они вернутся на Герон только к ночи. Ничего, сейчас почти полнолуние, будет светло, они доберутся до дома даже без помощи сигнальных огней.

Чай в котелке получился отличным, хотя настоящий австралийский свегмен назвал бы его жидковатым. Они запили свой ужин и, отдыхая после еды, снова как бы невзначай взялись за руки. Теперь у меня есть все, чтобы быть довольным, сказал себе Франклин. И однако, что-то — он не мог понять что — беспокоило его.

Тревога особенно усилилась за последние несколько минут, но он старался ее подавить, оттеснить в глубь сознания. Смешно и нелепо ожидать какой-то опасности здесь, на этом мирном необитаемом острове. Почему же в лабиринтах мозга звучит тревожный сигнал и что он означает?

Франклин обрадовался, когда Индра отвлекла его новым вопросом. Она пристально глядела на запад, словно искала что-то на небе.

— Скажите, Уолтер, — заговорила она, — это правда, что можно днем увидеть Венеру, если знать, в какую точку смотреть? Я видела ее вчера сразу после заката — она была такая яркая, что можно в это поверить.

— Чистая правда, — ответил Франклин. — И это совсем не трудно. Главное, определить место, а там сразу различишь.

Он сел спиной к стволу, защитил глаза ладонью от лучей заходящего солнца и направил взгляд в небо, хотя не очень-то надеялся найти крохотное серебристое пятнышко. Последние недели Венера была царицей вечернего неба, но не так-то просто ее отыскать, прежде чем скрылось солнце.

Ага... Есть! В молочно-голубом небе блестела звездочка.

— Нашел! — крикнул Франклин, показывая рукой. Индра прищурилась, но ничего не увидела.

— У вас просто рябит в глазах, — пошутила она.

— Да нет же, честное слово, вижу. Приглядитесь получше, — настаивал Франклин, не отрывая взгляда от звезды, чтобы не потерять ее.

— Но Венера не может быть там, — возразила Индра. — Это слишком далеко на север.

Тотчас Франклин с тоской убедился, что она права. Звезда, на которую он смотрел, быстро восходила над горизонтом на западе наперекор законам, управляющим всеми небесными телами.

Он смотрел на Космическую Станцию, самый большой из искусственных спутников Земли, запущенный на высоту тысячи миль. Франклин попытался оторвать глаза от светила, созданного человеком, побороть этот гипноз. Словно он очутился на краю пропасти: в его душу, грозя поколебать рассудок, вторгся страх перед безбрежной пустотой, разделяющей миры.

Он победил бы, отделавшись легким потрясением, если бы не еще одна роковая случайность. Вдруг его озарило — он понял, что ему не давало покоя: запах горючего, которое Индра набирала из двигателя, характерный сладковатый запах синтена. А память не замедлила подсказать, где он в последний раз чувствовал этот знакомый — слишком хорошо знакомый — аромат.

Синтен... Он был создан для ракетных двигателей, потом, как и все виды химического горючего, устарел, и применялся только в маломощных системах, скажем, для космических скафандров.

Космический скафандр

Это было чересчур. Обоняние и зрение, объединившись, предали его, и он не устоял против двойной атаки. Под напором волны страха в несколько секунд рухнули плотины, воздвигнутые для защиты его сознания.

Франклин чувствовал, как Земля, на которой он сидит, кружится, кружится в Космосе, все быстрее, быстрее вращается на своей оси, сию секунду метнуть его в пространство, словно молот, словно камень. Франклин глухо вскрикнул, упал на живот и зарылся лицом в песок. Обими руками он ухватился за ствол пальмы, но это не помогло, падение не прекращалось.

Главный инженер Франклин, заместитель командира «Арктура», снова был в космосе и заново переживал кошмар, с которым так надеялся никогда больше не встретиться.

7

Потрясенная, сбитая с толку, Индра тупо уставилась на лежащего ничком, горько, совсем по-детски плачущего Франклина. Но тут же душа и здравый смысл подсказали ей, что надо делать. Она быстро пододвинулась к нему и обняла его вздрагивающие плечи.

— Уолтер! — крикнула Индра. — Все хорошо, чего ты испугался?

Плоские, наивные слова, она сама это понимала, но ей больше ничего не пришло на ум. А Франклин будто и не слышал ее, его по-прежнему била дрожь, и он отчаянно цеплялся за дерево. Жалкое зрелище — мужчина во власти малодушного страха, полностью утративший чувство гордости и собственного достоинства. Он продолжал всхлипывать, но одновременно Индра услышала, что Франклин произносит чье-то имя, — и невольно, даже в такой миг, она ощутила укол ревности: это было женское имя. Чуть слышно шепнет: «Айрин», — и опять зальется слезами.

Того, что Индра знала о медицине, тут явно было недостаточно. Она помешкала, потом бросилась к катмарану, вскрыла аптечку и достала пузырек с сильным болеутоляющим средством. На ярлыке крупными буквами было написано: «ПРИНИМАТЬ НЕ БОЛЬШЕ ОДНОЙ КАПСУЛЫ». Силой вложив капсулу в рот Франклину, она снова обняла его. Мало-помалу дрожь унялась, приступ прекратился.

Трудно провести границу между состраданием и любовью. Но если она есть, Индра пересекала ее в эти минуты тревожного ожидания. То, что случилось с Франклином, не оттолкнуло ее от него, она понимала — это следствие чего-то ужасного, пережитого им в прошлом. И, что бы это ни было, ради своего же будущего она должна помочь ему одолеть преследующий его страх.

Сейчас Франклин лежал неподвижно. Он дал себя перевернуть на спину и отпустил дерево, но взгляд его был пустым, губы беззвучно шевелились.

— А теперь поедem домой, — шепотом сказала Индра, словно успокаивала перепугавшегося ребенка. — Вставай, все уже прошло.

Поддерживаемый Индрой, Франклин послушно встал, потом как-то безучастно помог собрать вещи и столкнуть на воду катамаран. Он как будто совсем пришел в себя, только упорно молчал, и глаза его наполняла такая тоска, что Индре было больно глядеть на него.

Надо поспешить, подумала она и пустила двигатель в помощь парусу. Индра беспокоилась не за себя, как ни опасно очутиться вдали от людей с ненормальным человеком. Ее заботило только одно: поскорее доставить Франклина к врачам.

Начало темнеть; солнце уже коснулось горизонта, и с востока напoлзала ночь. Один за другим оживали маяки на материке и окружающих островах. И ярче всех сияла на западе косвенная виновница случившегося — Венера.

Неожиданно Франклин заговорил, как будто через силу, но вполне рассудительно.

— Пожалуйста, Индра, извините меня, — сказал он. — Я испортил вам всю прогулку.

— Не говорите глупостей, — возразила она. — При чем тут вы? Выкиньте все из головы. И молчите, не насилюйте себя.

Он снова замолчал и больше не открывал рта до конца путешествия. Она попробовала взять его за руку, но Франклин сразу как-то напрягся, и стало ясно — сейчас он не хотел этого. Как ни обидно было Индре, она выполнила его невысказанную просьбу. Тем более что нужно было внимательно следить за сигнальными огнями, лавируя среди рифов.

Поздновато они возвращаются... Правда, восходящая луна хорошо освещала море, но посвежел ветер, и совсем рядом то возникали, то пропадали, то вновь возникали призрачно-белые грозные шеренги бурунов вдоль рифа Вистари. Индра следила и за волнами и за

мигалкой, которая обозначала окончечность пирса на Героне. Только подойдя достаточно близко к острову, так что было хорошо видно и пирс и берег, она позволила себе перевести дух и взглянуть на Франклина.

Поставив катамаран на якорь, они направились к лаборатории; Франклин держался совсем нормально. Наконец пришло время проститься. Здесь, на берегу, не было фонарей и в тени под пальмами она не могла разобрать выражения его лица, но, судя по голосу, он вполне владел собой.

— Спасибо, Индра. Вы для меня столько сделали.

— Знаете что, пойдёмте к доктору Майерсу. Вам надо посоветоваться с ним.

— Это совсем не нужно. Я в полном порядке, не беспокойтесь.

— А по-моему, все-таки вам нужен врач. Я провожу вас и вызову его.

Франклин затряс головой.

— Нет, нет, прошу вас, дайте мне слово, что вы не сделаете этого.

Как поступить? Индра была в замешательстве. Конечно, самое разумное — согласиться, а потом сделать по-своему. Но простит ли ей Франклин такой обман? В конце концов она пошла на компромисс.

— Тогда обещайте, что вы сами к нему пойдёте!

Франклин заколебался. Ему не хотелось на прощанье лгать этой девушке, которая могла бы стать его любимой. Но приглушённый лекарством рассудок одолел все угрызения.

— Хорошо, завтра зайду. Ещё раз спасибо!

И он решительно зашагал по тропе, ведущей к учебному корпусу, не дожидаясь новых вопросов Индры.

Она проводила его взглядом; в ее душе соревновались радость и тревога. Радость, что полюбила, тревога — потому что ее любви угрожало что-то непонятное. Постепенно эта тревога вылилась в мысль о том, что, наверно, надо было, даже против воли Франклина, настоять на том, чтобы он немедленно обратился к доктору Майерсу...

Всякому сомнению пришел бы конец, если бы Индра видела, как Франклин, пройдя через лес, свернул

к пирсу и, словно лунатик, зашагал к эллингу, откуда начинались все его подводные вылазки.

Сейчас его разум был всего лишь покорным орудием эмоций, а эмоции настроились на одно. Удар оказался слишком болезненным, чтобы он мог рассуждать; Франклин, будто раненое животное, думал только о том, как избавиться от боли. Его неудержимо влекло туда, где он на какое-то время обрел душевное равновесие.

Никто не встретился Франклину на всем пути до конца пирса. Спустившись в эллинг, он, как всегда, тщательно стал готовиться к выходу в море. Конечно, не годится посягать на принадлежащее отделу снаряжение, не говоря уже о том, что будут нарушены все учебные графики, но у него просто нет выбора.

Торпеда почти бесшумно выскользнула через подводные ворота наружу. Впервые Франклин шел ночью. После наступления темноты применялись только закрытые суда, так как ночные плаванья были слишком опасны для незащищенного человека. Но Франклин решительно направился к проходу в рифе, за которым простиралось открытое море.

Боль поутихла, но решимость не ослабевала. Здесь он нашел счастье, здесь найдет и забвение.

Кругом был мир полуночной синевы, в который с трудом проникали бледные лучи луны. Привлеченные или, наоборот, испуганные шумом торпеды, жители рифа метались вокруг него, будто светящиеся призраки. Во тьме внизу угадывались знакомые бугры коралла и лощины. Он прощался с ними отрешенно, без грусти.

Участь его решена, мешкать нечего. Франклин выжал до конца педаль скорости, и торпеда рванулась вперед, словно припороженный конь, со скоростью, недоступной ни одному обитателю моря. Далеко позади остались острова Большого Барьерного.

Только раз поглядел он вверх; где-то там простирался мир, из которого он ушел. Вода была на редкость прозрачной, и в ста футах над своей головой Франклин увидел серебряную лунную дорожку снизу, откуда ее мало кто наблюдал. А это размытое, пляшущее пят-

нышко — сама луна. На секунду застынет, четкая, ясная, и опять волны ее дробят.

В одном месте за ним погналась очень крупная — он еще никогда не видел таких — акула. Сперва огромный силуэт, за которым тянулся светящийся след, возник прямо перед ним, и Франклин даже не попытался свернуть. Она промахнулась совсем немного, он успел заметить устремленный на него глаз, пластинчатые жабры и неизменную свиту — лощманов и прилипад. А когда Франклин оглянулся назад, акула шла за ним, влекомая то ли любопытством, то ли голодом, то ли еще каким-нибудь инстинктом, — какая разница! Почти минуту она его преследовала, но скорость торпеды была слишком велика, и акула отстала. Франклин впервые встретил такую назойливую акулу. Обычно гул турбины отпугивал их; но в темное время суток жизнью рифа управляли уже не те законы, что днем.

Прикрытый выпуклым щитом от тугих вихрей воды, спеша выйти на океанский простор, он пронизывал лучезарную ночь, окутавшую половину земного шара. Франклин и теперь вел торпеду уверенно и безошибочно; он точно знал, где находится и когда достигнет цели. Знал, какие глубины впереди. Еще несколько минут — и дно круто устремится вниз, придет время прощаться с рифом.

Он слегка наклонил нос торпеды и сбавил ход до малого. Могучий встречный поток прекратился, и Франклин медленно пошел над скрытым во тьме длинным откосом, зная, что не увидит его конца.

Хилый, процеженный свет луны становился все слабее по мере того, как увеличивался пласт воды, отделяющий Франклина от поверхности. Он нарочно не глядел на глубиномер, чтобы не думать о том, сколько саженей над ним. С каждой минутой росло давление на его тело, но ему это не было неприятно, напротив, он приветствовал это ощущение, добровольно отдавая себя во власть великой праматери всего живущего.

Темнота стала полной; он был один в ночи, какой никогда не знал на суше, настолько она была осязаемой, плотной. Иногда внизу — расстояния не опреде-

лишь — мелькал свет; это неведомые жители пучины занимались своими таинственными делами. Или вспыхивали целые галактики — и тут же гасли, напоминая ему, что перед вечностью и настоящие созвездия столь же эфемерны.

Ему туманило голову глубинное опьянение; еще ни один аквалангист, дышащий сжатым воздухом, не возвращался живым с такой глубины. Баллоны подавали воздух в десять раз плотнее обычного, а торпеда продолжала идти вниз, в крошечную пучину. Блаженная эйфория затопила его сознание, стирая все обязательства, все печали, все страхи.

Впрочем, нет — одна вещь его печалила в преддверии конца. Жаль Индру: с ним она могла найти счастье, а теперь ей придется снова искать.

Потом... потом было только море неодушевленная машина, которая все медленнее шла вглубь, удаляясь от берега в океан.

8

В комнате было четверо; все они молчали. Начальник школы нервно кусал губы, Дон Берли отупело глядел на стену, Индра старалась удержать слезы. Только доктор Майерс сохранял невозмутимый вид, хотя в душе он чертыхался. Что за проклятое невезение! Невроятно и необъяснимо: он мог побиться об заклад, что Франклин полным ходом поправляется, все самое страшное позади. И вдруг такой срыв!

— Остается только одно, — неожиданно сказал начальник школы, — выслать на поиск все наши подводные суда.

Дон Берли зашевелился — медленно, словно у него на плечах лежал тяжелый груз.

— Сейчас двенадцать часов. За это время он мог пройти пятьсот миль. А у нас здесь всего шесть опытных водителей.

— Знаю, это все равно что искать иголку в стогу сена. Но ничего другого мы не можем сделать.

— Лучше несколько лишних минут подумать, чем искать наобум и тратить впустую часы, — возразил доктор Майерс. — Полсуток прошло, теперь минуты

роли не играют. С вашего разрешения я хотел бы поговорить с мисс Лангенбург наедине.

— Пожалуйста, если она не против.

Индра молча кивнула. Она кляла себя — это все ее вина, надо было немедленно пойти к врачу, как только они вернулись с прогулки. Интуиция обманула... Теперь эта же интуиция подсказывала, что положение безнадежно. Хоть бы она опять ошиблась!

— Послушайте, Индра, — мягко начал Майерс, когда остальные вышли, — если мы хотим помочь Франклину, надо сохранять присутствие духа и попытаться представить себе, что могло случиться. Перестаньте корить себя, вы ни в чем не виноваты. Тут вообще никого нельзя винить.

«Разве что меня, — мрачно подумал он. — Но кто мог это предвидеть? Мы до сих пор так мало знаем об астробии... И ведь это совсем не моя специальность».

Индра изобразила мужественную улыбку. До вчерашнего дня она считала себя вполне самостоятельной, способной выдержать любые испытания. Но это было так давно...

— Прошу вас, расскажите, что было с Уолтером? — сказала она. — Тогда мне легче будет понять.

Естественный и разумный вопрос; Майерс и сам уже решил, что Индре надо знать правду.

— Хорошо. Но помните, ради самого Уолтера: это строго между нами. Я вам рассказываю лишь потому, что дело идет о его жизни. Еще год назад Уолтер был космонавтом очень высокой квалификации, точнее — главным инженером лайнера, который ходил на Марс. Сами понимаете, должность ответственная, а это было только начало его карьеры. Где-то на полпути случилась авария. Выключили лонпую тягу, и Уолтер вышел в скафандре из корабля, чтобы устранить неисправность. Ничего особенного, рядовая операция, но прежде чем он ее закончил, скафандр вышел из строя. Вернее, сам скафандр был цел, он не мог управлять силовой установкой, не мог выключить ракеты своего индивидуального двигателя.

И вот он, набирая скорость, летит прочь от корабля, а до Земли и Марса — миллионы миль. Да он еще

в самом начале столкнулся с лайнером и потерял антенну. В итоге Уолтер не мог воспользоваться своей радиостанцией — ни помощи вызвать, ни узнать, что делается для его спасения. Несколько минут, и корабль пропал из виду, он остался в полном одиночестве.

Кто сам этого не пережил, не может представить себе, что это такое. Вы только подумайте: предельная изоляция, летишь в межзвездном пространстве и не знаешь, спасут ли тебя. Никакие земные ощущения, скажем, сильное головокружение или — еще того хуже — морская болезнь, не сравнятся с этим.

Его спасли через четыре часа. Строго говоря, Уолтеру ничто не угрожало, и он, вероятно, понимал это, но от этого легче ему не было. Его сразу нащупали корабельным радаром, но пойти за ним смогли лишь после того, как исправили двигатель. Когда Уолтера, наконец, подобрали, он... скажем так: он был очень плох. Лучшие психологи Земли почти год лечили его, но, как мы с вами убедились, недолечили. Правда, тут еще примешалось одно обстоятельство, с которым психологи ничего не могли сделать.

Майерс остановился. Что сейчас думает Индра? И как повлияет на ее чувство к Франклину то, что он скажет? Первое потрясение как будто прошло. Слава богу, она не принадлежит к истеричному тину, не то ему пришлось бы туго.

— Понимаете, Уолтер был женат. Жена и дети жили на Марсе, он их очень любил. Жена там и родилась, а дети представляли уже третье поколение уроженцев Марса. Они всю жизнь росли при марсианском тяготении, там были зачаты, там появились на свет. В итоге путь на Землю им закрыт, ведь здесь они бы весили в три раза больше, собственный вес раздавил бы их.

А Уолтер не может выйти в космос! Его удалось подлечить настолько, что он в состоянии работать на Земле. Но невесомость или сознание того, что кругом, до самых звезд, простирается пустота, — все это ему теперь, мягко говоря, противопоказано. Так что он стал изгнанником на родной планете, навсегда отрезанным от семьи.

Мы сделали для него все, и сделали хорошо. Подо-

брали такое дело, в котором он мог найти приложение своим способностям. Были и важные психологические соображения считать эту работу особенно подходящей, чтобы вернуть его к полноценной жизни. Вы, как биолог, не хуже, если не лучше меня, это поймете. Вы знаете, как сильно мы связаны с морем. Это не то, что космос, там мы никогда не будем чувствовать себя как дома. Во всяком случае, пока человек не видоизменится.

Здесь я наблюдал за Франклином; он знал об этом, и ему это не мешало. С каждым днем он чувствовал себя лучше, и работа ему все больше нравилась. Дон не мог на него нахвалиться, говорил, что у него никогда не было лучшего ученика. И я обрадовался, когда узнал — не спрашивайте как! — что Франклин увлекся вами. Сами понимаете, у человека вся жизнь поломалась — и вот он начал строить ее заново. Вы только не обижайтесь на мои выражения, но когда выяснилось, что он проводит с вами свои свободные часы, даже нарочно выкраивает время для вас, я понял, что он перестал цепляться за прошлое.

И вдруг такое несчастье. Прямо скажу, я совершенно сбит с толку. Вот вы говорите, что он в это время смотрел на Космическую Станцию. Ну, а дальше? Уолтер приехал сюда с сильной высотобоязнью, но ведь потом она почти прошла. И станцию он видел далеко не первый раз. Значит, был еще какой-то неизвестный нам фактор.

Доктор Майерс прервал свой монолог, словно ему только что пришла в голову новая мысль, и осторожно спросил:

— Скажите, Индра, он по-настоящему ухаживал за вами?

— Нет, — ответила она спокойно, без всякого замешательства. — Ничего такого не было.

Он почувствовал, что это правда, об этом говорила нотка сожаления в голосе Индры.

— Я почему спросил: может быть, Франклин считает себя виноватым перед женой? Возможно, он этого сам не сознавал, но вы напомнили ему ее, с этого все и началось. Но оставим эти догадки, они тоже не объ-

ясняют всего. Единственное, что мы знаем точно: у него был какой-то очень сильный приступ. Вы правильно поступили, что дали ему успокоительное, это было самое лучшее в той обстановке. Теперь скажите, вы совершенно уверены, в его словах не было никакого намека, что он собирался делать, вернувшись на Герон?

— Уверена. Он сказал только: «Не говорите об этом доктору Майерсу». Сказал, что вы тут не поможете.

И вероятно, был прав, мрачно подумал Майерс. Плохо... Если он так упорно уклонялся от встречи с единственным человеком, который что-то мог сделать для него, это может означать лишь одно: Франклин твердо решил, что он безнадежен.

— Но он обещал зайти к вам утром, — добавила Индра.

Майерс промолчал. Они оба понимали, что это обещание было лишь хитростью.

Однако Индра не хотела расставаться с надеждой.

— Я уверена, — произнесла она дрожащим голосом, который плохо вязался с ее словами, — если бы он задумал что-нибудь... такое... он оставил бы записку.

Майерс грустно посмотрел на нее; видно, Индра ничем не сможет помочь.

— Его родители умерли, — сказал он. — С женой он давно расстался. Кому писать?..

«Он прав», — подумала Индра с болью в сердце. На всей земле она, похоже, была единственным человеком, к кому Франклин был привязан. И вот ушел...

Майерс неохотно встал.

— Да, остается только одно, — заключил он. — Объявим всеобщий поиск. Может быть, он просто где-нибудь отсиживается, остывает. Придет в себя и явится с пристыженной физиономией. Такие случаи тоже бывали.

Он похлопал пригорюнившуюся Индру по плечу и помог ей встать с кресла.

— Ну, не падайте духом. Наши ребята не пожалеют сил.

Однако Майерс знал, что уже поздно. Все сроки

прошли несколько часов назад, поисково-спасательную операцию ведут лишь потому, что бывают случаи, когда люди действуют вопреки логике.

Начальник школы и Берли ждали их в кабинете заместителя начальника. Доктор Майерс отворил дверь кабинета — и застыл на месте. Либо у него появились еще два пациента, либо он сам сошел с ума. Позабыв о чинах и рангах, обняв друг друга за плечи, Дон и начальник школы дико хохотали. Так, ясно: истерия, вызванная чувством облегчения. И смех вызван той же причиной.

Несколько секунд доктор Майерс созерцал невероятную сцену, потом быстро обвел глазами кабинет и тотчас заметил на полу телеграфный бланк, оброненный кем-то из этих помешанных. Не говоря ни слова, он бросился к бланку и поднял его.

Ему пришлось прочесть телеграмму три или четыре раза, прежде чем до него дошел ее смысл. И доктор Майерс тоже захохотал так, как много лет не хохотал.

9

Капитан Берт Деррил мечтал о спокойном рейсе; должна же быть на свете справедливость! В последний раз он напоролся на полицию в Маккайе; перед тем ему подложил свинью не показанный на картах риф у острова Лизард; а до того, черт бы его побрал, все настроение испортил этот неуравновешенный молодой болван, который выпустил в пятнадцатифутовую тигровую акулу гарпун с неотделяющейся головкой — уж она его потаскала за собой.

На этот раз, если судить по внешности, как будто подобрались более разумные клиенты. Конечно, «Спортивное агентство» всегда клянется, что люди надежные и заплатят хорошо; однако на деле попадают такие типы, что просто диву даешься. И никуда не денешься. Ведь надо как-то зарабатывать на жизнь, и немалых денег стоит держать эту посудину на плаву.

Странное совпадение: у клиентов всегда одни и те же фамилии — мистер Джонс, мистер Робинсон, мистер Браун, мистер Смит. Курам на смех. Но так уж хочется агентству. Ну что ж, попытаться угадать, кто

они на самом деле, — тоже развлечение. Есть среди них такие осторожные, что все время носят резиновые маски, не снимают их даже, когда идут под воду. Ясное дело, какие-нибудь важные шишки, которые боятся, как бы их не узнали. Только представьте себе, какой это будет скандал, если члена Верховного суда или, скажем, Главного секретаря Комитета по делам космоса поймают на браконьерстве в заповеднике Всемирной организации продовольствия! Капитан Берт даже рассмеялся при мысли о таком казусе.

Сорок миль отделяло от кромки рифа пятиместную спортивную лодку, которая заходила со стороны океана. Разумеется, опасно орудовать так близко от Каприкорна, в самом логове врага, но лучшая рыба там, где ее охраняют строже всего. Хочешь угодить клиентам, не бойся риска...

Операция, как всегда, была тщательно разработана. Дозоры по почам не ходят, а если и выйдут, дальнобойный гидролокатор нащупает их, и можно удрать. Поэтому самое верное дело идти так, чтобы перед рассветом добраться до места и, едва выглянет солнце, выпустить через воздушный шлюз горящих нетерпением «бобров». А самому притаиться на дне, поддерживая с ними связь по радио. Уйдут за пределы дальности радиопередатчика — не страшно, будут ориентироваться по лучу маломощного гидролокатора. Если еще дальше того заберутся, пусть пеняют на себя. Он похлопал рукой по карману куртки, в котором хранились четыре расписки, снимающие с него всякую ответственность за то, что может случиться с гг. Смитом, Джонсоном, Робинсоном и Брауном. Капитан Берт был не из тех, кто терзается без нужды, не то он давно бросил бы эту работу.

Гг. С., Д., Р. и Б. в эту минуту лежали каждый на свой кушетке, в последний раз проверяя снаряжение. Смит и Джонс припасли новехонькие ружья, которые еще ни разу не были в употреблении, и повесили на себя всевозможные приспособления. Смешно... Он хорошо знал этот тип клиентов. Они так дрожат за свое снаряжение, будь то ружье или фотоаппарат, что всегда возвращаются без добычи. Будут носиться вокруг

рифа, такой шум поднимают, что на много миль кругом все рыбы попрячутся. Можно побиться об заклад — эти великолепные ружья, способные с пятидесяти футов пробуровать тысячефунтовую акулу, ни разу не выстрелят. И горе-охотники не станут унывать, они и без улова будут рады-радешеньки.

Совсем другое дело Робинсон. Вон у него какое ружье — побитое, лет пять ему, не меньше. Сразу видно, что хорошо послужило и хозяин умеет с ним обращаться. Это не тот «спортсмен», который не пропускает ни одного каталога и бежит в магазин за каждой новой моделью, словно женщина, боящаяся отстать от моды. Капитан Берт не сомневался, что мистер Робинсон всех своих спутников за пояс заткнет.

Напарник Робинсона, Браун, был единственный, кого капитан не смог определить для себя. Крепкое сложение, волевое лицо, возраст — лет сорок с лишним, самый старший из четверки. Где-то Берт его видел... Не иначе, какой-нибудь высокопоставленный чин, который решил позволить себе немного согрешить. Капитан Берт, органически неспособный тянуть служебную лямку, отлично его понимал.

Глубина безопасная, больше тысячи футов под килем, до рифа еще несколько миль. Но в таком деле всегда надо быть начеку, и капитан Берт, даже следя одним глазом за приготовлениями своей маленькой команды, все время видел приборы на пульте. И он сразу заметил маленькое четкое эхо на экране гидролокатора.

— Большая акула идет, ребята, — весело объявил он.

Все сгрудились возле индикатора.

— Почему вы знаете, что это акула? — спросил кто-то.

— Больше некому. Киты не выходят из пролива за рифом.

— Вы уверены, что это не подводная лодка? — тревожно осведомился другой.

— Что вы! Не те размеры. Лодка в десять раз больше на экране. Так что можете не дрожать.

Пристыженный клиент замолчал. Несколько минут

царило молчание; тем временем эхо приближалось к центру экрана.

— Пройдет в четверти мили от нас, — заметил мистер Смит. — Может, изменим курс, попробуем взглянуть на нее поближе?

— Бесполезно. Она задаст стрекача, как только услышит наши моторы. Другое дело, если бы стояли на месте, она могла бы подойти, чтобы обнюхать нас. А что толку? Во-первых, еще темно, во-вторых, она слишком глубоко, с аквалангом не выйдешь.

На минуту их внимание отвлек большой косяк рыбы — должно быть, тунцы, определил капитан, — в южном секторе экрана. Когда косяк прошел, изысканный мистер Браун заметил:

— Если это акула, ей уже пора сворачивать.

А ведь он прав. Что бы это могло быть?

— Пожалуй, стоит на нее посмотреть, — сказал капитан Берт. — Мы ничего не потеряем.

Он слегка изменил курс. Странное эхо продолжало идти, никуда не отклоняясь. Оно двигалось очень медленно, можно было сближаться, не боясь столкновения. Подойдя на визуальную дистанцию, капитан включил телевизионную камеру и ультрафиолетовый прожектор — и ахнул.

— Влипли, ребята. Это полиция.

Четверка испуганно вскрикнула, потом послышалось:

— Но ведь вы же говорили...

Несколько отборных выражений заставили их смолкнуть.

— Странно, — пробормотал капитан Берт, не отрываясь от экрана. — Все-таки я был прав с самого начала: это не подводная лодка, а всего-навсего торпеда. А на торпеде нет таких приборов, чтобы нас засечь. Но что он тут делает среди ночи?

— Повернем обратно! — раздались голоса.

— Помолчите! — отрезал капитан Берт. — Дайте подумать.

Он взглянул на глубиномер:

— Черт возьми, сто сажений... Если этот парень не дышит какой-нибудь особенной смесью, он давно готов.

Капитан пристально всмотрелся в изображение на экране телевизора. Что-то уж очень неподвижна эта фигура на торпедо, а впрочем... Да нет, точно, по голове видно. Водитель в обмороке, если не мертв.

— Вот некстати подвернулся! — воскликнул капитан. — И ведь ничего не поделаешь. Мы обязаны забрать его на борт.

Кто-то хотел возразить, но тут же осекся. Капитан Берт прав, это ясно. А дальше... Дальше будет видно.

— Но как вы это сделаете? — спросил Смит. — Сами же говорили: на такой глубине нельзя выходить.

— Да, задача не из легких, — согласился капитан. — Хорошо, что он идет так медленно. Пожалуй, я смогу его развернуть.

Легко касаясь ручек управления, он повел лодку прямо на торпеду. Вдруг что-то звякнуло, и все подскочило — все, кроме капитана, который точно знал, когда и с какой силой раздастся этот звук.

Он дал задний ход и облегченно вздохнул.

— С первого захода!

По голосу капитана Берта было слышно, что он доволен собой.

Торпедо перевернулась так, что водитель болтался под ней на ремнях. Зато теперь она шла не вниз, а к поверхности моря.

Капитан направил лодку следом за торпедой и, не теряя времени, объяснил, что и как делать. Еще есть надежда, что водитель жив. Но если он поднимется к поверхности, это уже верная смерть. Перепад давления с десяти до одной атмосферы прикончит его.

— Мы должны забрать его на глубине около пятидесяти футов, не позже, и устроить ему декомпрессию в воздушном шлюзе. Кто пойдет? Я не могу бросить пульт.

Что правда, то правда; пассажиры не сомневались, что капитан, не раздумывая, пошел бы сам, если бы кто-нибудь мог заменить его у пульта.

После короткой заминки раздался голос Смита:

— Я погружался на триста футов с обычным воздухом.

— И я тоже, — сказал Джонс. Потом тихо добавил: — Правда, не ночью.

Не мешало бы побольше энтузиазма, подумал капитан, да ладно, сойдет.

Они выслушали его наставления с таким видом, словно им предстояло идти в атаку под огнем противника, надели акваланги и вошли в переходную камеру.

По счастью, оба были хорошо тренированы, и капитан Берт за две минуты поднял давление до полного.

— Ну, ребята, — сказал он, — открываю... Пошли!

Прожектор был бы очень кстати для ориентировки, но его закрывал фильтр, не пропускающий видимого света. Фонарики в их руках казались на экране телевизора маленькими светлячками. Капитан следил, как подводные пловцы приближаются к ползущей вверх торпеде. Впереди шел Джонс, Смит выдавал ему лить, тянувшийся из воздушного шлюза. Как ни медленно шла торпеда, вплавь ее не догнать, поэтому надо было литьм то подтягивать, то отпускать Джонса, чтобы он, идя на буксире у лодки, смог попасть в нужную точку. Вряд ли этот способ был приятен пловцу, зато Джонс достиг цели со второй попытки.

Остальное было просто. Он выключил мотор торпеды, оба судна остановились. После этого Смит подошел на помощь Джонсу; они сняли водителя и отнесли его к лодке. Его маска прилегалa плотно к лицу, вода не просочилась. Это позволяло надеяться, что удастся его спасти. Втиснуть обмякшее тело в маленькую переходную камеру оказалось трудно; пришлось Смиту ждать в одиночестве снаружи, пока его напарник проходил в лодку.

И когда Уолтер Франклин через полчаса пришел в сознание, он увидел несколько неожиданно для себя в общем-то знакомую обстановку. Он лежал на койке в кабине небольшой прогулочной подводной лодки, около него стояли пять человек. Странно: у четверых лица были закрыты носовыми платками, виднелись одни глаза...

Он перевел взгляд на пятого — морщины, шрамы, седые виски, лихая бородка. Даже без этой грязной фуражки сразу видно, что это капитан.

Голова раскалывалась от боли, и Франклин никак не мог собраться с мыслями. Наконец он с трудом выговорил:

— Где я?

— Не все ли равно, приятель, — ответил бородач. — Лучше скажи-ка, кой черт занес тебя на глубинную ста саженой с обычным аквалангом. А, дьявол, опять глаза закатил!

Когда Франклин очнулся вторично, он чувствовал себя гораздо лучше, в нем пробудился интерес к жизни, и ему даже захотелось выяснить, что это за лодка. Наверно, он должен испытывать благодарность к этим людям, кто бы они ни были, однако мысль, что он спасен, не вызывала в нем пока ни облегчения, ни разочарования.

— К чему это все? — спросил он, показывая на платки конспираторов.

Капитан — он уже сел за свой пульт — повернул голову и лаконично ответил:

— Еще не сообразил, где ты?

— Нет.

— Ты что же, и меня не знаешь?

— Простите, нет.

Капитан издал звук, который мог выражать и недоверие и разочарование.

— Значит, ты из повенских. Я Берт Деррил, и ты на борту «Морского льва». Вон те два джентльмена за твоей спиной рисковали жизнью, чтобы спасти тебя.

Франклин обернулся и посмотрел на белые полотняные треугольники.

— Спасибо, — сказал он. И зашнуровался, не в состоянии что-либо добавить.

Теперь он догадывался, что произошло.

Значит, это и есть знаменитый (или пресловутый — в зависимости от точки зрения) капитан Деррил, чьи объявления можно прочесть во всех журналах для спортсменов и моряков. Капитан Деррил — организатор захватывающих дух подводных сафари, бесстрашный и ловкий охотник — и столь же бесстрашный и ловкий браконьер, неуловимость которого давно уже вызывала ехидные комментарии зрителей. Капитан

Деррил — один из немногих авантюристов нашего регламентированного века, по словам одних. Капитан Деррил — великий мошенник, по словам других...

Понятно, почему команда маскируется. Капитан вышел в одно из своих неафишируемых плаваний, в которых, по слухам, нередко участвуют люди из высшего общества. А другим это просто не по карману. Должно быть, «Морской лев» обходится Деррилу недорого, ведь говорят о капитане Берте, что он никогда не рассчитывается наличными и задолжал в каждом порту от Сиднея до Дарвина.

Франклин обвел взглядом загадочные фигуры. Любопытно, кто они, может быть, среди них есть знакомые? На соседней койке лежали прикрытые кое-как мощные ружья. Куда направляется «Морской лев» и какую добычу они себе наметили? Впрочем, ему сейчас лучше поменьше знать и ничего не видеть.

Капитан Деррил тоже пришел к этому выводу.

— Сам понимаешь, приятель, — сказал он, заслоня от Франклина приборы, указывающие курс, — твое присутствие здесь, на борту, не совсем кстати. Но не могли же мы позволить тебе утонуть, хотя ты сам этого заслужил своей глупой выходкой. А теперь спрашивается: что нам делать с тобой?

— Высадите меня на берег Герона, тут, наверно, недалеко.

Улыбка Франклина показывала, что он понимает: вряд ли его предложение примут всерьез. Удивительно, как легко и весело было у него на душе. Реакция? Возможно. А может быть, он просто был рад тому, что жизнь все-таки продолжается.

— Черта с два! — Капитан негодуяще фыркнул. — Эти джентльмены не для того заплатили деньги, чтобы ваши бойскауты испортили им охоту.

— Пусть хоть снимут платки. Им же неудобно, а я все равно не выдам, даже если узнаю кого-нибудь.

Они неохотно демаскировались. Так и есть: он никого из них не видел прежде — ни в жизни, ни на фототрафиях. И слава богу...

— Хочешь не хочешь, — продолжал капитан, — а придется нам где-то сбросить тебя, чтобы ты нам не

мешал. — Он почесал затылок, пропуская перед внутренним взором карту архипелага Каприкори, которая была запечатлена в его памяти со всеми, даже самыми мелкими подробностями, и принял решение. — А до утра как-нибудь тебя потершим. Будем спать по очереди. Хочешь сделать доброе дело — иди поработай в камбуз.

— Есть, начальник, будет сделано, — отчеканил Франклин.

Светало, когда Франклин подплыл к песчаному берегу, тяжело встал и снял ласты с ног. («Это не самая моя лучшая пара, но ты все-таки постарайся прислать мне их по почте», — сказал напоследок капитан Берт, выпуская его через переходную камеру.) Где-то там за рифом «Морской лев» продолжал свой тайный рейд. Наверно, охотники уже приготовились выходить. И хотя это противоречило его убеждениям и служебному долгу, Франклин мысленно пожелал им удачи.

Капитан Берт обещал через четыре часа дать знать по радио в Брисбен: оттуда его радиogramму немедленно передадут на Герон. Видимо, четырех часов капитану и его клиентам достаточно, чтобы завершить свою вылазку и выбраться из владений ВОП.

Франклин отошел подальше от воды, сбросил снаряжение и лег, любуясь восходом, который уже и не чаял когда-либо увидеть вновь. Четыре часа на ожидание и размышление, на то, чтобы продумать, как жить дальше... А впрочем, раздумывать нечего, все и так ясно.

Он больше не вправе распоряжаться своей жизнью по собственному произволу. Ведь люди, которых он никогда не видел прежде и больше не увидит, вернули ему ее, рискуя собой.

10

— Вы же понимаете, — сказал Майерс, — я всего-навсего участковый врач, а не ученый психиатр. Так что придется мне послать вас к профессору Стивенсу и его веселым ребятам.

— Это обязательно? — спросил Франклин.

— По-моему, нет, но я не могу брать на себя ответственность. Будь я игрок, вроде Дона, я бы побился об заклад, что вы больше никогда не выкинете такого фортеля. Но медицина — не азартная игра. И вообще, сдается мне, вам будет только полезно на несколько дней расстаться с Героном.

— До конца курса две недели. Может быть, подождем до тех пор?

— Не спорьте с врачами, Уолт, все равно не переспорите. И если я еще не забыл арифметику, полтора месяца — это не две недели. От небольшого перерыва вреда не будет. Вряд ли профессор Стивенс продержит вас долго. Скорее всего задаст вам хорошую головоломку и отправит обратно. А пока я хотел бы высказать вам свое мнение, если оно вас интересует.

— Валяйте.

— Прежде всего мы знаем, чем был вызван ваш приступ. Запах быстрее других чувств вызывает воспоминания и ассоциации. Как только вы рассказали мне, что в переходной камере космического корабля всегда пахнет синтетом, все стало понятно. Роковое невезение: знакомый запах вы услышали в тот самый миг, когда смотрели на Космическую Станцию. Она и меня иной раз чуть ли не гипнотизирует, эта чертова штука, — носится в небе, словно шальной метеор. Но дело не только в этом, Уолтер. Чтобы стать таким восприимчивым, требовалась, так сказать, эмоциональная сенсификация. Скажите, у вас есть с собой фотография жены?

Неожиданный и как будто не имеющий отношения к делу вопрос скорее удивил, чем смутил Франклина.

— Есть, — ответил он. — А что?

— Потом поймете. Можно взглянуть на нее?

Порывшись в карманах (гораздо дольше, чем это, по мнению Майерса, было необходимо), Франклин, наконец, достал кожаный бумажник. И отвернулся, пока врач рассматривал портрет женщины, разлученной с мужем законами, против которых человек бессилён.

Небольшого роста, брюнетка, лучистые карие глаза. Одного взгляда достаточно было, и все же он продолжал смотреть на фотографию с необъяснимым чувством

вом, в котором сочеталось сострадание и любопытство. Интересно, как она восприняла случившееся? Тоже строит заново свою жизнь там, в далеком мире, к которому ее навеки приковали наследственность и гравитация? Впрочем, нет, навеки — не то слово: она может без всяких опасений лететь на Луну, там тяготение вдвое слабее, чем на ее родной планете. Да что толку от этого, ведь Франклину теперь даже пустяковый перелет Земля—Луна не под силу.

Доктор Майерс вздохнул и сложил бумажник. Даже при самом совершенном общественном строе, в самом безмятежном и обеспеченном из миров не избежать разбитых сердец и личных трагедий. К тому же, по мере того как власть человека будет простираться все дальше во вселенной, его неизбежно будут подстерегать новые трудности и несчастья. Правда, здесь разница только в частностях, сам конфликт далеко не нов. Сколько раз в прошлом человек оказывался разлученным со своими близкими, когда из-за стихийных бедствий, когда по злой воле других людей.

— Послушайте, Уолт, — сказал Майерс, возвращая фотографию. — Мне известно о вас кое-что, чего даже профессор Стивенс не знает. Примите мой совет. Отдадите ли вы себе в этом отчет или нет, но Индра похожа на вашу жену. Это-то и привлекло к ней ваше внимание. Но по той же причине в душе у вас возник конфликт. Вы не допускаете мысли о том, чтобы изменить даже человеку, который — извините меня за прямоту — для вас все равно что мертв. Ну как, верно мое рассуждение?

Франклин долго молчал, прежде чем ответить.

— Пожалуй, в этом что-то есть... И что же я должен делать?

— Я не хочу показаться циником, но есть одно старое изречение, которое подходит к этому случаю. «Не противься неизбежному». Признав, что в вашей жизни есть вещи раз и навсегда решенные, вы перестанете с ними бороться. Это не будет капитуляцией, зато даст вам силы, необходимые для битв, в которых вы можете победить.

— Что думает Индра обо мне?

— Девочка влюблена в вас, если вы это подразумеваете. И вы в долгу перед ней после всего, что она пережила по вашей милости.

— Значит, вы считаете, мне нужно опять жениться?

— Уже то, что вы задаете этот вопрос, — добрый признак, однако я не могу ответить вам просто «да» или «нет». Мы сделали все, чтобы вернуть вас к труду; в области чувств наши возможности гораздо более ограничены. Разумеется, вам же лучше, если новая прочная привязанность придет взамен утраченной. А Индра... что ж, она умная и обаятельная девушка, но, как знать, может быть, ее теперешнее чувство во многом вызвано состраданием. Не торопите событий, пусть идут своим ходом. Вам просто нельзя рисковать.

Вот так, вот и все мое поучение... Да, еще одно. Беда в том, Уолтер Франклин, что вы всегда были чересчур независимы и самонадеянны. Никак не хотели признать, что вы не всемогущи и вам тоже нужна чья-то помощь. А когда столкнулись с чем-то превосходящим ваши силы, нервы-то и не выдержали. И вы с тех пор ненавидите себя за это. Ну так вот: все это было и прошло. Допустим даже, что старый Уолт Франклин был дрянь человек — второе издание должно быть лучше. Согласны?

Франклин криво улыбнулся. Переживания совсем измотали его, и все же на душе стало легче. В самом деле, мысль о том, что приходится пользоваться чьей-то помощью, долго его точила. Теперь он смирился с этим и сразу почувствовал себя лучше.

— Спасибо за лечение, доктор, — сказал он. — Вы не хуже самого искусного специалиста, и я уверен, что мне незачем ехать к профессору Стивенсу.

— Я тоже уверен, и все-таки ехать надо. Ну, ступайте, чтобы я мог заняться своим основным делом, лепить пластырь на ссадины и порезы.

На пороге Франклин вдруг остановился.

— Чуть не забыл, — озабоченно произнес он. — Дон непременно хочет завтра выйти со мной на подводной лодке. Вы не против?

— Конечно, нет. Он достаточно рассудительный че-

ловек, сумеет присмотреть за вами. Об одном прошу — не опоздайте к самолету, вылет в двенадцать.

Франклин вышел из «Медицинского центра» (за этим пышным названием скрывались три скромные комнаты), ничуть не огорченный тем, что ему велели на время оставить остров. Конечно, к нему отнеслись куда более заботливо и доброжелательно, чем он ожидал и заслуживал, и легкая враждебность, с которой на него раньше смотрели менее привилегированные курсанты, улетучилась. И все-таки для него же лучше на несколько дней покинуть эту атмосферу подчеркнутого сочувствия. Особенно неловко он себя чувствовал в обществе Дона и Индры.

Вспомнился совет, полученный от доктора Майерса, и как екнуло сердце, когда врач сказал: «Девочка в вас влюблена». Разумеется, было бы нечестно воспользоваться нынешней обстановкой. Обоим надо как следует, серьезно продумать, что они значат друг для друга. Гм... не слишком ли это похоже на холодный расчет?.. Разве тот, кто истинно любит, взвешивает все «за» и «против»?

Он знал ответ. Верно сказал Майерс: ему нельзя рисковать. Лучше повременить и добиться полной уверенности, чем ставить под угрозу счастье двоих.

Солнце едва выглянуло из-за простершегося на восток могучего рифа, когда Дон Берли поднял Франклина с постели. В последние дни отношение Дона к Уолтеру как-то неуловимо изменилось. Случившееся потрясло и огорчило его, и он по-своему, в присутней ему бурной манере, попытался выразить сочувствие и понимание. В то же время он был уязвлен, даже теперь ему не верилось, что Индра ничуть не увлекалась им, что ее занимал только Франклин, которого он не считал соперником. Нет, Дон не ревновал, ревность вообще была ему чужда. Его, как это бывает с большинством мужчин, беспокоило открытие, что он вовсе не такой уж знаток женского сердца.

Франклин уже уложил вещи, и его комната казалась пустой и унылой. Хотя он уезжал всего на не-

сколько дней, нужда в комнатах была слишком велика, чтобы ее оставили за ним на это время. «Поделом тебе», — философски заключил он.

Дон спешил, как обычно, однако Франклин заметил, что у него вид заговорщика, словно он приготовил какой-то сюрприз и по-детски озабочен тем, чтобы затея удалась. При других обстоятельствах Франклин заподозрил бы подвох, но сейчас это было исключено.

Франклин настолько освоился с маленькой учебной лодкой, что она стала как бы частью его самого, и он, выполняя команды Дона, уверенно вывел ее в тридцатимильный пролив между рифом Вистари и материком. Не объясняя причин, Дон выключил экран главного локатора, так что Франклин шел вслепую. Сам Дон видел все на установленном в кормовой части репитере. Как ни хотелось Франклину заглянуть туда, он поборол соблазн. Это тоже входило в программу обучения; ведь может случиться так, что он должен будет вести подводную лодку, лишившись своих органов чувств.

— Теперь можешь всплывать, — сказал, наконец, Дон.

Он старался говорить непринужденно, но голос давал его волнение. Франклин продул цистерны и, не глядя на глубиномер, по качке определил, когда они вышли на поверхность. Ощущение не из приятных, скорей бы опять погрузиться...

Дон взглянул на свой экран, потом указал на люк боевой рубки.

— Открывай. Полюбуемся природой.

— А не зачерпнем? — возразил Франклин. — Качка довольно сильная.

— Вдвоем закупорим люк, много не просочится. Но на всякий случай, вот держи брезент.

Странная затея, подумал Франклин, но, наверно, у Дона есть веские причины. Крышка люка откинута, и показался эллиптический клочок неба. Дон первым вскарабкался вверх по трапу, за ним — Франклин, шуря глаза от соленых брызг.

Да, Дон знал, что делал. Не удивительно, что ему так загорелось совершить эту вылазку прежде, чем Франклин уехал. Он оказался неплохим психологом.

Глубокая благодарность к Дону наполнила душу Франклина, который переживал одну из самых великих минут своей жизни. Только один миг мог поспорить с этим: когда он впервые увидел неизъяснимо прекрасную Землю на фоне бесконечно далеких звезд. И сейчас он испытывал такое благоговение, словно наблюдал проявление космических сил.

Киты плыли на север, и он был среди них. Видно, вожаки ночью прошли через Квинслендские ворота, направляясь в теплые воды, где самки могли спокойно произвести на свет потомство. Живая армада, воплощение силы и мощи, легко и уверенно рассекала волны. Громадные темные туши появлялись из воды и снова ныряли без малейшего всплеска. Величественная картина так захватила Франклина, что он не думал об опасности. Вдруг один великан всплыл в каких-нибудь сорока футах от лодки. Из дыхала с оглушительным свистом вырвался несвежий воздух, и до Франклина дошло ослабленное расстоянием зловоние. Прямо на него глядел до смешного маленький, совершенно теряющийся в этой чудовищной, уродливой голове глаз. Несколько секунд два млекопитающих — двуногое, которое покинуло море, и четвероногое, которое вернулось туда, — смотрели друг на друга через пропасть, разделившую их по воле эволюции. Интересно, каким представляется человек киту? Вряд ли есть способ объяснить это...

Затем голова исполина перевесила, могучие плавники взмыли вверх, и внезапно возникла воронка, в которую тотчас ринулась вода.

Далекий удар грома заставил Франклина повернуться в сторону материка. В полумиле от них играли киты. И он с замиранием сердца увидел, как животное, мало похожее на то, что он знал по фильмам и фотографиям, медленно поднялось над водой и повисло в воздухе. Как солист балета в высшей точке своего прыжка словно побеждает тяготение, так и кит на миг будто зацепился за горизонт. Потом, с той же неспешной грацией, он упал обратно в море, и над волнами прокатился грохот.

Замедленное течение этого богатырского прыжка

придавало происходящему характер сновидения, как будто нарушился обычный ход времени. Яснее, чем когда-либо, Франклин осознал, до чего же эти животные огромны — ну прямо ожившие острова. И он подумал: что, если какой-нибудь кит всплывет как раз под лодкой или захочет поближе познакомиться с ней?..

— Не беспокойся, они нас знают, — заверил его Дон. — Иногда подходят поскрестись, чтобы освободиться от паразитов, — не совсем приятно. А случайных столкновений нечего бояться, они ориентируются лучше нашего.

Словно в опровержение его слов, из воды выросла покатая гора, и на них обрушился ливень брызг. Лодку сильно трянуло, Франклину даже показалось, что они вот-вот опрокинутся, но она тут же выровнялась. До всплывшей на поверхность, обросшей морскими уточками головы было буквально рукой подать. Причудливо изогнутый рот распахнулся в чудовищном зевке и, переливаясь, как жалюзи на ветру, заблестели сотни пластин китового уса.

Будь Франклин один, он бы перепугался насмерть, но Дон был невозмутим. Наклонившись над обрезом люка, он крикнул в едва различимое слуховое отверстие кита:

— Двигай дальше, мамаша! Мы не твоя крошка!

Огромная пасть с роговой драпировкой захлопнулась, блестящий глаз — до странности похожий на коровий — выразил нечто вроде обиды, лодка снова качнулась, и кит исчез.

— Убедился, что бояться нечего? — спросил Дон. — Без детенышей они миролюбивые и добродушные, как и всякий домашний скот.

— А зубатые — кашалот, например? К ним бы ты подошел так близко?

— Все зависит от обстоятельств. Если это старый хитрый самец, вроде Моби Дика, я бы не решился. И косатки тоже могут посчитать меня лакомым кусочком, правда, их легко отогнать — включил реву, и все. Один раз я затесался в стадо кашалотов, голов на двенадцать, и дамы отнеслись ко мне совершенно спокойно, хотя у некоторых были детеныши. Даже старик,

представляешь себе, не протестовал. Должно быть, понимал, что я ему не соперник. — Дон задумался, потом добавил: — Это был единственный раз, когда я видел китовую свадьбу. Внушительное зрелище, у меня сразу такой комплекс неполноценности развился, что я неделю был не в форме.

— А сколько голов в этом стаде? — спросил Франклин.

— Что-нибудь около сотни. Счетчики у ворот дадут тебе точные сведения. Словом, сейчас тут резвится самое малое пять тысяч тонн первоклассного мяса и жира. Два миллиона долларов, если считать на деньги. Не захватывает у тебя дух при виде такого богатства?

— Нет, — ответил Франклин. — И готов поклясться, тебе тоже безразлично. Я теперь понимаю, почему ты так любишь свою работу, и можешь не притворяться.

Дон промолчал. Общие мысли и чувства объединяли двух товарищей, которые стояли рядом в тесном люке, не чувствуя соленых брызг, поглощенные зрелищем самых могучих животных, каких когда-либо знал мир. В эту минуту Франклин по-настоящему твердо ощутил, что его жизнь вошла в новое русло. Конечно, ему всегда будет жаль многого из того, что потеряно, но пора пустой тоски и мрачных размышлений миновала. Путь в космические просторы ему закрыт, зато открылись просторы морей.

А этого довольно для любого человека.

11

*Секретно,
держать в запечатанном конверте.*

К сему прилагается медицинское заключение о состоянии здоровья Уолтера Франклина, который ныне успешно закончил курсы и получил звание младшего инспектора с самым лучшим аттестатом. Учитывая жалобы руководителей Управления кадров и трудоустройства, что наши заключения перегружены специальной терминологией, я излагаю здесь суть дела языком, доступным пониманию управленцев.

Хотя у У. Ф. есть свои недостатки, его незаурядные качества и способности позволяют отнести его к небольшой группе людей; из которых набираются руководители производственных отделов. Эта группа настолько мала, что, как я не раз подчеркивал, само существование нашего государственного аппарата окажется под угрозой, если мы не сумеем ее расширить. Несчастный случай, вынудивший У. Ф. расстаться с Космической Службой, где его, несомненно, ожидала блестящая карьера, не лишил У. Ф. его дарований и предоставил нам возможность, тренебредить которой было бы преступно. Мы смогли не только изучить случай, вошедший затем как классический в учебники по астробии, но и проверить, насколько мы преуспели в переквалификации людей. Аналогии между космосом и морем отмечались много раз; человек, привыкший к одной из этих двух сред, легко приспосабливается к другой. Но в этом случае не меньшую роль играло различие; попросту говоря, то, что море представляет собой сплошную, достаточно плотную жидкую среду, в которой видимость не превышает нескольких ярдов, вернуло У. Ф. чувство безопасности, утраченное им в космосе.

Его покушение на самоубийство незадолго до окончания курсов на первый взгляд говорит против правильности нашего лечения. Это не так: покушение было вызвано рядом не поддающихся предвидению факторов (см. пункты 57—86 прилагаемого заключения), и в конечном счете оно, как это часто бывает, привело к сдвигу в лучшую сторону. Весьма показателен самый способ, избранный покушавшимся. Он подтверждает, что мы верно выбрали новую профессию для У. Ф. И насколько серьезно было это покушение? Если бы У. Ф. твердо решил убить себя, он выбрал бы более простой и надежный способ.

Теперь, когда субъект наладил — как будто успешно — свою эмоциональную жизнь и отклонения не выходят за рамки обычного, я уверен, что можно не опасаться новых срывов. Чрезвычайно важно поменьше давить на него. Его независимость и самостоятельность суждений хотя и не так сильно выражены, как преж-

де, представляют собой важнейшую черту характера У. Ф. и во многом определяют его будущее.

Только время покажет, окупятся ли усилия специалистов. Но даже если нет, люди, которым пришлось этим заниматься, вознаграждены уже сознанием, что возродили к жизни человека, который, несомненно, окажется полезным для дела, а может быть, даже бесценным.

Ян К. Стивенс,
Начальник Отдела прикладной психиатрии,
Всемирная организация здравоохранения

Смотритель

12

огда прозвучал сигнал аварийного вызова, смотритель Уолтер Франклин проходил ежемесячную процедуру бритья. Его всегда удивляло, почему биохимики до сих пор не придумали какого-нибудь способа совсем обуздать эту щетину. А впрочем, грех жаловаться: ведь всего полвека назад мужчинам — только подумать! — приходилось бриться каждый день, применяя для этого целый набор замысловатых и дорогих, порой даже смертоносных приспособлений.

С мазью на лице Франклин выскочил из ванной, промчался через кухню и влетел в холл прежде, чем сигнальное устройство успело перевести дух и исполнить новую трель. Он нажал клавишу «прием», экран коммуникатора осветился, и возникло чем-то озабоченное лицо дежурной.

— Вам нужно сейчас же прибыть для исполнения служебных обязанностей, мистер Франклин, — торопливо вымолвила она.

— А в чем дело?

— Фермы бьют тревогу. В заграждении брешь, одно стадо проскочило и ест весенний урожай. Мы должны выгнать их поскорее.

— Только и всего? — отозвался Франклин. — Через десять минут буду на пристани.

В самом деле, авария, хотя и не такая, из-за которой стоило бы волноваться. Ко-

нечно, фермы будут кричать — ведь что ни глоток, то полтонны, а тысяча таких глотков может поставить под угрозу весь годовой план. Но втайне Франклин был на стороне китов; пусть отведут душу, раз сумели проникнуть в планктонные прерии.

— Что там случилось? — спросила Индра, выходя из спальни.

Она еще не успела причесаться, и ее блестящие черные волосы длинными красивыми прядями спадали на плечи. Ответ Франклина явно встревожил ее.

— Это серьезнее, чем ты думаешь, — сказала она. — Если будете мешкать, потом не оберетесь хлопот с больными. Весенняя вспышка размножения прошла всего две недели назад, и она побила все рекорды. Как бы не объелись твои прожорливые питомцы.

А ведь она права. Планктонные фермы составляли автономный отдел Морского управления, и Франклин не соприкасался с ними непосредственно, но он хорошо знал их работу — как-никак вроде бы конкуренты в добыче пищи из моря. Энтузиасты планктона утверждали — пожалуй, не без основания, — что выращивать планктонный урожай целесообразнее, чем пасти китов: ведь киты сами питаются планктоном, значит, в пищевой цепи они стоят ступенькой ниже. Зачем тратить десять фунтов планктона на производство одного фунта китового мяса, говорили они, если можно просто собирать планктонный урожай?

Дискуссия продолжалась уже двадцать лет, и пока что ни одна из сторон не взяла верх. Иногда спор становился довольно желчным, напоминая соперничество между земледельцами и скотоводами в пору освоения американского Среднего Запада; только масштабы были иные да вопрос посложнее. Правда, на беду современных мифотворцев конкурирующие отделы Морского управления ВОП сражались между собой протоколами и действенным, но мало импозантным оружием бюрократизма. Никто не ходил, крадучись, по ранчо с винтовкой в руке, и если в изгороди появлялась брешь, то по причинам чисто техническим, а не из-за полуночных диверсий...

В море, как и на суше, вся жизнь зависит от растительности. А количество растений зависит от обилия минералов в среде — азотных, фосфорных и множества иных соединений. В океане все эти важнейшие вещества скапливаются в глубинах, куда не доходит свет, а потому не могут существовать растения. Верхние пятьсот футов моря — первооснова его жизни; все, что обитает ниже, через промежуточные звенья живет пищей, созданной в этом слое.

Каждую весну, когда тепло проникает в пучину, глубокие воды тоже отзываются на незримое солнце. Увеличиваясь в объеме, они поднимаются и несут к поверхности несчетные миллиарды тонн солей и минералов. Удобренные питательными веществами снизу и подстегнутые солнечными лучами сверху, плавучие растения размножаются с интенсивностью взрыва. Естественно, выигрывают и животные, которые ими кормятся. Весна приходит на морские луга.

До появления человека цикл этот повторялся не менее миллиарда раз. Теперь человек изменил его. Не удовлетворяясь восходящими потоками минералов, производимых природой, он в стратегических точках погрузил в океан на большую глубину атомные генераторы, тепло которых вызывало исполинские подводные фонтаны, несущие к животворному солнцу химические сокровища. Среди многочисленных приложений ядерной энергии это искусственное подстегивание естественного круговорота оказалось одним из самых неожиданных и самых продуктивных. Один этот способ позволил почти на десять процентов увеличить количество продовольствия, поставляемого морями.

И вот киты из всех сил стараются свести на нет этот прирост.

Облава была задумана как комбинированная морская и воздушная операция. Одни подводные лодки не справятся, их мало и они слишком тихоходны. Три из них, включая одноместного разведчика Франклина, перебросят к бреши на транспортном самолете; потом этот самолет будет помогать, выслеживать китов с воздуха, если они разошлись так далеко, что дальность действия гидролокаторов подводных лодок окажется

мада. Еще два самолета будут отгонять китов, сбрасывая рядом с ними генераторы звука. Впрочем, прежде этот способ плохо помогал, и на него не возлагали особых надежд.

Через двадцать минут после аварийного вызова Франклин уже смотрел, как уходят вниз огромные пищевые комбинаты Пирл-Харбора. Он по-прежнему не любил летать и старался держаться подальше от самолетов. Но когда надо было, перелет переносил спокойно и мог без тошноты смотреть на простершийся внизу мир.

В ста милях к востоку от Гавайских островов море вдруг из голубого стало золотым. До самого горизонта тянулись кочующие поля с первым в году урожаем; казалось, им не будет конца. Тут и там, словно причудливые игрушки исполинских детей, на поверхности Тихого океана лежали уборочные машины — своего рода шумовки с милю длиной; по соседству стояли гораздо более компактные понтоны и плоты с аппаратами, производящими концентрат. Зрелище было внушительным, даже в эту эпоху титанических инженерных сооружений, но Франклина оно не волновало. Мысль о миллиардах тонн отборных диатомей и рачков не вызвала в нем радостного трепета, хоть он и знал, что это пицца одной четверти человечества.

— Проходим над Гавайским коридором, — раздался в динамике голос пилота. — Через минуту увидим брешь.

— Вижу, — сказал один из товарищей Франклина, указывая рукой вниз. — Вот они, наслаждаются...

Да что и говорить, фермеры-бедняги, наверно, рвут на себе волосы. Неожиданно Франклину вспомнилась детская песенка, которую он последний раз слышал самое малое тридцать лет назад.

Голубой Пастушок,
Подуди в свой рожок,
Ходят овцы по лугам,
А коровы по хлебам.

Действительно, «коровы ходят по хлебам»; придется Пастушку потрудиться, чтобы выгнать их оттуда.

Множество узких прокосов в желтых планктонных лугах показывало, где проедают себе путь прожорливые великаны. Извивающаяся голубая полоска чистой воды отмечала путь каждого из полчища китов, очутившихся в своем китовом раю. Задача Франклина — поскорее изгнать грешников из этого рая.

Получив короткий радиоинструктаж, три инспектора прошли из кабины в грузовой отсек, где скаутсабы уже висели на плюпбалках, которые должны были опустить их в море. Операция несложная, труднее будет потом поднять их. Если ветер нагонит волну, придется возвращаться на базу своим ходом.

Не совсем это обычно: на самолете очутиться внутри подводной лодки. Но Франклину было некогда задумываться об этом, он готовился к погружению. Заговорил динамик на пульте: «Высота тридцать футов, открываю люки грузового отсека. Лодка номер один, приготовиться». Франклин был вторым в очереди. Огромный транспортный самолет висел неподвижно, и тали шли так гладко, что Франклин не почувствовал, когда его разведчик погрузился в свою естественную среду. И вот уже три лодки расходятся заданным курсом — ни дать ни взять механические собаки, сгоняющие скот.

Франклин быстро убедился, что это будет посложнее, чем он думал. Кругом был густой суп — никакой видимости, даже гидролокатор сбит с толку. Но главное: этот кисель тормозил крыльчатки, и водометы еле тянули. Чего доброго, засорятся... Лучше опуститься ниже планктонного слоя и без крайней нужды не всплывать.

На глубине трехсот футов муть кончилась. Из-за темноты он по-прежнему ничего не видел, но хоть можно было развить хорошую скорость. Догадываются пирующие киты, что он уже близко и идиллии скоро придет конец? Вот они, яркие эхо-сигналы, медленно плывущие по мерцающему зеркалу, которое обозначает непроницаемую для звукового луча границу воды и воздуха. Любопытно: акустическим органам чувств гидролокатора поверхность моря представляется снизу такой же, как человеческому глазу.

В обход стада с двух сторон заходили приметные маленькие эхо-сигналы двух подводных лодок. Франклин поглядел на хронометр: меньше чем через минуту начнется гон. Он включил наружные микрофоны и прислушался к голосам моря.

Как можно было говорить, будто море безмолвно? Даже несовершенный слух человека улавливал многие шумы: скрип хитинизированных клешней, рокот каменных глыб, свист дельфинов, характерное «шлеп» хвоста акулы после крутого поворота. Но все это звуки слышимого спектра; чтобы сполна оценить симфонию моря, надо выйти за пределы того, что доступно нашему уху. Простейшая задача для установленных на лодке преобразователей частоты. Их можно при желании настроить на любой звук — от миллиона циклов в секунду до самых медленных колебаний, которые хочется сравнить с тягучим движением безнадежно заржавевшей двери.

Он настроил приемник на самую широкую полосу, и сознание тотчас принялось толковать многочисленные голоса, врывающиеся в маленькую кабинку из подводного мира. Шумы, произведенные человеком, он отсеивал сразу. К тому же гудение его лодки и лодок товарищей почти всецело поглощалось соответствующими фильтрами; однако они пропускали свист трех гидролокаторов (его датчик почти совсем заглушал два остальных) и далекое «бип-бип-бип» Гавайского коридора. Так назывался огражденный с двух сторон проход, по которому киты могли следовать через планктонные поля, не причиняя ущерба фермам. Каждый генератор слал импульсы с пятисекундным интервалом. Правда, ближайший участок вышел из строя, но он отчетливо слышал сигналы более удаленных частей акустического барьера. Импульсы были причудливо искажены и сливались в длинное, непрерывное эхо, так как за каждым сигналом тут же подходили посланные более удаленными генераторами. Прислушаешься — звук как бы передается вдаль по цепочке, наподобие стихающего раската грома.

На этом фоне явственно выделялись звуки природные. Со всех сторон, ни на миг не смолкая, доносились

писк и крики китов, которые переговаривались между собой или просто давали выход своему восторгу. Франклин различал голоса самцов и самок; правда, он еще не научился узнавать по голосу отдельных китов и толковать их речь.

В подводном царстве нет звука более жуткого, чем крики стада китов. Закроешь глаза — и кажется, ты попал в заколдованный лес и тебя со всех сторон окружают бесы и лешие. Если бы Гектор Берлиоз слышал этот зловеющий хор, он убедился бы, что природа предвосхитила его «Шабаш ведьм».

Но суеверный страх вызывает только то, что незнакомо, а эти голоса теперь уже прочно вошли в жизнь Франклина. Они больше не вызывали у него кошмаров, как это бывало вначале. Напротив, они рождали чувство радости и симпатии, да еще легкое удивление: как эти исполины могут издавать такой тонкий писк?!

Впрочем, иногда звуки моря навевали воспоминание, от которого сердце переполнялось печалью. Будто он снова в радиорубке космического корабля или космической станции, сидит у приемников-автоматов, прочесывающих заданный диапазон. И отдаются в ночи призрачные голоса, очень похожие на эти: вызывают далекие корабли, работают радиомаяки, поселения на других планетах переговариваются с Землей высокочастотным кодом. И всегда за немощными голосами передатчиков был слышен рокочущий фон, вечное шуршание звезд и галактик, наводняющих всю вселенную своим радиоизлучением.

Стрелка хронометра коснулась нуля. Прежде чем она успела отмерить следующую секунду, море взорвалось адской какофонией. Дикое улюлюканье с подвыванием заставило Франклина поспешно убавить громкость. Так, акустические бомбы сброшены, бедные те киты, которые окажутся поблизости. Рисунок на экране индикатора вмиг изменился; испуганные животные в панике кинулись на запад. Франклин не отрывал глаз от прибора, готовый идти на перехват тех, кто свернет в сторону от бреши и вместо коридора опять окажется на планктонных полях.

То ли акустические бомбы усовершенствовали с прошлого раза, то ли киты стали более дисциплинированными: только три или четыре кита откололись от стада. Всего десять минут ушло на то, чтобы догнать их и с помощью установленных на лодках сирен вернуть в строй. Через полчаса после начала гона все стадо вышло обратно сквозь незримое окно в заграждении и закружилось в узком коридоре. Лодкам оставалось лишь дежурить, пока инженеры не закончат ремонт и не восстачовят звуковую завесу.

Никто не назовет это крупной победой. Обыкновенный, будничный труд, второстепенная схватка в непрекращающейся кампании. Азарт погони уже прошел, и Франклин спрашивал себя, скоро ли транспортник извлечет их из океана и доставит обратно на Гавайские острова. Как-никак у него сегодня выходной, и он обещал Питеру вместе поехать в Вайкики, чтобы поучить его плавать.

Хороший смотритель даже в минуты затишья следит за гидролокатором. Каждые три минуты Франклин машинально включал каскад дальнего действия и нацеливал датчик на дно — просто так, чтобы знать обстановку. Он не сомневался, что его товарищи делают то же самое, томясь ожиданием.

На краю экрана появилось слабое эхо — след предмета, который находился на пределе дальности прибора: расстояние десять миль, глубина почти две мили. Франклин присмотрелся, потом недоуменно сдвинул брови. Чтобы его было видно на таком расстоянии, это должно быть что-то очень крупное, не меньше кита. Но кит — в этой пучине?.. Правда, кашалотов встречали на глубине одной мили, однако даже эти непрвзойденные пыряльщики так глубоко не забираются. Глубоководная акула? Возможно... Как бы то ни было, не мешает взглянуть поближе.

Он переключил прибор на автоматическое сопровождение предмета и увеличил изображение, сколько позволял индикатор. Деталей не различить, слишком далеко, но видно, что объект длинный, тонкий и довольно быстро движется. Он посмотрел еще, потом вызвал товарищей. Не относящиеся к делу разговоры во

время операций не поощряются, но эта загадка заинтриговала его.

— Я «Сабскаут-два», — сказал он. — Есть крупный эхо-сигнал, азимут 185 градусов, дальность 9,7 мили, глубина 1,8 мили. Похоже на подводную лодку. Вам известно, кто-нибудь еще действует в этом районе?

— «Сабскаут-два», я «Сабскаут-один», — послышался ответ. — Это за пределами радиуса действия моего прибора. Может быть, там лодка Комитета по исследованиям? Какие размеры дает индикатор?

— Около ста футов, чуть больше. Скорость выше десяти узлов.

— Я «Сабскаут-три». Здесь сейчас нет никаких исследованийских лодок. «Наутилус-4» на ремонте, «Кусто» работает в Атлантике. Наверно, тебе рыба попалась.

— Таких рыб не бывает. Разрешите сходить туда? По-моему, мы обязаны проверить.

— Разрешаю, — ответил «Сабскаут-один». — Мы справимся без тебя. Держи связь с нами.

Франклин развернулся на юг и плавным поворотом ручки дал полный ход. Преследуемый объект успел уйти слишком глубоко для его разведчика, но ведь он еще может подняться. Даже если не поднимется: сократив дальность, можно получить более четкое изображение.

Через две мили он убедился, что погоня ничего не даст. Животное, несомненно, уловило вибрацию от двигателя или импульсы гидролокатора и быстро пошло вниз. Франклину удалось сократить расстояние до четырех миль, после чего эхо-сигнал затерялся в хаосе отражений от океанского дна. Напоследок он успел убедиться, что оно очень большое и относительно тонкое, но подробностей различить не смог.

— Ушло? — осведомился «Сабскаут-один». — Так я и думал.

— Значит, ты знаешь, что это было?

— Нет, и никто не знает. И вот тебе мой совет: не рассказывай об этом репортерам, не то сам не рад будешь.

Франклин ошеломленно поглядел на маленький ди-

намик, который только что произнес эти слова. Выходит, никто его не разыгрывал... Он перебирал в памяти рассказы, которые слышал в баре на Героне — да всюду, где собирались в свободное время зрители. Тогда он смеялся, но теперь понимает: они говорили правду.

Это робкое эхо, ускользнувшее от гидролокатора... Великий Морской Змей.

Индра — она по-прежнему работала на полставке в Гавайском Аквариуме, когда позволяли домашние дела, — выслушала его рассказ куда спокойнее, чем он ожидал. А когда она заговорила, то и вовсе обескуражила его.

— Постой, о какой именно морской змее идет речь? Нам известно по меньшей мере три различных вида.

— Первый раз слышу.

— Во-первых, гигантский угорь, его видели три или четыре раза, но точно опознать не смогли. А личинок ловили еще в сороковых годах прошлого столетия. Этот угорь достигает шестидесяти футов в длину — чем не Великий Змей! Но особенно великолепна ремень-рыба *Regalecus glesne*. Ее рыло напоминает лошадиную морду, сверху на голове — ярко-красный султан, вроде головного убора индейцев. Тело змееподобное, длиной до семидесяти футов. Сам посуди, можно ли нас удивить, когда мы знаем, на какие чудеса способно море?

— Погоди-ка, а третий вид?

— Он совсем не опознан и не описан. Мы называем его просто «Икс», потому что люди все еще не принимают разговоров о морских змеях. Точно известно одно: это животное, несомненно, существует, оно чрезвычайно скрытно и обитает на большой глубине. Когда-нибудь мы его поймем, скорее всего по чистой случайности.

Весь этот вечер Франклин был задумчив. Его преследовала мысль, что, несмотря на все приборы, которые прощупывают море, и непрерывное исследование глубин человеком с подводных лодок, океан все еще хранит — и веками будет хранить — много секретов. Он чувствовал: даже если ему больше не суждено уви-

деть это существо, его всю жизнь будет преследовать воспоминание о далеком, дразнящем эхе, которое так стремительно ушло в свою обитель в морской бездне.

13

Почему-то многие считают, что жизнь смотрителя — это сплошная романтика. Франклин никогда не был в плену таких заблуждений, поэтому его не удивило и не разочаровало, что столько времени уходит на долгое, однообразное патрулирование морских далей. Ему это даже нравилось. В походе у него было время для раздумий, но некогда было грустить. Именно в эти часы, когда Франклин вплотную соприкасался с живым сердцем океана, прошли его последние страхи и окончательно исцелились душевные раны.

Жизнь смотрителя определялась ежегодными миграциями китов, но пути и сроки миграций постоянно менялись, по мере того как все новые участки моря огораживали и превращали в возделываемую ниву. Глядишь, летом смотритель ходит под полярными льдами, а всю зиму курсирует взад и вперед через экватор. Иногда он базируется на береговых станциях, иногда базы плавучие — «Полосатик», «Гринда» или «Кашалот». Один сезон он работает с усатыми китами, которые извлекают пищу из моря, плывя с открытой пастью сквозь густой планктонный суп. А другой сезон сводит его с их свирепыми родственниками, зубатыми китами, во главе с кашалотом. Зубатые киты — не кроткие вегетарианцы; в черной бездне, куда не проникает ни один луч солнца, они выслеживают морских чудовищ и вступают с ними в бой.

А порой смотритель неделями, даже месяцами не видит ни одного кита. Люди и снаряжение использовались не только для присмотра за китами; все организации, связанные в своей работе с морем, рано или поздно шли за помощью в Отдел китов. Иногда это было вызвано каким-нибудь трагическим происшествием: что ни год, подводные лодки не раз и не два выходили на поиски — чаще всего безуспешные — утонувших спортсменов или исследователей.

Были и другие крайности; недаром среди смотрите-

лей ходил анекдот про сенатора, обратившегося в Сиднейскую контору с просьбой поднять со дна моря его искусственную челюсть, которую он потерял, попав в сильный прибой. И будто бы ему вскоре же прислали огромную челюсть тигровой акулы и записку с извинением: дескать, это единственная бесхозная челюсть, которую после тщательных поисков удалось обнаружить у Бонди-Бич, где купался сенатор.

Конечно, бывали задания увлекательные, и зрители состязались за право получить их. Например, в Отделе рыболовства занималась жемчугом небольшая группа с явно недостаточными штатами. И когда у китопасов наступало межсезонье, им разрешали поработать на промысле жемчуга.

В одну такую командировку — в Персидский залив — попал Франклин. Дело было несложное, чем-то напоминающее труд садовода, глубины не превышали двухсот футов, так что подводник пользовался простейшим легководолазным аппаратом на сжатом воздухе, а передвигался с помощью торпеды. Лучшие площади для жемчуга «засевали» избранными сортами; главной задачей было охранять моллюсков от их естественных врагов, прежде всего от морских звезд и скатов. Дав раковинам созреть, их собирали и поднимали на поверхность для проверки: одна из немногих операций, которые никак не удавалось механизировать.

Разумеется, найденные жемчужины принадлежали Отделу рыболовства. Но почему-то жены всех зрителей, которых командировали на эту работу, вскоре начинали щеголять жемчужными ожерельями или серьгами. Индра не была исключением.

Она получила свою нитку жемчуга в день рождения Питера. Снова став отцом, Франклин почувствовал, что старая глава его жизни совсем кончилась. Да нет, неверно это, он не мог — и не хотел — навсегда забыть, что в мире, который для него теперь был так же недосягаем, как планеты самой далекой звезды, Айрин родила ему Роя и Руперта. Но боль от неизбежной разлуки унялась; никакая тоска не может длиться вечно.

Он был только рад, — хотя прежде возмущался этим, — что невозможен прямой радиоразговор с кем-

нибудь на Марсе, вообще за пределами орбиты Луны. Даже во время наибольшего сближения Земли и Марса радиоволны туда и обратно шли шесть минут; какой уж тут разговор! Так что он не мог вызвать Айрин и ребят к видеофону и обречь себя на мучительное свидание. К Новому году они посылали друг другу магнитозаписи, в которой рассказывали о событиях истекших двенадцати месяцев. Тем и ограничивался их контакт, если не считать редких писем, и Франклину этого было достаточно.

Как-то Айрин освоилась со своим вдовством? Конечно, с детьми легче, и все-таки, думал он иногда, хорошо бы ей выйти замуж — лучше и для нее и для него. Но сказать ей так у него не поворачивался язык, и она не заговаривала об этом, даже когда он сам снова женился.

Что он думает об Индре? Еще один трудный вопрос... Вероятно, какая-то доля ревности неизбежна. Недаром Индра, когда у них случались раздоры, давала понять, как неприятна ей мысль, что она вторая женщина в его жизни.

Впрочем, они редко ссорились, тем более после рождения Питера. Супружеская пара представляет собой динамически неустойчивую систему, пока появление первого ребенка не превращает ее из двучлена в трехчлен.

Франклин был вполне счастлив. Чего еще можно себе пожелать? Семья давала ему душевный покой, работа наполняла бытие красками и смыслом, которых он искал — и которые потерял — в космосе. В толще морей оказалось больше жизни и чудес, чем в безбрежных межпланетных просторах, и он все реже тосковал по зрелищу восходящей голубой Земли или серебряных вихрей Млечного Пути, по венчающим долгий перелет, напряженным минутам посадки на один из спутников Марса.

Море уже наложило свою печать на его поступки и мысли, как это неизбежно бывает с каждым человеком, который хочет покорить океан и проникнуть в его тайны. Франклин чувствовал себя сродни всем животным, населяющим разные ярусы океана, даже

врагам, которых он по долгу службы был обязан истреблять. Но особенно тепло, даже с каким-то мистическим благоговением (которого он немного стыдился), Франклин относился к могучим животным, чья судьба была ему вверена.

Он утешал себя тем, что в душе, наверно, все смотрители испытывают то же самое, хотя ни за что не признаются в этом. Правда, иногда вырвется в разговоре невесть кем придуманный оборот «китовая горячка» — так говорили о китопасе, который вдруг начинал вести себя скорее как кит, чем как человек. Вообще-то без этой способности не станешь хорошим смотрителем, но иногда она проявлялась чересчур сильно. Классическим считался случай (вполне достоверный, спроси кого хочешь!) с одним старшим смотрителем, который каждые десять минут поднимался на своей лодке к поверхности за воздухом; иначе ему казалось, что он задыхается.

Среди всемирной армии подводных специалистов смотрители слыли, так сказать, избранниками (они и сами поддерживали этот взгляд), и к ним шли со всеми необычными делами, за которые больше никто не брался. Бывали задания и слишком рискованные, тогда приходилось отвечать клиенту, чтобы он поискал другого выхода.

Но иногда другого выхода просто не было. В Отделе китов до сих пор вспоминали, как в 2022 году старший смотритель Кирхер вошел в огромный водозаборник охлаждающей рубашки атомного котла, который снабжал энергией половину Южной Америки. В одном из фильтров распаталась решетка, и ее можно было укрепить только вручную. Обвязавшись вокруг пояса крепкими канатами, чтобы самого не затянуло, Кирхер нырнул в ревущую тьму. Он выполнил задачу и вернулся невредимый, но больше никогда не работал под водой.

Пока что на долю Франклина выпадали только самые заурядные дела, ничего похожего на то, что испытывал Кирхер, и он не знал, как поведет себя в подобном случае. Проще всего, если риск окажется чрезмерным, отказаться — это и в контракте обусловлено. Но

«пункт о самоубийстве», как его насмешливо называли, был фактически мертвой буквой. Смотритель, который без самой крайней нужды ссылался на него, не навлек на себя гнева начальства, но товарищи его после этого не жаловали.

Только на пятом году своей достаточно напряженной, но в общем-то довольно однообразной работы Франклин получил поручение, выходящее за пределы его прямого долга. Зато дело было таким, что с лихвой вознаграждало его за долгое ожидание.

14

Главный бухгалтер бросил на стол свои таблицы и карты и победоносно взглянул над архаичными очками на горстку слушателей.

— Как видите, джентльмены, — сказал он, — всякие сомнения исключены. В этом районе, — он еще раз ткнул пальцем в карту, — убыль кашалотов ненормально велика. Речь идет уже не об обычных отклонениях в численности поголовья. За последние пять лет во время миграций на этом маленьком участке исчезало от семи до одиннадцати китов в год.

Вам, конечно, известно, что у кашалота нет естественных врагов, если не считать косаток, которые иногда нападают на небольших самок с детенышами. Между тем мы совершенно уверены, что сюда уже много лет не проникали косатки; к тому же в числе исчезнувших кашалотов по меньшей мере три крупных самца. На наш взгляд, возможно только одно объяснение.

Глубина здесь немногим меньше четырех тысяч футов. Это значит, что кашалот успевает достигнуть дна и несколько минут уделить охоте, прежде чем он оказывается вынужденным всплыть за воздухом. С тех самых пор, как было установлено, что *Physeter* питается почти исключительно кальмарами, ученые задают себе вопрос: может ли кальмар победить напавшего на него кашалота? Чаще всего отвечают — нет, не может, ибо кит намного крупнее и сильнее.

Но нам следует помнить, что до сих пор не выяснено, где проходит предел роста гигантского кальмара. Биологи сообщили мне, что найдены щупальца

Bathyteutis Maximus, достигающие в длину восьмидесяти футов. Кроме того, на такой глубине кальмару достаточно продержаться кита несколько минут, после чего кашалот уже не сможет вернуться к поверхности, он утонет. И вот, года два назад, мы выдвинули предположение, что в том районе живет по меньшей мере один редкостно крупный кальмар. Мы... гм... окрестили его Перси.

До прошлой недели Перси был существом гипотетическим. Но несколько дней назад, как вы знаете, на поверхности океана был обнаружен мертвый кит К. 87693. Туша его сильно искалечена, вся кожа покрыта характерными следами от присосков и зубцов. Прошу вас посмотреть вот на эту фотографию.

Главный бухгалтер достал из своего портфеля большие глянцевые отпечатки и передал слушателям. На каждом отпечатке был показан участок тела кита, испещренный белыми полосами и кольцами правильной формы. Не совсем уместная на первый взгляд футовая линейка в середине снимка позволяла судить о масштабе.

— Так вот, джентльмены, эти следы от присосков достигают шести дюймов в поперечнике. Думаю, мы вправе сказать, что Перси больше не гипотеза. Спрашивается: как с ним поступить? Он обходится нам самое малое в двадцать тысяч долларов в год. Прошу высказывать предложения.

Некоторое время было тихо; собравшиеся представители задумчиво разглядывали снимок. Наконец заговорил начальник Отдела китов:

— Я пригласил на наше совещание мистера Франклина. Послушаем его. Ваше слово, Уолтер. Справитесь с Перси?

— Справлюсь, если найду его. Но в этом месте очень неровное дно, трудно искать. Обычная подводная лодка не годится, запас прочности мал для такой глубины, особенно если попадешь в объятия Перси. Кстати, что вы думаете о его величине?

Главный бухгалтер, обычно без запинки называвший все цифры, на этот раз помедлил, прежде чем ответить.

— Это не моя оценка, — сказал он, словно извиняясь, — но биологи полагают, что в длину он достигает примерно ста пятидесяти футов.

Кто-то тихонько свистнул, только начальник отдела сохранял невозмутимое выражение лица. Он давным-давно убедился в верности старой истины: какую бы огромную рыбу ни выловили, в море есть еще больше. В среде, где тяготение не ограничивает размеров, животное продолжает расти почти до самой смерти. А гигантский кальмар, пожалуй, лучше всех обитателей моря защищен от любых атак. Даже его единственный враг, кашалот, не может добраться до кальмара, пока тот остается ниже четырех тысяч футов.

— Есть десятки способов убить Перси, когда мы выследим его, — заговорил Главный биолог. — Взрывчатка, яд, электрический разряд — выбирайте любой. И все-таки я просил бы по возможности не умертвлять его. Это же одно из крупнейших животных на нашей планете, убить его было бы преступлением.

— Извините, доктор Робертс! — возразил начальник отдела. — Позвольте напомнить вам, что наш отдел занимается производством продовольствия, а не исследованием и охраной животных. Не считая китов, конечно. И вообще слово «убийство», по-моему, странно звучит в применении к какому-то моллюску-перестрою.

Однако выговор начальника явно не произвел особого впечатления на доктора Робертса.

— Я согласен, сэр, — бодро отозвался он, — что наша главная задача — производство, что мы всегда обязаны помнить об экономических факторах. Но ведь мы сотрудничаем с Комитетом научных исследований. И мне кажется, это как раз тот случай, когда можно поработать вместе к обоюдной пользе. В конечном счете, мы только выиграем.

— Ну, ладно, говорите, — сказал начальник, и в глазах его мелькнула лукавая искорка.

Любопытно, что за гениальный план придумали вместе со своими товарищами из КНИ эти ученые, которые обязаны работать на его отдел.

— Еще никому не удавалось поймать живьем ги-

гантского кальмара, по той простой причине, что не было нужного снаряжения. Конечно, эта операция обойдется недешево, но коль скоро мы все равно задумали охотиться на Перси, дополнительный расход будет не так уж велик. Итак, я предлагаю взять его живьем.

Никто не спросил его, как он собирается это сделать. Если доктор Робертс говорит, что это возможно, значит, у него уже все продумано. Начальник отдела, как обычно, не стал задерживаться на технических деталях операции по подъему с глубины одной мили сопротивляющегося многотонного зверя, его занимало главное.

— Какую часть расходов берет на себя КНИ? И что вы собираетесь делать с Перси, когда поймаете его?

— Мы предоставляем подводные лодки с водителями, КНИ оплачивает добавочное оборудование, но это неофициально. Нам понадобится также плавучий док, который мы брали в прошлом году у ремонтников. В нем помещаются два кита, значит, и кальмару места хватит. Тут будут дополнительные расходы: нужна установка для аэрации воды, проволоочная сетка под электрическим напряжением, чтобы Перси не вылез, еще кое-что. Словом, док может служить лабораторией, пока мы будем изучать кальмара.

— А потом?

— Потом? Продадим его, только и всего.

— Боюсь, что любители домашних животных не кинутся покупать стопятидесятифутового кальмара.

И тут доктор Робертс, словно опытный актер, с небрежным видом пустил в ход свой главный козырь.

— Если мы доставим Перси в добром здравии, Мэринленд готов дать за него пятьдесят тысяч долларов. Столько предложил мне сегодня утром профессор Милтон, когда я разговаривал с ним. Но я уверен, что мы сможем получить больше. Почему бы не выговорить себе процент со сбора? Как-никак это будет величайший аттракцион в истории Мэринленда.

— Мало нам Комитета научных исследований, вы еще хотите втравить нас в сделку со зрелищными предприятиями, — проворчал начальник. — Ну ладно,

я не возражаю. Если счетоводы убедят меня, что эта затея не потребует слишком больших расходов и если не появится никаких других подводных камней, что ж, будем ловить. Разумеется, при условии, что мистер Франклин и его товарищи возьмутся за это. Работать-то им.

— Если у доктора Робертса готов план действий, я охотно с ним поговорю. Проект очень интересный.

Мягко сказано? Да. Но Франклин был не из тех, кто загорается восторгом от каждого нового дела; он давно убедился, что это только приводит к разочарованию. Если «Операция Перси» состоится, это превзойдет все, что было за пять лет его работы смотрителем. Да нет, ничего не получится, непременно возникнет какая-нибудь закавыка, и план сорвется.

Он не сорвался. Меньше чем через месяц Франклин вел на дно приспособленную для нового задания дозорную лодку. Следом за ним, в двухстах футах, шел Дон Берли. Впервые после Герона — как давно это было! — Франклин работал вместе с Доном. Когда ему предложили выбрать себе напарника, он сразу назвал своего учителя. Такой случай предоставляется раз в жизни, и Дон никогда не простил бы Уолтеру, если бы он выбрал кого-нибудь другого.

Иногда Франклин спрашивал себя, не завидует ли Дон его быстрому выдвижению. Пять лет назад Берли был старшим смотрителем, Франклин — зеленым курсантом. Теперь они оба старшие, и Уолтера вскоре ожидает новое повышение. Его это и радовало и не радовало. Франклин вовсе не был лишен честолюбия, просто он знал: чем выше он поднимется по бюрократической лестнице, тем меньше времени сможет уделять морю. Пожалуй, у Дона верный расчет — очень уж трудно представить себе его припшитым к канцелярии...

— Слышишь, включи свет, — прозвучал в динамике голос Дона. — Доктор Робертс просит меня сделать снимок.

— Есть, — ответил Франклин, — включаю.

— Ух ты! Красота какая! Будь я кальмаром, ни за что не устоял бы против тебя. Так, теперь повернись в профиль. Спасибо. Ну, картина — первый раз вижу, чтобы рождественская елка шла со скоростью десяти узлов на глубине шестисот саженей.

Франклин усмехнулся и выключил иллюминацию. Идея доктора Робертса очень проста; теперь все дело в том, чтобы проверить ее. Многие глубоководные обитатели наделены светящимися органами, которые, словно созвездия, сияют в вечном мраке. Этот свет они включают, чтобы приманить добычу или свою пару, но и огромные глаза кальмара восприимчивы к нему. Если гигантские кальмары такие умные, какими слывут, говорил себе Франклин, Перси быстро раскусит обман. А может случиться и так: этот свет собьет с толку нырнувшего кашалота, и, хочешь не хочешь, придется схватиться с ним!

До каменистого дна оставалось всего пятьсот футов; на экране гидролокатора ближнего действия его было видно во всех подробностях. Да, картина неутешительная, здесь должно быть несчетное множество впадин, в которых Перси никакими приборами не сыщешь. Но ведь кашалоты его находили — ценой своей жизни. А что по силам Phyceter'у, заключил Франклин, по-сильно и моей лодке.

— Смотри-ка, нам повезло, — заметил Дон. — Никогда не видел тут такой прозрачной воды. Если только не замутишь ее сами, видимость будет футов двести.

Это было очень важно: световая приманка Франклина окажется ни к чему, если ее лучи пропадут в мутной воде. Включив наружную телекамеру, он быстро обнаружил притушенный двухсотфутовым расстоянием правый отличительный огонь Дона. Точно, им повезло; это намного упростит их задачу.

Он поймал ближайший маяк и тщательно определил свою позицию. Для большей верности попросил Дона проделать то же самое, и они взяли среднюю величину. После чего его друзья, медленно идя на параллельных курсах, принялись придирчиво исследовать морское дно.

Странно было видеть на такой глубине голый ка-

мень; обычно дно океана покрыто слоем осадков и ила мощностью в сотни, а то и тысячи футов. Не иначе, здесь бывают сильные течения, которые все уносят, подумал Франклин. Правда, прибор не показывал никаких течений; видимо, они были сезонными, связанными с расположенной всего в пяти милях оттуда впадиной Миллера, глубиной в десять тысяч футов.

Каждые несколько секунд Франклин включал свои разноцветные огни, потом нетерпеливо всматривался в экран — нет ли реакции. Вскоре за ним шло уже с полдюжины причудливых глубоководных рыб, кошмарные создания двух-трехфутовой длины, с огромными челюстями и развевающимися усиками и щупальцами. Видно, огни манили так сильно, что даже вибрация двигателей их не пугала; это хороший признак. Рыбы не поспевали за лодкой, но место отставших тут же занимали новые, и среди них не было двух одинаковых.

Телевизионный экран не так привлекал Франклина, сейчас куда важнее был дальнобойный гидролокатор, который видел все на тысячу футов вперед. Нужно не только высматривать добычу, но следить за тем, чтобы не врезаться в скалы и выступы, вдруг возникающие на пути лодки. И хотя скорость не превышала десяти узлов, надо было глядеть в оба. Порой Франклина чудилось, что он идет бреющим полетом над окутанными туманом холмами.

Они отмерили пять миль — ничего! — развернулись на сто восемьдесят градусов и пошли обратно параллельным курсом. «Если даже не найдем его — утешил себя Франклин, — то хоть заснимем этот участок так, как никто до нас не снимал». У обоих работали самописцы, автоматически нанося на бумажную ленту профиль дна.

— Кто сказал, что это увлекательно? — пожаловался Дон после четвертого поворота. — Я пока даже кальмаренка не увидел. Может быть, мы их всех распугиваем?

— Вряд ли: Робертс уверяет, что они не очень восприимчивы к вибрациям. И вообще, сдается мне, Перси не из робкого десятка.

— Если он существует, — скептически заметил Дон.

— А эти шестидюймовые отпечатки? Кто их, потвоему, оставил — мыши?

— Постой! — воскликнул Дон. — Ну-ка, взгляни на эхо-сигнал, азимут 250, дальность 750 футов. Как будто скала, но мне на миг почудилось какое-то движение.

Опять ложная тревога?.. Нет, эхо и в самом деле размазанное. Честное слово, движется!

— Сбавь скорость до полузла, — сказал Франклин. — И отстань немного, а я подберусь поближе к нему и включу свет.

— Необычное эхо! Все время меняется.

— Похоже, это и есть наш Перси. Пошли.

Лодка шла над теряющейся вдали, покатою равниной, по-прежнему сопровождаемая любопытной свитой морских драконов. На телеэкране все, что находилось за пределами ста пятидесяти футов, терялось во мгле; дальше лучи ультрафиолетовых прожекторов не проникали. Франклин выключил все наружные огни и продолжал подкрадываться, ориентируясь только по гидролокатору.

На расстоянии пятисот футов эхо приняло вполне определенный облик, когда осталось четыреста футов, развеялись последние сомнения, за триста футов до цели рыба челядь Франклина вдруг поспешно разбежалась, точно почуяла, что здесь небезопасно. Двести футов... Он включил световую приманку. И, помедлив несколько секунд, нажал клавиши прожекторов и телевизора.

По дну моря шагал лес, лес судорожно извивающихся стволов. Великий кальмар на миг замер, точно осаженный прожекторами: должно быть, он видел их незримый для человеческого глаза свет. Потом молниеносно подобрал щупальца, сжался в плотный обтекаемый ком и ринулся навстречу подводной лодке, пустив на полную мощность свой водомет.

В последний миг кальмар свернул в сторону, и Франклин успел заметить громадный, не меньше фута в поперечнике, глаз. Последовал мощный удар в кор-

пус лодки, и в кабине раздался скребущий звук, словно металл царапали огромные когти. Франклин вспомнил исполосованную шрамами толстую кожу кашалотов; слава богу, его защищала прочная сталь. Было слышно, как рвались провода иллюминации. Ничего, они уже выполнили свое предназначение.

Определить, что сейчас делает кальмар, не было никакой возможности. То и дело лодку сильно встряхивало, но Франклин не пытался отступить. Пока нет прямой опасности, можно и потерпеть.

— Ты не видишь, что он там творит? — жалобно спросил он Дона.

— Вижу, он держит тебя восемью щупальцами, а двумя ловчими тянется ко мне. А как цвет меняет, чудо — не берусь описать. Хотел бы я знать, он в самом деле пытается тебя слопать или это в нем страсть играет.

— Ничего не могу тебе сказать, но мне сейчас кисло. Живей заканчивай съемку, да я выберусь отсюда.

— Сейчас, сейчас, потерпи еще две минуты, у меня ведь еще киноаппарат... Потом испытаем на нем гарпун.

Эти две минуты показались Франклину очень долгими, но, наконец, Дон управился со съемкой. Хотя Перси, наверно, успел убедиться, что обнимает не головоногое существо, он пока вел себя далеко не робко, а доктор Робертс еще говорил о пугливости кальмаров.

Дон ловко и метко вонзил жало в самую толстую часть мантии Перси, где оно прочно засело, не причиняя моллюску никакого вреда. Неожиданный укол заставил моллюска ослабить свою хватку, и Франклин воспользовался случаем, чтобы дать полный вперед. Шершавые щупальца со скрежетом прошлись по обшивке кормы, лодка вырвалась и устремилась вверх. Хорошо, что не понадобилось оружие, которым на всякий случай обильно оснастили лодку.

Дон последовал за Франклином, и они стали ходить по кругу в пятистах футах над дном, далеко за пределами прямой видимости. На экране индикатора каменное дно представлялось ровной плоскостью, но те-

перь посреди нее мерцала яркая звездочка. Вонзенный в Перси маленький световой маяк — неполных шесть дюймов в длину и дюйм в поперечнике, — начал работать. Он будет мигать больше недели, прежде чем сядут батареи.

— Запятнали! — ликовал Дон. — Теперь не спрячется.

— Пока не избавится от жала, — осторожно добавил Франклин. — Если он его вытолкнет, начинай все сначала.

— Ты забываешь, кто ставил маяк, — внушительно заметил Дон. — Десять против одного, что он никуда не денется.

— Нет уж, — отпарировал Франклин, — биться об заклад с тобой я не буду, ученый.

До поверхности было еще полмили, и, нацелив нос лодки вверх, он дал предельный ход.

— Не будем больше мучить доктора Робертса, бедняга может заболеть от нетерпения. Да мне и самому хочется посмотреть на твои снимки. Никогда не приходилось играть главной роли в кино, да еще в паре с гигантским кальмаром.

И ведь это, напомнил он себе, только начало. Гвоздь программы впереди.

15

— Хорошо быть женатым на женщине, которая не дрожит от страха за тебя, когда ты на работе, — сказал Франклин, предаваясь неге в удобном кресле на террасе.

— Бывает, что дрожу, — призналась Индра. — Не люблю я эти глубоководные затеи. Случись там что-нибудь, и ты пропал.

— Что десять футов, что десять тысяч — утонуть одинаково легко.

— Сам знаешь, что вздор говоришь. Кроме того, я еще ни разу не слышала, чтобы зритель просто утонул. Когда гибнет китопас, это происходит далеко не так просто и мило.

— Ну ладно, я зря затеял этот разговор, — виновато сказал Франклин и оглянулся: не слышал ли их

Питер. — Но неужели ты всерьез волнуешься из-за «Операции Перси»?

— Пожалуй, нет. Мне тоже не терпится увидеть, как вы его поймаете. Еще интереснее, сумеет ли доктор Робертс сохранить его живым в неволе.

Индра поднялась и подошла к книжной полке. Долго рылась в груде бумаг и журналов, наконец извлекла нужную книгу.

— Вот, послушай, — продолжала она, — и учти, что это было написано почти двести лет назад.

Она принялась читать внятно, отдельно, словно перед студентами в аудитории. Сперва Франклин слушал не очень внимательно, но незаметно для себя увлекся.

— «Возникла огромная белая масса, она поднималась все выше и выше над морской лазурью, и казалось, перед носом нашего корабля переливается блеском снежная лавина, только что скатившаяся с гор. Она пролежала так несколько секунд, затем медленно стала погружаться и совсем ушла под воду. Потом снова всплыла и безмолвно застыла, мерцающая. «На кита не похоже — и все же это, верно, Моби Дик», — подумал Дэггу. Фантом опять исчез в море, когда же он показался вновь, чей-то крик пронзил каждого, как ножом, и разогнал дремоту. Негр кричал: «Смотрите! Опять! Вон он всплыл! Прямо на носу! Белый Кит! Белый Кит!»

Быстро были спущены на воду четыре лодки, в первой сидел Ахаб, и все помчались к добыче. Вскоре она погрузилась. Мы сушили весла, ожидая, когда животное покажется вновь, — и гляди! — оно медленно всплыло еще раз в том самом месте, где исчезло. Все мысли о Моби Дике на время вылетели у нас из головы при виде поразительнейшего из созданий, какие когда-либо являлись человеку из тайников морской пучины. Исполинская рыхлая туша, несколько ферлонгов в длину и столько же в ширину, белесая, сверкающая, лежала на поверхности воды, и множество длинных рук простиралось в разные стороны из ее середины, они крутились, извивались, будто анаконды, готовые схватить все без разбора, что окажется в пределах их досягаемости. Ни переда, ни зада; и никакого подобия

чувств или инстинктов; бесформенное, чудовищное, невероятное проявление жизни корчилося среди волн.

С глухим протяжным всплеском оно снова скрылось, и Старбак, не отрывая глаз от изрытой воды, в отчаянии воскликнул: «Лучше бы мне увидеть Моби Дика и сразиться с ним, чем увидеть тебя, белое привидение!»

«Что это было, сэр?» — спросил Фласк.

«Сам великий кальмар, о котором говорят, что редкий китобоец, повстречавший его, возвращался в свой порт».

Но Ахаб ничего не сказал. Развернув лодку, он пошел обратно к судну, и остальные безмолвно последовали за ним».

Индра выдержала паузу и закрыла книгу, ожидая, что скажет муж. Франклин поежился в своем удобном кресле и задумчиво произнес:

— Не помню этот кусок. А может быть, вообще не дошел до него. Очень точно схвачено, только зачем этот кальмар всплыл?

— Наверное, он умирал. Ночью они иногда поднимаются к поверхности, но днем не всплывают, а у Мелвилла сказано, что было «голубое ясное утро».

— Допустим, а сколько в нем было, если перевести на футы? Можно сравнить его с Перси? По нашим фото получается, что длина Перси от плавников до кончиков щупалец — сто тридцать футов.

— Выходит, он больше самого большого замеренного синего кита.

— Да, на несколько футов. Но весит, конечно, раз в десять меньше.

Франклин встал и вышел в соседнюю комнату за справочником. Индра услышала, как он негодующе фыркнул.

— Ну, что там? — спросила она.

— Тут написано, что ферлонг — устаревшая мера длины, равная одной восьмой мили. Твой Мелвилл несет что-то несусветное.

— Он обычно очень точен, во всяком случае, когда говорит о китах. Но «ферлонг» — это в самом деле странно. И удивительно, что никто до сих пор не

обратил на это внимания. Наверно, он хотел написать «фётом». А может быть, наборщик ошибся.

Возможно... Франклин поставил на место справочник и вернулся на террасу в ту самую минуту, когда туда ворвался Дон Берли. Дон поднял Индру на руки, запечатлел у нее на лбу братский поцелуй и бережно опустил ее в кресло.

— Пошли, Уолт! — загромыхал он. — Вещи собраны? Я подброшу тебя до аэродрома.

— Где там Питер прячется? — спросил Франклин. — Питер! Иди сюда, проводи меня, папе пора на работу.

Клубок неукротимой энергии выкатился на террасу и взлетел на руки отца, чуть не сбив его с ног.

— А ты купишь мне кальмала? — крикнул четырехлетний Питер.

— Откуда ты знаешь, зачем я еду?

— Как же, утром в последних известиях передавали, ты еще спал, — объяснила Индра. — И показали отрывок из Донова фильма.

— То, чего я больше всего боялся. Теперь за нами повсюду будут тащиться толпы операторов и репортеров. И непременно что-нибудь сорвется.

— Не бойся, на дно они за нами не пойдут, — возразил Берли.

— Надеюсь... Только ты не забывай, что не у нас одних есть подводные лодки.

— Как ты уживаешься с ним? — обратился Дон к Индре. — Он всегда видит во всем плохие стороны?

— Не всегда, — улыбнулась Индра, отдирая сына от отца. — Два раза в неделю он бывает веселым.

Улыбка сошла с ее лица, когда она проводила взглядом шуршащую приземистую спортивную машину. Индра очень тепло относилась к Дону, видя в нем как бы члена семьи. Иногда он беспокоил ее: до сих пор не женился, не остепенился, нынче здесь, завтра там — неужели его устраивает такая беспорядочная жизнь? С тех пор как они его знают, он все время либо на воде, либо под водой, если не считать бурную отпускную пору, во время которой их дом служит ему базой. Они сами его приглашали и все-таки испытывали замешательство всякий раз, когда приходилось

за завтраком вести милую беседу с новой незнакомкой.

Конечно, Франклин и Индра тоже немало разъезжали, но у них всегда было место, которое они могли назвать домом. Сперва — комната в Брисбене, где с рождением Питера кончилась ее короткая, но приятная карьера преподавателя Квинслендского университета, затем — бунгало на Фиджи, с кочующей течью в крыше, которую строители никак не могли выследить; квартира в поселке китобоев на острове Южная Георгия (Индра до сих пор помнила запах отбросов и кружащиеся над разделочным цехом полчища чаек); наконец этот дом, из которого открывается вид на соседние острова Гавайского архипелага. Четыре места за пять лет — это может показаться многовато, но любая жена зрителя скажет вам, что это еще ничего.

Индра не очень сожалела о том, что в ее карьере наступил перерыв.

Вот подрастет немного Питер, и можно будет вернуться к научной работе. Она и теперь читала всю специальную литературу, следила за текущими исследованиями. Несколько месяцев назад «Журнал Хрящеперых» поместил ее письмо «О возможных путях эволюции акулы *Scarapoghrunchus owstoni*», и Индра с наслаждением окунулась в полемику с пятью учеными, которые разбирались в этом вопросе.

Пусть даже ее мечты не сбудутся, все равно приятно знать, что в твоих силах преуспеть и тут и там. Так говорила себе Индра Франклип, домашняя хозяйка и ихтиолог, направляясь на кухню, чтобы приготовить поесть своему вечно голодному отпрыску.

Плавучий док переоборудовали так, что конструктор вряд ли узнал бы свое детище. Во всю его длину простерлась укрепленная на изоляторах сетка из толстой стальной проволоки; над сеткой растянули брезентовый полог, чтобы защитить от солнечных лучей чувствительные глаза и кожу Перси. Внутри док освещали только желтые лампочки: впрочем, сейчас широкие ворота в обоих концах огромного бетонного ящи-

ка были открыты и пропускали воду и солнечный свет.

С облепленного людьми переходного мостика, возле которого были причалены обе подводные лодки, доктор Робертс давал последние указания водителям.

— Я постараюсь поменьше надоедать вам, — говорил он, — но вы уж сами не забывайте нам рассказывать, что у вас делается.

— Связного репортажа не ждите, нам будет не до этого, — ухмыльнулся Дон. — Но в общем постараемся. Ну, а если что приключится, сразу голос подадим. Ты готов, Уолт?

— Готов, — ответил Франклин, спускаясь в люк. — До свидания, через пять часов увидимся и Перси прихватим, надеюсь!

Они полным ходом пошли вниз; меньше чем через десять минут лодки погрузились на четыре тысячи футов, и на экранах телевизора и гидролокатора открылся знакомый бугристый ландшафт. Но они нигде не видели мигающей звезды, которая должна была выдать Перси.

— Надеюсь, дело не в маяке, — заключил Франклин свой доклад ученым. — Если он вышел из строя, на поиски может уйти не один день.

— Думаешь, он ушел отсюда? — спросил Дон. — Я бы не удивился.

Из мира солнца и света, до которого была почти целая миля, к ним донесся твердый, уверенный голос доктора Роберта:

— Он либо в расщелине прячется, либо закрыт скалой. Вы вот что: поднимитесь футах на нятьсот, чтобы неровности не мешали, и походите на высокой скорости. Радиус действия маяка больше мили, вы его быстро отыщете.

Час спустя голос ученого звучал уже не так уверенно, и реплики, которые доносил впиз гидроакустический передатчик, показывали, что репортеры и операторы телевидения начинают терять терпение.

— Осталось одно место, — сказал, наконец, Робертс. — Если Перси не ушел совсем из этого района и если маяк работает, ищите его в каньоне Миллера.

— Там пятнадцать тысяч футов, — возразил Дон. — А наши лодки рассчитаны на двенадцать.

— Знаю, знаю. Но ведь он не обязательно на дне сидит. Скорее всего, охотится где-нибудь на склонах. Вы его сразу увидите, если он там.

— Ладно — отзывался Франклин без особого воодушевления. — Посмотрим. Но если он глубже двенадцати тысяч, мы за ним не пойдем.

На экране гидролокатора на светлой плоскости морского дна четко выделялась черная брешь каньона. Мчась со скоростью сорока узлов, лодки стремительно приближались к цели; Франклину подумалось, что под водой никто не сравнится с ними в ходе. Ему довелось как-то раз лететь на малой высоте в районе Гранд-Каньона, и он помнил, как равнина внизу вдруг оборвалась и разверзся зияющий провал. И хотя он сейчас видел только картинку, нарисованную отражением зондирующих дно импульсов, проход над гранью еще более могучей расселины в морском дне вызвал то же самое чувство.

Звонящий от возбуждения голос Дона прервал его размышления.

— Вон он! В тысяче футах под нами!

— Пожалей мои барабанные перепонки, — пробурчал Франклин. — Я и так его вижу.

Обозначая отвесный склон каньона, середину экрана сверху вниз секла четкая, почти вертикальная линия. А вдоль этой линии ползла крохотная мигающая звездочка, которую они искали. Работяга-маяк выдал преследователям Перси.

Они доложили доктору Робертсу. Франклин представил себе, какое ликование царит наверху. Кое-что просочилось к ним вниз через микрофон; наконец, Робертс, заметно волнуясь, спросил:

— Как, по-вашему, удастся выполнить наш план?

— Попробуем, — ответил Франклин. — Конечно, стенка будет мешать. Надеюсь, в ней нет пещер, Перси не скроется. Ты готов, Дон?

— Командуй, пойду за тобой вниз.

— Мне кажется, мы доберемся до него без моторов. Поехали.

Франклин заполнил водой носовые цистерны и пошел круто вниз, надеясь, что планирует бесшумно. Перси, конечно, научился быть осторожным, он, наверно, обратится в бегство, как только заподозрит неладное.

Кальмар продолжал рыскать вдоль склона. Удивительно, какую пищу он может найти в таком безотрадном, безжизненном на вид месте... Рывками, выталкивая воду из мантийной полости через воронку, Перси двигался вперед и, судя по всему, еще не заметил их.

— Двести футов... Включаю огни, — сказал Франклин Дону.

— Что толку, видимость сегодня меньше восьмидесяти футов.

— Ничего, я ближе подойду. Есть, увидел! Идет на меня!

Франклин не очень-то рассчитывал, что такое умное животное, как Перси, второй раз клюнет на ту же удочку. Но в следующий миг лодку тряхнуло, могучие щупальца сомкнулись вокруг нее, и по корпусу заскребли жесткие когти. Он знал, что ему не грозит никакая опасность, даже самому сильному животному не смять оболочки, выдерживающей давление в тысячу тонн на квадратный фут, и все-таки ему было не по себе от этого лишнего скребущего звука.

И вдруг — тишина. А затем раздался голос Дона:

— Ух ты, вот это зелье, мигом подействовало! Перси в шокауте.

Тут же последовал тревожный возглас доктора Роберта:

— Не переусердствуйте! Он должен двигаться и дышать!

Дон не ответил, он был слишком занят. Выполнив роль приманки, Франклин мог только смотреть, как его товарищ ловко маневрирует вокруг огромного моллюска. Анестетическая бомба совсем оглушила кальмара, и он медленно погружался, вытянув вверх ослабевшие щупальца. Чудовище отрыгнуло свой обед, и из грозного клюва вырвались куски рыбы до фута величиной.

— Ты можешь зайти снизу? — крикнул Дон. — Я не успеваю за ним, он тонет слишком быстро.

Франклин включил двигатель и заложил крутой вираж. Послышался мягкий стук, словно на тротуар упал сорвавшийся с крыши снег; это пять-десять тонн живого студня легли на подводную лодку.

— Отлично... Держи его. Сейчас я подойду.

Франклин на время как бы ослеп, но по доносившимся снаружи звукам он мог себе представить, что происходит.

Наконец Дон торжествующе воскликнул:

— Есть! Можно идти.

Лодка Франклина освободилась от пошн, и он снова видел. Да, Перси попался. Толстая эластичная лента надежно обхватывала его тело в самом узком месте, позади плавников. Стофутовый трос соединял ленту с лодкой Дона, скрытой в подводной мгле. Перси плыл на буксире за лодкой задом-наперед, как обычно плавают кальмары. Не будь он оглушен, ему бы ничего не стоило вырваться; теперь же хомут позволял Дону тянуть кальмара в любую сторону. Иное дело, когда Перси начнет приходить в себя...

Франклин сжато описал эту картину терпеливо ожидающим их товарищам. Наверно, его слова сразу идут в эфир; хорошо бы Индра и Питер слушали сейчас... Но надо следить за Перси: начался подъем.

Они могли идти со скоростью не больше двух узлов, чтобы не сорвался хомут; уж очень тяжела эта огромная скользкая масса. Да и все равно им всплывать три часа — Перси должен постепенно приспосабливаться к перемене давления. Если учесть, что кашалот, который дышит легкими, — а значит, более уязвим, — поднимается с такой же глубины за десять-двадцать минут, это, пожалуй, излишняя предосторожность. Но добыча была слишком редкостная, и доктор Робертс не желал рисковать.

Прошел почти час, они уже достигли отметки три тысячи футов, когда Перси начал приходить в себя. Два самых длинных щупальца, усеянных на конце огромными присосками, целеустремленно зашевелились; ожили чудовищные глаза, способные, казалось, заворочить человека, как это было с Франклином, когда он

смотрел в них с расстояния пяти футов. Уолтер тотчас доложил обо всем доктору Робертсу, не подозревая, что говорит лихорадочным шепотом.

Он услышал облегченный вздох.

— Отлично! — воскликнул ученый. — Я уже боялся, что мы его прикончили. Вам не видно, он дышит как следует? Сифон сокращается?

Франклин опустился на несколько футов, чтобы лучше видеть торчащую из мантийной щели кальмара мясистую воронку. Воронка то открывалась, то закрывалась, поначалу неравномерно, затем все ритмичнее и сильнее.

— Превосходно! — обрадовался доктор Робертс. — Значит, он в полном порядке. Если начнет артачиться, угостите его маленькой бомбой. Но только в самом крайнем случае.

Что считать крайним случаем? Сейчас Перси светился красивым голубым светом; его легко рассмотреть даже при выключенных прожекторах. А голубой цвет, говорил доктор Робертс, признак того, что кальмар возбужден. Самая пора действовать.

— Ну-ка, пускай бомбу, Доп, а то он очень уж оживился.

— Есть... Пошла.

Стеклянный шар пересек экран Франклина и пропал вдали.

— Чертова штука, не взорвалась! — крикнул он. — Давай еще одну!

— Есть дать еще одну. Надеюсь, эта сработает, у меня всего пять штук осталось.

Но и вторая наркотическая бомба не взорвалась. Франклин вообще не увидел ее, зато он отметил про себя, что Перси, вместо того чтобы притихнуть, с каждой секундой становится все бодрее. Восемь коротких щупалец (коротких рядом с ловчей парой, достигающей почти ста футов) непрерывно переплетались. Как там у Мелвилла? «Извивались, будто анаконды». Нет, это сравнение, пожалуй, не подходит. Скорее кальмар сейчас напомунает скрягу, этакое подводного Шейлока, который алчно потирает руки, созерцая свои сокровища. Так или иначе, на душе как-то нехорошо от зре-

лица этих щупалец толщиной около фута, которые шевелятся в двух ярдах от тебя...

— Попробуй следующую, — сказал он Дону. — Если мы его не усмирим, он уйдет от нас.

Франклин облегченно вздохнул — через экран поплыли сверкающие осколки разбитого стекла. Они были бы невидимы в воде, если бы на них не падали лучи его ультрафиолетовых прожекторов. Впрочем, Франклину сейчас было не до того, чтобы размышлять над этим явлением; его занимало лишь то, что Перси перестал разжигать в себе злобу и присмирел.

— Ну, что там? — донесся сверху жалобный голос доктора Робертса.

— Это ваше чертово зелье... Две бомбы вхолостую. У меня осталось только четыре. При таком проценте отказов, дай бог, чтобы хоть одна сработала.

— Не понимаю, в чем дело. Мы проверяли механизм в лаборатории, он действовал отлично.

— А вы испытывали его при давлении сто атмосфер?

— Гм... нет. Разве это необходимо?

Возглас, который вырвался у Дона, выразил все, что он думал о биологах, возмнивших себя инженерами. Пять минут всплытие продолжалось при полном молчании. Наконец доктор Робертс, заметно смущенный, снова подал голос:

— Ну, если нельзя положиться на бомбы, пожалуй, стоит прибавить ход. Он очнется минут через тридцать.

— Идет. Я удваиваю скорость. Только бы хомут не соскользнул.

Двадцать минут прошло спокойно, а затем начались осложнения.

— Он опять оживает, — доложил Франклин. — Наверно, скорость повлияла.

— Я этого боялся, — ответил доктор Робертс. — Терпите сколько можно, потом пускайте бомбу. Не может быть, чтобы все четыре подвели.

В ту же секунду кто-то еще включился в их сеть.

— Говорит капитан. Наблюдатель заметил кашалотов, дальность две мили. Похоже, идут к нам, проверьте-ка, у нас нет горизонтального локатора.

Франклин включил дальнобойный индикатор и тотчас поймал приметные эхо-сигналы.

— Ничего страшного, — сказал он. — Если подойдут слишком близко, мы их отпугнем.

Переведя взгляд на экран телевизора, он обнаружил, что Перси резвится всюю.

— Давай бомбу! — крикнул он Дону. — И моли бога, чтобы не отказала.

— Сегодня я не бьюсь об заклад, — ответил Дон. — Ну как?

— Пустышка. Следующую!

— Осталось три. Пошла.

— Я ее даже не заметил, не сработала.

— Осталось две... А теперь одна.

— Опять холостой. Как нам быть, доктор? Рисковать последней? Боюсь, еще немного, и Перси вырвется.

— У нас нет другого выхода. — Голос доктора Роберта выдавал его тревогу. — Давайте, Дон.

— Есть! — торжествующе крикнул Франклин. — Нокаут! Как вы думаете, надолго?

— От силы двадцать минут, так что вы всплывайте, не мешкайте. Мы как раз над вами. Но не забывайте, что я вам говорил: не меньше десяти минут на последние двести футов. Столько усилий потрачено, не хватало, чтобы все дело испортила баротравма.

— Эй, постойте, — вступил Дон. — Я с этих кашалотов глаз не спускаю. Они прибавили ходу и идут прямо на нас. Должно быть, заметили Перси или маяк, который мы в него воткнули.

— Ну и что? — отозвался Франклин. — Мы их отгоним нашими... нда!

— Вот именно, Уолт, ты позабыл: мы не на дозорных лодках. У нас нет сирен. А гул двигателей на кашалота не действует.

Все верно. Хотя лет пятьдесят назад, когда китов чуть не истребили, шума двигателей было бы вполне достаточно. Но с той поры в мире китов сменилось больше десятка поколений; нынешние кашалоты не шарахались от подводных лодок, тем более когда их манил лакомый кусок. В самом деле, Перси сейчас за се-

бя не постоит, как бы кальмара не съели прежде, чем они упрячут его в клетку!

— Мне кажется, мы успеем, — сказал Франклин, озабоченно прикидывая скорость кашалотов.

Никто не мог предусмотреть такой помехи; и ведь во время подводных операций всегда так, непременно на корягу напорешься...

— Пойду побыстрее к отметке двести футов, — снова заговорил Дон. — Там выждем сколько можно — и к доку. Что скажете, доктор?

— Вольше ничего не остается. Только не забывайте, эти киты, когда надо, развивают пятнадцать узлов.

— Точно, развивают, но ненадолго, даже если обед из-под носа уходит. Поехали!

Лодки ускорили всплытие, кругом стало светло, и чудовищное давление постепенно ослабло. Наконец они вернулись в узкую зону, доступную подводному пловцу без скафандра. Меньше ста ярдов оставалось до плавучей базы, но эта последняя ступень на пути к поверхности была самой критической. На протяжении двухсот футов давление понижалось с восьми атмосфер до одной. В теле Перси не было замкнутых воздушных полостей, которые могли бы лопнуть при чересчур быстром всплытии, но поди поручись, что никакие внутренние органы не пострадают.

— Киты в полумиле, — доложил Франклин. — Кто сказал, что они не могут долго идти с такой скоростью? Через две минуты будут здесь.

— Не подпускайте их, придумайте какой-нибудь способ, — взмолился доктор Робертс.

— Что вы предлагаете? — не без иронии осведомился Франклин.

— Попробуйте сделать вид, что вы их атакуете; может быть, это заставит их отступить.

«Не смешно», — подумал Франклин, но другого выбора не было. Он бросил напоследок еще один взгляд на явно оживающего Перси и пошел средним ходом навстречу кашалотам.

Прямо по носу было три эхо-сигнала — не очень крупные, но это не утешало Франклина. Даже если это самки, каждая из них в десять раз больше слона, а

скорость сближения достигала сорока миль в час. И хотя он изо всех сил старался шуметь, проку от этого пока не было.

А тут еще голос Дона:

— Перси просыпается! Зашевелился, я чувствую.

— Идите в док, — скомандовал доктор Робертс. — Мы открыли ворота.

— Будьте готовы закрыть их, как только я отдам трес. Я пройду насквозь, мне вовсе не улыбается быть в одной банке с Перси, когда он смекнет, в чем дело!

Франклин слушал все это вполуха. Три эха угрожающе близко надвинулись на лодку. Неужели киты раскусят его ложный выпад? Кашалоты едва ли не самые драчливые среди обитателей моря, этим они так же отличаются от своих травоядных родичей, как дикие буйволы от стада премированных гернзеев. Заключительная глава «Моби Дика» написана под впечатлением случая, когда кашалот напал на «Эссекс» и потопил судно; Франклин совсем не мечтал вдохновить современного писателя на продолжение этой книги.

И все же, хотя всего пятнадцать секунд отделяло его от них, он держал прежний курс. Ага, расходятся в стороны! Струсили? Во всяком случае, растерялись. Видимо, шум двигателей сбил настройку их локаторов. Он сбросил ход, и три кита с любезньством закружили вокруг него в ста футах. То один, то другой силуэт мелькал на телевизионном экране. Как он и думал, молодые самки; жаль, что они по его милости остались без своей законной добычи — кальмара.

Франклин сорвал атаку кашалотов; остальное зависело от Дона. Судя по коротким и порой не совсем деликатным возгласам, которые вырывались из динамика, ему приходилось нелегко. Перси еще не очнулся совсем, но уже почуял неладное и начал отбиваться.

Последний акт был лучше всего виден с плавучего дока. Дон всплыл в пятидесяти ярдах от него, и тотчас море за кормой лодки превратилось в колышущееся, бурлящее желе. Развив предельную скорость, Дон пошел на открытые ворота. Перси как-то вяло попытался ухватиться за створку щупальцем, словно он чуял, что ему грозит заточение, но раз-

гон был чересчур велик, и щупальце разжалось. Как только кальмар очутился в ловушке, тяжелые стальные ворота стали смыкаться, будто огромные челюсти, и Дон отпустил буксирный конец, прикрепленный к хомуту, который обхватывал тело добычи. Не медля ни секунды, он выскочил из вторых ворот; они уже сдвигались. Весь этот маневр занял меньше пятнадцати секунд.

Когда Франклин вышел на поверхность, окруженный тремя разочарованными, но несколько не враждебными кашалотами, остальным участникам операции было не до него. Все до единого — кто с трепетом, кто с торжеством, кто с любопытством, а кто с откровенным недоверием, — не отрываясь смотрели на чудовище, которое заметно оживилось с тех пор, как попало в бетонный резервуар. Два десятка труб насыщали воду пузырьками воздуха, и организм Перси быстро освобождался от последних остатков дурманящего снадобья. При свете тусклых желтых ламп гигантский кальмар принялся исследовать свою тюрьму.

Сперва он медленно проплыл из конца в конец прямоугольной коробки, ощупывая стены. Потом два огромных ловчих щупальца поднялись над водой и протянулись к затаившим дыхание людям, которые заполнили галереи дока. Щупальца кальмара коснулись наэлектризованной проволоочной сетки и молниеносно отпрянули. Перси повторил эксперимент дважды, прежде чем убедился, что с этой стороны выхода нет. И все это время он не сводил с зрителей-лилипутов взгляда, исполненного, казалось, разума, ничуть не уступающего их интеллекту.

Когда Дон и Франклин поднялись на борт, кальмар как будто уже успел смириться с неволей и даже слегка заинтересовался брошенной ему рыбой. Два смотрителя подошли к доктору Робертсу и с галереи впервые по-настоящему увидели чудовище, которое вытаскивали из морской пучины.

Они долго рассматривали эти сильные гибкие щупальца стофутовой длины, несчетные присоски с жесткими крючьями, медленно пульсирующий сифон, громадные глаза хищника, вооружение которого пре-

восходило все, что когда-либо видел свет. Наконец Дон высказал мысли обоих:

— Что ж, получайте, доктор. Надеюсь, вы знаете, как с ним управляться.

Доктор Робертс самоуверенно улыбнулся. Он чувствовал себя очень счастливым. Однако в душу его уже закралась тревога. Ученый не сомневался, что справится с Перси; но сумеет ли он столкнуться с начальником Отдела китов, когда начнут поступать счета за научную аппаратуру, которую нужно заказать, и за горы рыбы, которую будет поглощать Перси?..

16

Руководитель Комитета научных исследований выслушал Франклина с должным вниманием, даже с интересом. Уолтер немало сил потратил, чтобы его речь прозвучала убедительно и обоснованно, а закончив ее, он почувствовал себя неожиданно опустошенным. Он сделал все, что мог; дальнейшее в общем-то от него не зависело.

— Мне хотелось бы уточнить несколько вопросов, — сказал министр. — Начнем с самого естественного: почему вы обратились через Всемирный секретариат в КНИ, вместо того чтобы пойти в научно-исследовательский отдел вашего Главного управления моря?

Да, вопрос естественный. И щекотливый. Но Франклин ждал его и заранее приготовил ответ.

— Уверяю вас, мистер Фарлан, — ответил он, — я не пожалел сил, чтобы добиться поддержки в Главном управлении. Они заинтересовались, тут и поимка кальмара сыграла свою роль. Но «Операция Перси» стала нам куда дороже, чем думали, и пошло: что, да как, да почему... Кончилось тем, что многие ученые ушли от нас в другие управления.

— Знаю, знаю, — сказал с улыбкой министр. — Несколько человек понали к нам.

— Ну вот, и теперь в нашем управлении бесполезно заговаривать об исследованиях, которые не сулят прямой отдачи. Это одна из причин, почему я пришел к вам. И, по чести говоря, тут просто не обой-

дешься без высших инстанций. Две глубоководные лодки — это же немалый расход, управление не может само его утвердить.

— А если ваше предложение пройдет, вы ручаетесь, что удастся найти людей?

— Конечно. Надо только выбрать правильное время. Заграждение теперь надежно на сто процентов, за последние три года не было ни одной серьезной аварии, так что у нас, зрителей, не такая уж большая нагрузка, если не считать сезон облавы и боя. Вот я и подумал, что было бы неплохо...

— Использовать расточаемые впустую таланты зрителей?

— Ну, зачем же так резко. Я вовсе не хочу сказать, что у нас в отделе не умеют организовать работу.

— Что вы, что вы, — улыбнулся министр, — я ничего такого не подразумеваю. Но перейдем ко второму вопросу, он более личного свойства. Почему вы так упорно пробиваете этот проект? Наверно, немало времени и сил на него потратили. Наконец вы, скажем прямо, рискуете навлечь на себя немилость своего начальства, обращаясь непосредственно ко мне.

На этот вопрос и другу было бы нелегко ответить, не говоря уж о незнакомом человеке. Сумеет ли этот господин, занимающий столь высокую должность в государственном аппарате, понять завораживающее действие таинственного эха, виденного на экране гидролокатора всего один раз, да и то несколько лет назад? Должен понять, ведь он — пусть отчасти — ученый.

— Я старший смотритель, — объяснил Франклин. — Но в этом качестве мне осталось служить недолго — не тот возраст: тридцать восемь лет, придется расстаться с морем. И вообще я любопытный; видно, надо было самому пойти в науку. Мне очень хочется решить эту загадку, хотя надежд на успех совсем мало.

— Да, вам будет нелегко. Эта карта, на которой вы обозначили достоверные наблюдения, покрывает почти половину Мирового океана.

— Я знаю, на первый взгляд это безнадежно, но наши новые гидролокаторы в три раза мощнее прежних, а эхо такого размера сразу бросится в глаза. Не я, так кто-нибудь другой, это теперь только вопрос времени.

— И вам хочется, чтобы это были вы. Что ж, это вполне резонно. Когда пришло ваше первое письмо, я переговорил с нашими биологами, услышал три разных мнения — и ни одного обнадеживающего. Некоторые признают, что такие эхо-сигналы в самом деле наблюдались, но относят их за счет дефектов гидролокатора или особого состояния воды.

Франклин фыркнул.

— Кто сам видел эти эхо, никогда так не скажет. А что касается всяких ложных эхо и дефектов аппаратуры, то уж мы-то их распознаем, это наша обязанность.

— Согласен. Другие считают, что все... скажем так: обычные морские змеи — не что иное, как кальмары, ремень-рыбы и угри, что это их видели ваши дозорные. Их или крупную глубоководную акулу.

Франклин покачал головой.

— Все эти эхо я знаю. А тут совсем другое.

— Третье возражение — чисто теоретическое. В океанской пучине слишком мало пищи, очень крупное, активно передвигающееся животное не прокормится.

— Откуда такая уверенность? Каких-нибудь сто лет назад ученые твердили, что на дне океана не может быть никакой жизни. Но ведь оказалось — чепуха, мы в этом убедились.

— Ничего не скажешь, вы хорошо подготовились. Ладно, посмотрим, что можно будет сделать.

— Большое спасибо, мистер Фарлан. Пожалуй, лучше, чтобы у нас в отделе не знали, что я побывал у вас.

— Мы не проговоримся, да ведь они сами сообщат.

Министр встал, и Франклин решил, что разговор окончен. Он ошибся.

— Постойте, мистер Франклин, не уходите, — ска-

зал министр. — Помогите мне сперва разобраться в одном деле, которое занимает меня уже много лет.

— Какое дело?

— Я до сих пор никак не возьму в толк, как мог смотритель, то есть человек, прошедший специальную подготовку, среди ночи оказаться за Большим Барьером на глубине пятисот футов с одним только обычным аквалангом.

После этих слов, которые сразу меняли их отношения, они долго смотрели молча друг на друга. Франклин усиленно рылся в памяти, но лицо собеседника не вызвало в нем никаких ассоциаций. Это было так давно, после того было столько всяких встреч.

— Вы один из тех, кто вытащил меня? Тогда я в большом долгу перед вами. — Он остановился, потом добавил: — Понимаете, это не был несчастный случай.

— Я так и думал. Тогда все ясно. И раз уж об этом зашла речь: что стало с Бертом Деррилом? Почему то я ничего не смог узнать о нем.

— Его погубили долги, ведь «Морской лев» не окупал себя. Последний раз я видел Деррила в Мельбурне, он страшно сокрушался: тогда только что отменили таможенные пошлины и честные контрабандисты остались без заработка. Он попытался получить страховку за «Морского льва» — устроил вполне убедительный пожар и недалеко от берега оставил судно. Лодка пошла ко дну, но оценщики не поленились спуститься следом, обнаружили, что перед пожаром было снято все ценное оборудование, и стали задавать капитану неприятные вопросы. Не знаю уж, как он выпутался.

Собственно, на том и кончилась карьера старого мошенника. Он запил, и как-то ночью — это было в Дарвине — ему вздумалось искупаться. Капитан прыгнул с пирса, но он забыл про отлив, а там разница уровня достигает тридцати футов. В итоге капитан Деррил сломал себе шею, и многие — не только кредиторы — искренне горевали.

— Бедняга Берт... На Земле будет скучно жить, когда совсем не останется таких, как он.

В устах видного деятеля Всемирного секретариата такие слова, бесспорно, звучали еретически. Но Франклин слушал их с радостью, и не только потому, что сам думал так же. Ему стало ясно, что он неожиданно обрел влиятельного друга и надежды на успех его замысла чрезвычайно выросли.

После этого разговора долго ничего не было слышно, но Франклин и не рассчитывал, что колеса завертятся сразу, а потому не огорчался. Тем более что работы хватало. До периода затишья оставалось целых три месяца, а тут еще на него взвалили ряд не слишком серьезных, но и не очень приятных дел.

Впрочем, к одному случаю эти определения не подходили: на свет божий явилась большеглазая и горластая Энн Франклин, и Индра начала всерьез сомневаться, что ей удастся продолжать свою ученую карьеру.

Отца не было дома, когда родилась дочь. Во главе отряда из шести подводных лодок он ходил к островам Прибылова; там они устроили облаву на косаток, а то уж очень много их развелось. Франклин и раньше выполнял такие задания, но в этот раз благодаря усовершенствованной технике отряд добился особенно большого успеха. Под водой разносились записанные на ленту голоса тюленей и мелких китов, и притаившиеся лодки ждали убийц.

Косатки сходились сотнями, их били беспощадно. Отряд истребил больше тысячи косаток, прежде чем вернулся на базу. Работа была тяжелая, порой даже опасная, но, хотя Франклин понимал, как это нужно, ему вовсе не нравилась роль ученого мясника. Красота и стремительность этих свирепых охотников втайне его восхищала, и он даже обрадовался, когда добыча пошла на убыль. Похоже было, что горький опыт научил косаток осторожности. Теперь экономистам решать, есть ли смысл повторять эту операцию в следующем сезоне.

Только кончилось это дело, и Франклин примчался домой, чтобы излить свою нежность на маленькую Энн (которая даже не признала отца), как его отправили на Южную Георгию. Здесь нужно было выяс-

нить, с чего это киты, которые прежде безропотно заплывали в бойню, вдруг стали подозрительными и никак не хотели входить в электрические шлюзы. Правда, загадка решилась без помощи Франклина. Пока он доискивался психологических факторов, один сметливый молодой инспектор обнаружил, что кровь из перерабатывающих цехов просачивается в море. Не удивительно, что киты, хотя у них обоняние слабее, чем у других морских животных, настораживались, когда движущиеся барьеры подталкивали их туда, где столько их родичей встретили свой смертный час.

Как главный смотритель, которого уже готовили на более серьезные роли, Франклин был теперь, так сказать, разъездным мастером на все руки, и Отдел китов направлял его всюду, где возникало какое-нибудь осложнение. Его это вполне устраивало, огорчали только частые отлучки из дома. Когда втянешься в смотрительскую работу, обычная дозорная служба и присмотр за стадами быстро теряют привлекательность. Правда, Дон Берли считает свою работу достаточно волнующей и интересной, но ведь он лишен честолюбия да и вообще звезд с неба не хватает. Франклин думал об этом без тени превосходства; речь шла об очевидном факте, который Дон первым был готов признать.

Уолтер находился в Англии (его пригласили на заседание Китобойной комиссии как эксперта-консультанта, и он рьяно отстаивал интересы своего отдела), когда его разыскал по телефону весьма озабоченный доктор Люндквист, сменивший доктора Робертса, который перешел из Отдела китов на гораздо лучше оплачиваемую должность в Мэринленд.

— Только что от Комитета научных исследований пришли три ящика с аппаратурой. На них указано ваше имя, хотя мы ничего такого не заказывали. В чем тут дело?

Ну, конечно, этого следовало ожидать; прислали в его отсутствие. И если начальник отдела проводит об этом прежде, чем Франклин успеет подготовить почву, будет фейерверк.

— Слишком долго рассказывать, — ответил он Лյондквисту, — а мне через десять минут надо быть в Комиссии. Уберите их куда-нибудь до моего приезда, я вернусь и все объясню.

— Надеюсь, здесь не кроется ничего... такого...

— Не беспокойтесь. Послезавтра увидимся. Если Дон Берли появится на базе, попросите его проверить, что прислали. Документы я подпишу, когда приеду.

Да, задача... Внести в инвентарные списки отдела имущество, которого никто официально не заказывал, так чтобы избежать нежелательных вопросов, — это будет не легче, чем выследить Великого Морского Змея.

Но он напрасно беспокоился. Его новый могущественный союзник, руководитель Комитета научных исследований, предвидел возможные осложнения. Аппаратура предоставлялась Отделу взаймы; ее надлежало возвращать, как только она освободится. Больше того, начальнику Отдела китов намекнули, что экспедиция задумана КНИ. Поверит он или нет, это его дело, но официально к Франклину нельзя было придрататься.

— Раз уж вы в курсе дела, Уолтер, — сказал начальник, когда снаряжение было извлечено из ящиков, — расскажите нам, для чего все это предназначено.

— Это автоматический самописец, но куда совершеннее, чем те, которыми мы в воротах подсчитываем китов. Попросту говоря, мощный гидролокатор с радиусом действия пятнадцать миль, обзор во все стороны, включая морское дно. Неподвижные предметы он отсеивает, записывает только движущиеся эхо. Можно настроить его так, чтобы он регистрировал объекты заданной величины. Например, считал китов больше пятидесяти футов в длину, пренебрегая всеми остальными. Всю сферу он прощупывает за шесть минут, это значит двести сорок циклов в сутки. Словом, мы можем непрерывно получать полные данные о любом нужном районе.

— Хорошо придумано. Очевидно, КНИ хочет, чтобы мы где-то установили прибор и следили за ним?

— Да. И снимали показания раз в неделю. Это и нам очень пригодится. Гм... Они прислали три прибора.

— Вот это размах — что значит КНИ! Нам бы столько денег! Так вы держите меня в курсе дела. Если эти штуки вообще будут работать.

И весь разговор; о морском змее не было сказано ни слова.

Прошло два месяца, а приборы все еще не обнаружили его. Ежедневно патрулирующие поблизости лодки снимали показания. Самописцы стояли на глубине полумили, в точках, которые Франклин выбрал, тщательно изучив все известные наблюдения. Сперва лихорадочно, потом с упрямой решимостью он исследовал сотни футов киноленты; шестнадцатимиллиметровая лента по-прежнему оставалась непревзойденным материалом для записи сигналов. Проектируя фильм на экран, он видел тысячи эхо и в несколько минут узнавал все о перемещении морских великанов за много суток.

Пустые кадры преобладали, так как импульсный фильтр был настроен на объекты от семидесяти футов и больше. Франклин рассчитал, что такая настройка исключит всех животных, кроме самых крупных китов и добычи, которую он искал. Когда мимо прибора проходили китовые стада, лента оказывалась испещренной пятнами, и во время просмотра они мчались через экран с неслыханным ускорением. Перед его глазами жизнь моря проходила в десять тысяч раз быстрее, чем в действительности.

После двух месяцев бесплодной работы он уже начал подумывать, что неправильно выбрал место для всех трех приборов, надо переносить их. И наконец решил, что сделает это после очередной проверки, да же наметил, куда именно.

Однако на этот раз Франклин увидел то, что искал. Эхо помещалось у самого края индикатора, и луч развертки только четыре раза захватил его. Памятный, причудливо удлиненный всплеск был отмечен самопис-

цем два дня назад. И так, улики есть, но еще нет доказательств.

Он перевез в этот район оба других прибора и расставил их в вершинах треугольника с длиной стороны в пятнадцать миль, так что локаторы перекрывали друг друга. Дальше оставалось запастись терпением, ждать, что покажет следующая неделя.

Ожидание оправдалось: через неделю Франклин располагал всем, что было нужно, чтобы начать кампанию. Он получил ясные и неопровержимые доказательства.

Очень крупное животное, слишком длинное и тонкое, чтобы спутать его с известными обитателями моря, жило на глубине двадцати тысяч футов и дважды в сутки — видимо, для охоты — поднималось вверх на половину этого расстояния. Его регулярное появление на экранах самописцев позволило Франклину хорошо представить себе привычки и маршруты животного. Если только оно не уйдет вдруг из этого района, так что Франклин его потеряет, повторить успех «Операции Перси» будет не трудно.

Он упустил из виду, что в море не бывает, не может быть точных повторений.

17

— А знаешь, — сказала Индра, — я рада, что это задание — одно из твоих последних.

— Если тебе кажется, что я уже стар...

— Нет, дело не только в этом. Когда ты перейдешь в управление, у нас начнется более нормальный образ жизни, я смогу спокойно приглашать людей на обед, и не надо будет потом извиняться — дескать, мужа срочно вызвали загонять заболевшего кита. И для детей лучше, а то приходится всякий раз объяснять им, что это за чужой дядя иногда появляется в доме.

— Как, Пит, неужели до этого дошло? — Франклин, смеясь, потрепал непокорные черные кудри сына.

— Когда ты возьмешь меня с собой на подводную лодку, папа? — спросил Питер, наверно, в сотый раз.

— Скоро, скоро, как только ты подрастешь и научишься не мешать мне.

— Но когда я вырасту, я, конечно, буду мешать тебе.

— Вполне логичное рассуждение! — сказала Индра. — Я же говорила тебе, что мой ребенок гений.

— Допустим, волосы у него твои, — отпарировал Франклин. — Но почему он тебя должен благодарить за то, что у него под волосами? — Он повернулся к Дону, который издавал какие-то странные звуки, стараясь развеселить Энн. Малышка явно не могла решить, отвечать ли ей смехом или слезами на его усилия; во всяком случае, она пристально изучала этот вопрос. — А ты когда начнешь вкушать сладость домашней жизни? Нельзя же до конца своих дней оставаться почетным дядюшкой.

Дон слегка смутился.

— По чести говоря, — заговорил он с расстановкой, — я как раз подумываю об этом. Мне удалось, наконец, встретить девушку, которая как будто не против.

— Поздравляю! То-то я смотрю, вы с Мери частенько встречаетесь.

Дон совсем растерялся.

— Э... гм... нет, это не Мери. С ней я решил проститься.

— Вот как, — опешил Франклин. — А кто же тогда?

— Ты вряд ли знаешь ее. Ее зовут Джун — Джун Кертис. Она не из нашего отдела, и это даже лучше. Я еще не совсем уверен, но скорее всего на следующей неделе сделаю ей предложение.

— Все ясно, — твердо сказала Индра. — Когда вы вернетесь с вашей охоты, приводи ее к нам на обед, и я скажу тебе наше мнение о ней.

— А я скажу ей, что мы думаем о тебе, — вставил Франклин. — Ведь это только справедливо, верно?

Идя косо вниз в вечную ночь на маленькой глубоководной лодке, Франклин подумал о словах Индры:

«Это задание — одно из твоих последних». Она ошибается; хоть его и переводят с повышением на берег, ему еще придется выходить в море, правда, все реже и реже. Во всяком случае, этот поход — его лебединая песня как зрителя. Он не знал, грустить или радоваться.

Семь лет Франклин скитался в океанах — по году на каждое из семи морей, — и он изучил обитателей пучины так, как в прошлом нельзя было изучить. Все настроения моря были ему знакомы; он скользил по зеркальной глади и даже на глубине ста футов ощущал мощь штормовых валов. Прекрасное и отвратительное, жизнь и смерть — он видел их во всем их необъятном разнообразии, работая в подводном мире, перед которым суша выглядела безжизненной пустыней. Никому не дано исчерпать все чудеса моря, но Франклин понимал, что пришло время посвятить себя новым задачам. Он поглядел на индикатор: на месте ли светящаяся сигара — лодка Дона? И с нежностью подумал о том, что их объединяло. Но есть и различия, которые неизбежно будут уводить их друг от друга. Кто бы мог подумать, что учитель и ученик, так настороженно относившиеся друг к другу, станут такими хорошими друзьями?

Да, всего семь лет прошло с тех пор, а он уже с трудом представляет себе, каким был тогда. Великое спасибо психологам; они не только отстояли его разум, но и подобрали работу, которая помогла ему вернуться к деятельной жизни.

От этой мысли до следующей был один шаг. Память попыталась воссоздать образ Айрин и мальчиков (силы небесные, Руперту уже двенадцать лет!). Некогда они были центром его личного мира, теперь стали чужими и, что ни год, все больше удаляются от него. Последняя фотография — годичной давности; последнее письмо Айрин пришло с Марса полгода назад — кстати, он до сих пор не ответил!

Боль унялась давно, Франклина не терзала мысль о том, что он ссильный на родной планете, и он не томился желанием снова увидеть друзей той поры, когда считал своим царством весь космос. Разве что

иногда найдет на него легкая, сладкая печаль, и немножко неловко: почему горе так непостоянно?

Голос Дона прервал эти размышления, правда, Франклин и без того ни на миг не отвлекался от испещренной индикаторами приборной доски.

— Сейчас мы бьем мой личный рекорд, Уолт. Я еще не бывал глубже десяти тысяч футов.

— И еще столько же впереди. А какая разница, если лодка надежная? Немного дольше погружаешься, немного дольше всплываешь. У этих лодок даже на дне Филиппинской впадины будет пятикратный запас прочности.

— Верно, верно, а все-таки психологическая разница есть, что ли говори. Будто ты не чувствуешь веса этих двух миль воды?

Гляди, как фантазия разыгралась — что это с Доном? Обычно Франклин изрекал такие вещи и друг немедленно поднимал его на смех. Ну что ж, если Дон раскис, надо выдать ему его же лекарства.

— Ты не забудь сказать мне, когда появится течь, я тебе кину ведро, — сказал Франклин. — Как только вода поднимется до ушей, повернем обратно.

Не ахти какая острога, но самому Франклину она помогла. Все-таки неприятно, как подумаешь, что давление кругом неумолимо приближается к отметке пять тонн на квадратный дюйм. Ничего подобного он не ощущал на малых глубинах, хотя там тоже могла случиться беда и с не менее губительными последствиями. Франклин вполне полагался на свою технику, знал, что лодка его не подведет, и все же на душе было так тоскливо, что операция, в которую он вложил столько сил, уже не радовала его.

Через пять тысяч футов прежний пыл вернулся к нему в полной мере. Оба одновременно заметили эхо и наперебой кричали что-то невразумительное, пока не вспомнили, наконец, о правилах связи. Как только был восстановлен порядок, Франклин дал команду:

— Малый ход! Эта зверюга слишком восприимчива, как бы ее не спугнуть.

— А если заполнить носовые цистерны и погрузиться с выключенными двигателями?

— Слишком долго, ведь до него еще три тысячи футов. Да, поставь гидролокатор на минимальную мощность — еще поймает наши импульсы.

Животное плыло, не поднимаясь и не опускаясь, по причудливой траектории вдоль склона очень крутой подводной горы; иногда оно делало бросок влево или вправо, словно в погоне за добычей. Гора вздымалась на четыре тысячи футов со дна моря, и Франклин — в который раз — подумал: как обидно, что самые величественные в мире ландшафты скрыты от глаз человека в океанской пучине! Ничто на суше не сравнится с достигающими в ширину ста миль рифами Северной Атлантики или с огромными провалами в ложе Тихого океана, где отмечены величайшие в мире глубины.

Медленно погружаясь, они миновали вершину, которая на три мили не дотягивалась до поверхности океана. Внизу, теперь уже совсем близко, по-змеиному извивалось таинственное продолговатое эхо. «Вот будет смешно, — подумал Франклин, — если Великий Морской Змей в самом деле окажется змеей. Да нет, это невозможно — змей с водным дыханием не существует».

Примолкнув, друзья осторожно подкрадывались к добыче. Они знали, что это одна из величайших минут их жизни, и старались ничего не упустить. Дон до последней секунды был настроен скептически, ему казалось, что они найдут какое-нибудь уже известное животное. Но чем больше становилось эхо на экране индикатора, тем сильнее бросалась в глаза его необычность. Да, это что-то невиданное.

Гора нависла над ними; они шли вдоль подножья очень высокой — больше двух тысяч футов — скалы, и меньше полумили отделяло их от добычи. У Франклина чесались руки включить ультрафиолетовые прожекторы, чтобы вмиг решить древнейшую из загадок и прославить в веках свое имя. Так ли уж это важно? (Как тянутся секунды!) Чего уж тут скрывать: конечно, важно. Может быть, ему больше никогда не представится такая возможность...

Вдруг без малейшего предупреждения лодка вздрогнула, будто от удара молотом. Одновременно раздался голос Дона:

— Ух ты! Это еще что такое?

— Какой-то кретин занимается взрывами, — ответил Франклин; от злости он даже не ощутил страха. — А ведь я просил всех предупредить о нашем погружении!

— Это не взрыв. Такой толчок... Землетрясение, вот что это такое!

Одно слово — и Франклина захлестнул страх перед бездной, все это время таившийся где-то в глубине души. Чудовищный вес водной толщи разом навалился на его плечи, и бравое маленькое суденышко казалось ему хрупче яичной скорлупы, жалкой игрушкой сил, которых даже самый изощренный ум не укротит.

Франклин знал, что в пучинах Тихого океана, где грунт и вода всегда пребывают в неустойчивом равновесии, землетрясения обычны. Он и прежде, в дозоре, ощущал иногда далекие толчки, но теперь они явно очутились вблизи эпицентра.

— Полный наверх, — скомандовал он. — Это, наверно, только начало!

— Да нам всего пять минут нужно, — возразил Дон. — Давай, Уолт, рискнем.

Франклин и сам колебался. Ведь может случиться, что толчков больше не будет, если напряжение в земной коре разрядилось. Он взглянул на эхо, которое привело их сюда. Ого, как быстро двигается, словно и его испугало внезапное проявление дремлющих сил Природы.

— Ладно, попробуем, — согласился он. — Но если это повторится, сразу всплываем.

— Идет, — ответил Дон. — Ставлю десять против одного...

Он не договорил. Новый удар молота был не сильнее первого, зато более длительным. Как будто у океана начались родовые схватки — распространяясь со скоростью больше мили в секунду, между поверхностью и дном метались ударные волны. Франклин выкрикнул: «Вверх!» — и под самым крутым углом,

какой допускала конструкция лодки, устремился к «небу».

Но где же оно? Отчетливо видимая плоскость, обозначающая рубеж между воздухом и водой, исчезла с экрана индикатора, ее вытеснила невообразимая мешанина размытых эхо-сигналов. В первую секунду Франклин решил, что толчки вывели из строя гидролокатор, но тут же ему стал понятен страшный смысл этой невероятной картины.

— Дон, — закричал он, — скорей уходи, гора падает!

Миллиарды тонн горной породы, которые громоздились над ними, поползли в пучину: Весь склон откололся, водопад камня рухнул вниз с обманчивой неторопливостью и неотразимой мощью, как лавина в замедленном фильме, но Франклин знал, что через несколько секунд все пространство вокруг него проглотят обломки.

Моторы работали на полную мощность, но Франклину казалось, что он не двигается с места. Даже без усилителей были слышны грохот и гул сталкивающихся глыб. Град обломков, огромные тучи осадков и ила занимали половину изображения; он буквально ослеп. Оставалось только идти прежним курсом и надеяться на чудо.

Что-то глухо ударило в корпус. Лодка застонала и на секунду вышла из повиновения, но ему тут же удалось ее выровнять. А затем Франклин почувствовал, что его подхватило сильное течение, видимо, вызванное обвалом. Очень кстати — поток уносил его прочь от горы. Кажется, он выкарабкается!

Но где Дон? Не было никакой возможности различить его эхо в этой свистопляске. Включив на полную мощность коммуникатор, Франклин послал вызов в колышущийся мрак. Молчание... Может быть, Дону просто не до того, чтобы отвечать?

Ударные волны прекратились, теперь уже было не так страшно. Можно не бояться за корпус: вода не раздавит, и гора далеко. Течение, пришедшее на помощь двигателям, ослабло; это тоже говорит о том, что лодка достаточно удалилась от обвала, который

вызвал его. По мере того как оседали обломки и ил, рассеивалась светящаяся дымка на экране.

Постепенно сквозь мглу беспорядочных эхо-сигналов проступил изуродованный лик горы, и Франклин различил огромный шрам, оставленный лавиной. Дно океана все еще было скрыто в тумане; понадобится не один час, чтобы оно вновь стало видимым и можно будет судить о разрушениях, вызванных пароксизмом стихий.

Франклин не отрывал глаз от экрана. С каждым оборотом луча искорки помех становились слабее. Муть еще не осела, но все обломки легли на дно. Видно уже на милю... две... три.

И нигде никакого намека на яркое, четкое эхо лодки Дона. Последние надежды рушились: видимость росла, а экран по-прежнему оставался пустым. Снова и снова Франклин слал свой зов в безмолвие; скорбь и чувство беспомощности боролись в его душе.

Взрывом сигнальных гранат он оповестил все гидрофоны в Тихом океане. Сейчас по воде и по воздуху к нему мчится помощь. Франклин сам уже начал поиск, идя по спирали вниз. Но он знал, что все это напрасно.

Дон Берли проиграл свое последнее пари.

громная, во всю стену карта в меркаторской проекции отличалась своеобразием. Все материки были показаны белым цветом; если верить этому картографу, исследование суши еще не начиналось. Зато моря изобиловали подробностями и переливались множеством огоньков, проектируемых каким-то устройством на карту с обратной стороны. Цветные пятнышки каждый час перемещались, рассказывая опытному глазу о скитаниях основных китовых стад Мирового океана.

За четырнадцать лет Франклин десятки раз видел эту карту, но сегодня он впервые смотрел на нее с такой выгодной позиции. Потому что теперь Уолтер Франклин сидел в кресле начальника Отдела китов.

— Вряд ли мне нужно напоминать вам, Уолтер, — сказал ему, сдавая дела, бывший начальник, — вы принимаете отдел в трудную пору. В ближайшие пять лет придется нам, так сказать, схватиться вплотную с планктонными фермами. Если мы не повысим производительность, скоро белки из планктона будут намного дешевле наших. И это лишь одна из наших проблем. Что ни год — все труднее с кадрами. А тут еще вот это.

Он подтолкнул в Франклину лежавшую на столе папку, Уолтер раскрыл ее и усмехнулся. Знакомое объявление, за последнюю неделю оно обошло все круп-

нейшие журналы; должно быть, Комитет по делам космоса ухлопал уйму денег.

На весь разворот — неправдоподобно четкая и красочная картина подводного царства. В кристально чистой толще насмерть бились друг с другом громадные, отвратительные чешуйчатые чудовища, каких Земля не видела с юрского периода. Вспоминая известные фотографии, Франклин должен был признать, что животные нарисованы очень точно; ну, а четкость и яркость красок под водой — ладно, не будем придирааться, позволим художнику небольшую вольность.

Текст был спокойным, намеренно бесстрастным; выразительный рисунок избавлял от необходимости что-либо прикрашивать. Комитет по делам космоса извещал о срочном наборе молодых людей на должности смотрителей и пищевиков для эксплуатации морей Венеры. Во всей солнечной системе нет более увлекательной и стоящей работы; жалование хорошее, спрос с вербуемых не так строг, как, скажем, с космических пилотов и астрогаторов. За кратким перечнем требований, касающихся здоровья и образования, следовал призыв, который Комиссия по Венере твердила уже полгода и который уснел порядком намозолить глаза Франклину: ПОМОГИ СОЗДАТЬ ВТОРУЮ ЗЕМЛЮ.

— А мы должны заботиться о том, чтобы благополучно существовала первая, — сказал бывший начальник, — хотямышленные ребята, которые могли бы прийти к нам, бегут на Венеру. Между нами говоря, я нисколько не удивлюсь, если узнаю, что Комитет по делам космоса добирается до наших людей.

— Они себе такого не позволяют!

— Не позволят? А заявление старшего смотрителя Макрэ с просьбой о переводе? Если не сумеете отговорить его, попробуйте выяснить, почему он решил уйти.

Да, легкой жизни не жди, подумал Франклин. Конечно, он и Джо старые друзья, но можно ли напираться на эту дружбу теперь, когда он стал начальником Макрэ?

— Или вот еще задача: держать в узде ученых. Люндквист даже Робертса перещеголял, работает сразу над полдюжиной безумных затей. Почти все время торчит на Героне. Не мешало бы слетать туда и посмотреть. Я так и не выбрался...

Франклин продолжал учтиво слушать, как предшественник с нескрываемым удовольствием перечисляет все минусы его новой должности. Все это было ему в общем-то известно, и мысли его витали далеко. Он думал, как славно будет начать свою новую деятельность официальным визитом на остров Герон, с которым связано столько воспоминаний о начале его работы в Отделе китов; ведь уже лет пять, как не бывал там.

Приезд нового начальника польстил доктору Люндквисту, который простодушно надеялся, что результатом будем рост ассигнований на его работы. Он не радовался бы так, если бы знал, что обратное куда более вероятно. Франклин всей душой был за научные исследования, но теперь, когда он сам утверждал расходы, его точка зрения слегка изменилась. Все, что задумает Люндквист, должно приносить прямую пользу отделу, иначе поддержки ему не будет, разве что он сумеет заинтересовать Комитет научных исследований.

Люндквист был маленького роста, очень живой человек, который своими проворными, порывистыми движениями напомнил Франклину воробья. Неподдельный энтузиаст, каких немного осталось, он сочетал основательную научную подготовку с необузданным воображением — в этом Франклину предстояло скоро убедиться.

Правда, на первый взгляд могло показаться, что в лаборатории идет обыкновенная текущая работа. Франклин провел тридцать скучных минут в обществе двух молодых ученых, которые толковали о новых способах борьбы со всевозможными паразитами, и еле-еле спасся от лекции о родовспоможении китообразным. Несколько больше увлек его отчет о по-

следних работах по искусственному осеменению; он сам когда-то помогал делать первые опыты — не всегда удачные, но неизменно веселые. Осторожно понюхав комки синтетической амбры, он согласился, что получилось очень похоже на настоящую. Затем, делая вид, что улавливает разницу, прослушал звуковую кардиограмму кита до и после удачной операции на сердце.

Словом, все было в полном порядке и все отвечало его ожиданиям. А потом Люндквист из лаборатории повел его к большому бассейну, предваряя на ходу:

— Думаю, это покажется вам более интересным. Конечно, это пока только эксперименты, но кто знает...

Он взглянул на часы и пробурчал себе под нос:

— Две минуты осталось... Обычно в это время ее уже видно, — перевел взгляд на пролив за рифом и удовлетворенно сказал: — Ага, вот и она!

К острову приближался черный продолговатый бугор. Тут же Франклин увидел короткий, словно обрубленный, фонтан пара, по которому узнают горбатого кита. А вот и второй фонтан, поменьше, — значит, идет самка с детенышем. Киты решительно прошли через узкий проход в коралловом барьере, расчищенный взрывами много лет назад для небольших судов лаборатории, и свернули влево, в освежаемый приливами просторный бассейн; этого бассейна Франклин прежде не видел. Здесь самка и детеныш остановились и стали терпеливо ждать, словно ученые собаки.

Два лаборанта в непромокаемой одежде катили к краю бассейна что-то похожее на огнетушитель. Люндквист и Франклин поспешили к ним на помощь, и вскоре стало понятно, зачем в ясный, безоблачный день понадобилось так одеваться. Каждый раз, когда киты пускали фонтаны, люди попадали под зловонный душ, и Франклин тоже поспешил облачиться в комбинезон.

Даже смотритель редко видит живого кита так близко и при таких идеальных условиях. Мамаша была длиной около пятидесяти футов и, как и все горбачи, выглядела очень грузной. Никто не назвал

бы ее красавицей, усеявшие переднюю грань плавников вздутия только усугубляли картину. Детеныш был около двадцати футов; судя по тому, как спокойно он сновал вокруг своей флегматичной родительницы, китенок скверно чувствовал себя в тесном бассейне.

Один из лаборантов что-то крикнул неожиданно высоким голосом, и мамаша повернулась на бок, так что половина ее плиссированного брюха очутилась над водой. Она безропотно позволила накрыть ей сосок большим резиновым стаканом и даже сама помогла процедуре: прибор на баллоне, измеряющий скорость струи, показывал поразительные цифры.

— Ну, вы-то знаете, — сказал Лjungдквист, — что самка выделяет молоко сильной струей, чтобы не смешивалось с водой. Но совсем маленького детеныша мать кормит иначе, она ложится на бок, и он может сосать над водой. Это облегчает нам дело.

Франклин не услышал новой команды, однако послушная родительница перевернулась на другой бок и подставила для дойки второй сосок. Он посмотрел на прибор: почти пятьдесят галлонов, а молоко все прибывает. Детеныш явно был встревожен; может быть, в воду попало несколько капель молока, и это его взбудоражило. Он даже попытался отбить сосок для себя, и пришлось его прогнать двумя-тремя сильными шлепками.

Франклин смотрел с интересом, но без особого удивления. Он и прежде слышал, что китов можно доить, только не подозревал, что это делается так чисто и проворно. Так в чем же смысл этого эксперимента? Зная доктора Лjungдквиста, можно было догадаться.

— Итак, — заговорил ученый, очевидно надеясь, что демонстрация произвела должное впечатление, — мы можем получать от одной самки минимум пятьсот фунтов молока в день, без вреда для развития детеныша. Если же займемся выводением молочных пород, как это делали фермеры на суше, то без труда добьемся и тонны в день. Много, скажете? А я считаю это скромной целью. Ведь коровы лучших пород

дают больше ста фунтов молока в день. Но кит весит в двадцать с лишком раз больше, чем корова!

Франклин поспешил остановить поток цифр.

— Хорошо, хорошо, — сказал он. — Я не сомневаюсь, что все это так. И не сомневаюсь, что вы придумали, как избавить китовое молоко от привкуса жира... Спасибо, я уже пробовал. Но как вы будете собирать самок на дойку, тем более что стадо покрывает за год десять тысяч миль?

— Все уже продумано. Это во многом вопрос дрессировки, и мы неплохо набили себе руку, когда приучали Сьюзен выполнять записанные на ленту команды. Вы бывали хоть раз на молочной ферме? Видели, как коровы в назначенный час сами идут к автодоилкам, потом уходят, и все это без участия человека? А киты, честное слово, в сто раз умнее коров и легче поддаются обучению! Я набросал чертежи молочного танкера, который одновременно доит четырех китов и может сопровождать мигрирующие стада. И вообще теперь мы управляем урожаем планктона, от нас зависит совсем прекратить эти миграции. Дадим китам корм в тропиках и будем держать их там постоянно. Уверяю вас, все это вполне осуществимо.

В самом деле, отличная мысль! Не новая, конечно, впервые это было предложено много лет назад, но доктор Лjungkvist решил, наконец, перейти от слов к делу.

Мамаша и все еще негодующий отпрыск уже направились в море; за кромкой рифа они затеяли нырять и пускать фонтаны. Глядя на них, Франклин спрашивал себя: неужели через несколько лет он будет смотреть, как сотни морских великанов выстраиваются в очередь у плавучего молокозавода, чтобы сдать по тонне едва ли не самой калорийной пищи на свете? Или это только мечта? Слишком много трудностей, и то, чего удалось добиться в лаборатории с одним животным, может оказаться неосуществимым в открытом море.

— Вот что, — сказал он Лjungkvistu. — Представьте мне доклад и укажите, какое снаряжение и сколько обслуживающего персонала потребуется для...

гм... китовой молочной фермы. Если можете, подсчитайте примерные расходы. Напишите, сколько молока будете надаивать и сколько рассчитываете получить за него от перерабатывающих фабрик. Чтобы у нас была основа для обсуждения. Опыт интересный, но о практической ценности пока судить нельзя.

Сдержанность Франклина заметно огорчила Лյондквиста, но он тут же опять воодушевился. Если новый начальник думал, что творческая мысль ученого не идет дальше какого-то там проекта китовой молочной фермы, он ошибался.

— Следующее дело, о котором я хотел поговорить, — начал ученый, идя по дорожке, — у нас пока еще в самом начале. Мне известно, что одна из главных трудностей нашего отдела — нехватка людей. Вот я и попытался придумать, как поднять рентабельность, освобождая людей от шаблонных операций.

— А что тут еще придумаешь, и так уже почти все автоматизировано. И года не прошло, как у нас работала комиссия по рентабельности.

(И отдел до сих пор не может прийти в себя, мысленно добавил Франклин.)

— Я подошел к этому вопросу несколько иначе, — ответил Лյондквист. — По-моему, вам это должно быть особенно интересно, вы ведь сами работали смотрителем. Сами знаете, чтобы загнать большое стадо китов, нужно две, а то и три подводные лодки — одна лодка только распугает их. Меня давно возмущает такое расточительство, ведь одной головы тут вполне достаточно. Роль помощников сводится к тому, чтобы в нужных местах производить нужные звуки, а с этим и машина справится.

— Если вы подразумеваете лодки-роботы, — сказал Франклин, — то это уже испытано, и ничего не вышло. Смотритель не может одновременно управлять двумя лодками, тем более тремя.

— Слышал я об этом эксперименте, — ответил Лյондквист. — И если бы взялись как следует, все бы получилось. Но у меня-то задумано совсем другое. Вам что-нибудь говорит слово «овчарка»?

Франклин собрал лоб в складки.

— Припоминаю, — сказал он. — Кажется, так назывались собаки, которые давным-давно, несколько сот лет назад, помогали пастухам охранять стада?..

— С тех пор не прошло и ста лет. И «охранять» — это такая недооценка!.. Я видел фильмы про этих собак, чего только они не умели делать, вы не поверите! Хорошо обученные овчарки по одному слову пастуха направляли овец туда, куда ему было нужно, разбивали стадо на части, отделяли овцу от остальных, заставляли стадо стоять на месте.

Вы угадали, куда я клоню? Собак мы натаскивали сотни лет, и такие трюки нам уже не кажутся чудом. Я предлагаю перенести те же приемы в море. Известно, что многие морские животные — ну хотя бы тюлени и дельфины — умом не уступают собакам. Но дрессировать их пробовали только в цирках да бассейнах вроде Мэринленда. Вы, конечно, видели, какие штуки делают наши дельфины, знаете, что они привязчивы и дружелюбны. Посмотрите старые фильмы про овчарок, и вы согласитесь: чему сто лет назад могли научить собак, тому мы вполне можем сегодня обучить дельфинов.

— Пойдите, — прервал его слегка ошарашенный Франклин. — Давайте разберемся: вы предлагаете, чтобы смотритель, загоня китов, работал с помощью двух... э... собак?

— Да, в некоторых случаях, не во всех, конечно, все-таки морские животные не сравнятся скоростью и дальностью с подводной лодкой. Кроме того, собаки, как вы их назвали, не всегда сумеют проникнуть туда, куда будет нужно. Но я провел кое-какие исследования, и мне кажется, мы сможем сделать труд наших зрителей вдвое производительнее, когда освободим их от необходимости работать вдвоем и втроем.

— По-вашему, — возразил Франклин, — киты послушаются дельфинов? Да они на них и не посмотрят.

— Так ведь речь идет не о дельфинах, это просто к слову пришлось. Вы совершенно правы, киты их даже не заметят. Тут нужны животные покрупнее, умом не хуже дельфинов, и такие, чтобы киты с ними считались. Только одно животное отвечает всем этим

требованиям, и я прошу вас разрешить нам отловить и обучить его.

— Продолжайте, — сказал Франклин так смиренно, что даже мало склонный к юмору Лյондквист не удержался от улыбки.

— Ну, так вот, — продолжал он, — я собираюсь поймать двух косаток и натаскать их, чтобы они работали с кем-нибудь из наших зрителей.

Франклин представил себе живые хищные тридцатифутовые торпеды, на которых столько раз успешно охотился в студеных полярных водах. Трудновато будет сделать это кровожадное существо покорным слугой человека... Но тут он вспомнил о пропасти, разделяющей овчарку и волка. Древний человек сумел одолеть этот разрыв. Да, это можно проделать снова — был бы смысл.

Если вы не уверены, попросите представить вам доклад, так его когда-то учил один из его начальников. Кажется, с Герона он увезет сразу два доклада, и будет над чем поразмыслить... А вообще-то задумки Лյондквиста, хоть они и увлекательны, — дело будущего, а Франклину надо руководить отделом теперь. На первые несколько лет лучше избегать рискованных шагов, сначала нужно освоиться. К тому же, если даже идеи Лյондквиста окажутся практически ценными, уйма времени и трудов потребуется, чтобы запродать их тем, от кого зависят ассигнования. «Прошу разрешить мне закупить пятьдесят аппаратов для доения китов». Франклин живо представлял себе реакцию некоторых консервативных кругов. А обучение косаток? Да его просто сочтут сумасшедшим.

...Остров быстро уменьшался, теряясь вдаль; самолет нес Франклина домой. (Любопытно: после всех своих скитаний он снова живет на родине, в Австралии.) Почти пятнадцать лет минуло, как он впервые летел здесь с беднягой Доном. Эх, старина, ты бы обрадовался, если бы видел, какие плоды принес в конечном счете твой труд! И профессор Стивенс тоже... Франклин всегда его побаивался, но теперь, будь профессор жив, смог бы спокойно посмотреть ему в глаза. Боль уколола его: так он и не поблагодарил по-

настоящему психолога за все, что тот сделал для него.

За пятнадцать лет — от неврастеничного стажера до начальника отдела. Неплохо. Что дальше, Уолтер? Он не жаждал новых подвигов; очевидно, его честолюбие насытилось. Теперь лишь бы удалось обеспечить Отделу китов мирное, безмятежное будущее.

Для него же лучше, что он не знал, насколько тщетна эта надежда.

19

Фотограф уже управился, но молодой человек, который последние два дня тенью ходил за Франклином, явно не исчерпал запас своих блокнотов и вопросов. Стоит ли переносить столько неудобств ради того, чтобы твоя не бог весть какая выдающаяся физиономия, отпечатанная в рамке из китов, красовалась во всех журнальных киосках мира? Франклин сомневался в этом, но у него не было выбора. «Слуга общества принадлежит обществу». Он помнил этот афоризм, который, как и все афоризмы, был лишь наполовину верен. Никто не рекламировал предыдущего начальника отдела; и он тоже мог бы жить незаметно, если бы Отдел информации Главного морского управления не постановил иначе.

— Ваши люди, мистер Франклин, — не унимался молодой представитель журнала «Земля», — рассказывали мне о вашем интересе к так называемому Великому Морскому Змею, об экспедиции, во время которой погиб старший смотритель Берли. Что сделано в этой области с тех пор?

Франклин вздохнул. Он боялся, что рано или поздно об этом зайдет речь; хоть бы этот журналист не слишком налегал на змея, когда сядет писать статью. Франклин подошел к шкафу, где хранился его личный архив, и достал толстую папку с бумагами и фотоснимками.

— Вот, Боб, тут все данные о встречах со змеем, — сказал он. — Пролистайте этот материал, я все время его пополняю. Надеюсь, когда-нибудь загадка разрешится. Можете записать, что увлечение остается

увлечением, но последние восемь лет я совсем не мог им заниматься. Теперь все зависит от Комитета научных исследований. У Отдела китов хватает других дел.

Он мог бы еще кое-что порассказать, но воздержался. Если бы вскоре после их трагической неудачи министра Фарлана не перевели из КНИ на другую работу, возможно, удалось бы снарядить вторую экспедицию. Но после катастрофы посыпались обвинения и контробвинения, и о новой экспедиции пришлось забыть — скорее всего на много лет. Видно, это неизбежно: никому не избежать неудачи в чем-то очень важном и дорогом, в жизни каждого остается невзятой какая-то заветная вершина, и никакие победы не могут покрыть этой потери.

— Тогда у меня остался только один вопрос, — заключил репортер. — Что вы скажете о будущем отдела? Есть у вас какие-нибудь интересные долгосрочные планы, о которых вам хочется рассказать?

Опять каверзный вопрос. Конечно, Франклин давно усвоил, что в его положении нужно сотрудничать с печатью, и этот парень за последние два дня стал почти своим человеком в отделе, однако есть вещи, о которых как-то трудно говорить. Недаром, когда Боб отправился на остров Герон, Франклин постарался сделать так, чтобы он не встретил доктора Люндквиста. Правда, журналист увидел опытный образец доильной машины, и она произвела на него должное впечатление, но ему ничего не сказали про двух молодых косаток, которых, не считаясь с расходами и хлопотами, держали в загоне у восточной кромки рифа.

— Что ж, Боб, — начал он с расстановкой. — Цифры вы теперь, наверно, знаете не хуже меня. Мы рассчитываем в ближайшие пять лет увеличить поголовье китов на десять процентов. Если удастся наладить доение — пока что все это только опыты, — мы перенесем центр тяжести с кашалотов на горбачей. Сейчас мы обеспечиваем двенадцать с половиной процентов всех пищевых потребностей человека. Это воз-

лагает на нас большую ответственность. Я надеюсь довести эту цифру до пятнадцати процентов.

— Попросту говоря, чтобы каждый не меньше раза в неделю ел китовый бифштекс?

— Если хотите, да. Вообще-то люди, сами того не зная, каждый день едят что-нибудь связанное с китами. Например, когда жарят что-то на сале или мажут хлеб маргарином. Даже если бы мы удвоили нашу продукцию, славы нам от этого не прибавится: наша продукция почти всегда, так сказать, замаскирована.

— Наши художники сделают все как надо. Мы дадим такую иллюстрацию: все продукты, которые потребляет за неделю средняя семья, и на каждом предмете — циферблат и стрелки, показывающие, какой процент вложили китобойни.

— Очень хорошо. Гм... кстати... вы уже решили, как обзовете меня?

Репортер осклабился.

— Это зависит от редактора. Я постараюсь уговорить его ни в коем случае не писать «китопас». Такой затасканный штамп...

— Поверю, когда увижу статью. Каждый журналист клянется не писать «китопас» — и еще ни один не устоял против соблазна. Да, вы не скажете, когда выйдет статья?

— Если не помешает какой-нибудь другой материал, примерно через месяц. Но сперва вы, конечно, получите гранки. Это будет не позже следующей недели.

Франклин проводил репортера через приемную; ему было даже жалко расставаться с занимательным собеседником, который, хоть и задавал иногда щекотливые вопросы, с лихвой возмещал это своими рассказами о знаменитейших людях планеты. Кажется, Франклин теперь сам попал в их число: не меньше ста миллионов человек прочтут очередной очерк в серии «Интервью Земли».

Статья, как и было обещано, появилась через месяц — дельная, живо написанная, и всего одна ошиб-

ка, совсем пустячная, Франклин сам не заметил ее в гранках. Превосходный фотоматериал, особенно хорош был сосущий мамашу китенок. Сразу видно, что снимок сделан с риском для жизни после долгой охоты. Зачем читателю знать, что фотограф снял этот кадр в бассейне на острове Герон, не замочив при этом даже ног?

Если исключить идиотский каламбур под фотографией на обложке («Наш Кит Китыч» — это надо же!), Франклин был доволен; его чувства разделяли все сотрудники отдела, Главного морского управления и даже Всемирной организации продовольствия. Разве мог кто-нибудь предполагать, что эта самая статья навлечет на Отдел китов величайший в его истории кризис.

И дело вовсе не в недостатке прозорливости. Иногда можно предвидеть будущее и загодя принять нужные меры, но бывает и так в человеческой практике, что события, как будто ничем не связанные между собой, — словно они происходят в разных мирах, — оказывают друг на друга прямо-таки ошеломляющее воздействие.

Полвека потребовалось, чтобы Отдел китов достиг своего нынешнего размаха: двадцать тысяч сотрудников, общая стоимость снаряжения — больше двух миллиардов долларов. Одно из звеньев построенного на научной основе мирового государства, наделенное соответствующим авторитетом и властью.

И вот его до самого основания потрясли хорошие слова человека, который жил за полтысячелетия до нашей эры.

Первые признаки надвигающейся бури застигли Франклина в Лондоне. Вообще-то работники аппарата Всемирной организации продовольствия нередко обращались к нему через голову его непосредственных начальников в Главном морском управлении. Но на этот раз сам генеральный секретарь ВОП вмешался в текущие дела Отдела китов, заставив Франклина все бросить и отправиться за тридевять земель, в ма-

ленький цейлонский городишко с каким-то головоломным названием.

К счастью, лето в Лондоне выдалось жаркое, и когда оказалось, что в Коломбо жарче всего на каких-нибудь десять градусов, это было не трудно перенести. В аэропорту его встречал местный представитель ВОП, явно чувствующий себя очень удобно в прохладном саронге — одежде, которую теперь признали даже самые консервативные европейцы. Франклин поздоровался с должностными лицами, облегченно вздохнул, не увидев репортеров, способных рассказать ему о его задании больше того, что он сам знал, и быстро прошел к самолету местной линии, на котором ему предстояло покрыть последние сто миль.

— А теперь, — сказал он, когда внизу замелькали аккуратные многоугольники автоматизированных чайных плантаций, — введите меня, пожалуйста, в курс дела. С какой стати вдруг понадобилось срочно гнать меня в эту Анна...

— Анурадхапура. Разве генеральный секретарь вам не объяснил?

— Мы с ним виделись всего пять минут в Лондонском аэропорту. Так что давайте все с самого начала.

— Тогда слушайте. Это назревало вот уже несколько лет. Мы сигнализировали, но начальство считало это пустяками. А тут в «Земле» появилось ваше интервью, и дело приняло серьезный оборот. Маханаяке Тхеро — он пользуется огромным влиянием на Востоке, вы еще не раз услышите о нем — прочел статью и сразу же попросил нас помочь ему ознакомиться с работой Отдела китов. И мы не можем ему отказать, хотя нам отлично известно, что у него на уме. Он захватит с собой кинооператоров и соберет материал для решительного пропагандистского наступления против отдела. Потом, когда эта кампания сделает свое дело, потребует референдума. И если итог будет не в нашу пользу, нам придется очень туго.

Кусочки мозаики легли на место, теперь картина была ясна. На секунду Франклин подсадовал, что

его оторвали от дела и послали в такую даль из-за какого-то вздора. Правда, те, кто отправил его сюда, не считают это вздором; вероятно, они лучше его представляют себе силы, которые введены в бой. Глупо недооценивать могущество религии, пусть даже такой миролюбивой и терпимой, как буддизм.

Всего сто лет назад это было бы немислимо. Но коренные политические и социальные перемены последних десятилетий подготовили почву. Три главных конкурента буддизма потерпели крах, и среди всех религий он один еще сохранял заметную власть над умами.

Христианство, не успев оправиться от ударов, нанесенных ему Дарвином и Фрейдом, было окончательно добито археологическими открытиями конца двадцатого столетия. Индуизм с его изумительным пантеоном богов и богинь был обречен на гибель в век научного рационализма. И наконец, мусульманство, подорванное теми же факторами, совершенно утратило престиж, когда восходящая звезда Давида затмила тусклый полумесяц Пророка.

Эти три веры не исчезли окончательно, однако их былой власти пришел конец. Только учение Будды, заполнив вакуум после других верований, ухитрилось не только сохранить, но и укрепить свое влияние. Буддизм — не религия, а философия, он не основан на откровениях, которые может разрушить молоток археолога, поэтому удары, сокрушившие прочих великанов, не причинили ему ущерба. Правда, его огромное здание было очищено внутренними реформами, но фундамент остался в неприкосновенности.

Франклин отлично знал, что одно из основных правил буддизма — уважение ко всему живущему. Правда, мало кто из буддистов понимал этот закон буквально, и они охотно пускали в ход софизм — мол, не грех есть мясо животного, убитого другим. Однако в последние годы стали добиваться, чтобы этот принцип соблюдался строже, а посему вегетарианцы и мясоеды повели нескончаемые споры, полные всевозможных словесных хитросплетений. Но Франклину никогда не приходило в голову, что эти раздоры мо-

гут практически повлиять на работу Всемирной организации продовольствия.

— Теперь расскажите мне, — попросил он, скользя взглядом по убегаящим назад зеленым пригоркам, — что за человек этот Тхеро, с которым вы собираетесь меня познакомить.

— Тхеро — это титул, что-то вроде архиепископа. Его настоящее имя Александр Бойс, он родился в Шотландии шестьдесят лет назад.

— В Шотландии?

— Да, он первый европеец, достигший вершин буддийской иерархии, и это далось ему нелегко. Один мой друг, бхикку — то есть монах, — однажды с горечью сказал мне, что Маха Тхеро — самый настоящий старейшина пресвитерианской общины, только он родился с опозданием на пятьсот лет, вот и взялся преобразовать буддизм, а не свою шотландскую церковь.

— А как он вообще попал на Цейлон?

— Хотите верить, хотите нет, он тогда работал на киностудии на какой-то второстепенной должности. Ему было около двадцати. Рассказывают, будто он приехал в пещерный храм Дамбулла, чтобы запечатлеть на киноленте умирающего Будду, и был обращен. За двадцать лет он стал большим человеком, и почти все реформы, которые последовали затем, связаны с его именем. Двух тысячелетий довольно, чтобы загнила любая религия, потом истоки надо чистить. На Цейлоне этим занялся Маха Тхеро, он изгнал индуистских богов, которые просочились в храмы.

— И теперь ищет, какие еще миры покорить?

— Да, похоже на то. Делает вид, будто ему пет дела до политики, хотя уже свалил два-три правительства мановением своего мизинца. У него тьма последователей на Востоке. Его программу «Голос Будды» слушают несколько сот миллионов человек, а общее число сочувствующих определяют в один миллиард; правда, они не во всем с ним согласны. Теперь вы понимаете, почему мы считаемся с Маха Тхеро?..

Так вот кто скрывается за странным титулом! Франклин вспомнил, что года два или три назад «Зем-

ля» посвятила большую статью преподобному Александру Бойсу. (Так что их даже что-то объединяет.) Жаль, он не прочел эту статью, но тогда она его вовсе не интересовала, ему даже не запомнился портрет.

— Это кроткий — с виду, — небольшого роста человек, — рассказывал представитель, — с ним очень легко ладить. Вы убедитесь в его дружелюбии и сговорчивости, но уж если он что решит, то все препятствия со своего пути сметет, как движущийся ледник. Нет, нет, он отнюдь не фанатик. Если вы докажете необходимость ваших действий, он не будет мешать, хотя бы в душе и не одобрял их. Его никак не устраивает кампания за большее производство мяса, которую мы здесь развернули, но он понимает, что все не могут быть вегетарианцами. Со своей стороны, и мы пошли на уступки, отказались от мысли строить мясокомбинаты в священных городах, как было задумано сначала.

— Почему же он вдруг заинтересовался Отделом китов?

— Видно, решил, что на каком-то рубеже надо давать бой. А вам разве не кажется, что китов нельзя ставить в один ряд с другими животными? — Представитель сказал это не совсем уверенно, словно ожидал отрицательного ответа, даже усмешки.

Франклин промолчал. Он сам двадцать лет искал ответа на этот вопрос; по счастью, открывшаяся внизу картина избавила его от необходимости что-либо говорить.

Здесь некогда был величайший город мира, город, рядом с которым Рим и Афины в пору их расцвета показались бы деревнями, город, который по числу жителей и размерам уже две тысячи лет спустя превзошли только такие города, как Нью-Йорк и Лондон. Цепь огромных искусственных озер — до мили в поперечнике — окружала древнюю резиденцию сингальских королей. С воздуха особенно бросался в глаза резкий контраст между старым и новым в современной Анурадхапуре. Тут и там между ажурных красочных строений двадцать первого столетия выдели-

лись могучие купола огромных дагоб. Самолет прошел совсем низко над самой большой из них — Абхаягири. Кирпичная кладка купола давно поросла травой, даже мелкими деревцами, и теперь величественный храм казался попросту горкой, из которой торчал сломанный шпиль. Из всех пирамид, сооруженных фараонами на берегу Нила, только одна превосходила размерами эту «горку».

Франклин побывал в местной конторе ВОП, побеседовал с управляющим, изрек несколько банальных фраз пронюхавшему о его прибытии репортеру, не торопясь перекусил — и после всего этого сказал себе, что все ясно. Если разобраться, это рядовая задача из области рекламы и информации. Что-то в этом роде было три недели назад, когда одна падкая на сенсации и не слишком склонная к точности газета напечатала статью о способах боя китов, и на Франклина набросилось около дюжины обществ по борьбе с жестокостью. Была назначена комиссия, она живо разобралась и отвергла все обвинения, так что никто не пострадал, кроме сотрудника газеты, готовившего статью.

Но, глядя через несколько часов на устремленный вверх золоченый шпиль Руанвели-дагобы, Франклин чувствовал себя уже не так уверенно. Исполинский белый купол был очень искусно восстановлен, ни за что не скажешь, что его заложили почти двадцать два столетия назад. Статуи слонов в натуральную величину окружали мощный дворик храма, образуя стену длиной более четверти мили. Искусство и вера, объединившись, создали один из мировых шедевров архитектуры. Все здесь дышало древностью. «Многие ли творения современного человека доживут в такой сохранности до 4000 года?» — спросил себя Франклин.

Солнце раскалило огромные плиты; хорошо, что, разуваясь у ворот, он не снял носки. У подножья купола — вздымающейся к ясному синему небу ослепительно белой горы — стояло одноэтажное современное здание. Его строгие линии и светлые пластиковые стены отлично сочетались с произведением архитекторов, умерших за сто лет до нашей эры.

Бхикку в шафрановом облачении провел Франклина в уютный и опрятный кабинет Тхеро, где царил искусственный климат. Такой же кабинет мог быть у любого официального лица в любой части света, и преследовавшее Франклина с той минуты, как он вошел в дворик храма, чувство неловкости, которое было вызвано непривычной обстановкой, поумерилось.

При виде гостя Маха Тхеро встал. Он и впрямь был невысокого роста, всего лишь по плечо Франклину. Блестящая бритая голова как-то обезличивала его, трудно было угадать, что он думает, еще труднее определить, какого он склада человек. С первого взгляда он не производил сильного впечатления, но тут же Франклин вспомнил, сколько малорослых людей было среди деятелей, которые потрясли мир.

Хотя Маханаяке Тхеро покинул родину сорок лет назад, шотландский акцент остался. В таком окружении он звучал совсем странно, даже забавно, но через несколько минут Франклин перестал его замечать.

— Вы очень добры, мистер Франклин, проделали такой путь, чтобы встретиться со мной, — приветливо произнес Тхеро, пожимая ему руку. — Признаюсь, я не ждал, что моя просьба будет рассмотрена так быстро. Надеюсь, я вам не причинил хлопот?

— Нет, нет, — бодро ответил Франклин. — Должен сказать вам, — добавил он уже более искренне, — здесь все так ново для меня, что я только рад этому путешествию.

— Отлично! — воскликнул Тхеро с радостью в голосе. — Я тоже предвкушаю путешествие на вашу базу на Южной Георгии. Не знаю, правда, придется ли мне по душе тамошняя погода.

Франклин вспомнил свои инструкции: «Если можно, отговорите его, но не перегибайте палку». Что ж, кажется, самая пора делать первый ход.

— Вот об этом самом я хотел поговорить с вами, ваше преподобие, — начал он, надеясь, что выбрал правильный титул. — Сейчас на Южной Георгии в разгаре зима, цехи, по сути дела, законсервированы до весны. По-настоящему работа развернется месяцев через пять.

— Как же я не подумал об этом! Да, да... Понимаете, я еще никогда не бывал в Антарктике и давно мечтаю об этом. А тут, можно сказать, предлог появился. Ну ладно, тогда остается какая-нибудь из северных баз. Что вы посоветуете — Гренландию или Исландию? Назовите самое удобное для вас место. Мне вовсе не хочется затруднять вас.

Последние слова Маха Тхеро обезоружили Франклина еще до начала боя. Он сразу уразумел, что такого противника не перехитришь и не собьешь с толку, — придется сопровождать этого Тхеро, не отставая от него ни на шаг; авось обойдется...

20

Над широким заливом вырастали пышные султаны пара — огромное стадо неуверенно ходило по кругу; неуверенно не потому, что было насторожено голосами, которые зазывали его в эту бухту между гор, а потому, что не знало зачем. Киты привыкли всю жизнь выполнять приказы в виде вибраций или электрических импульсов, отдаваемые маленькими существами, которых они признали своими повелителями. Они давно убедились, что приказы эти не приносят им вреда, напротив, часто приводят на богатые пастбища, которых киты сами не отыскивали бы, так как весь опыт и наследственная память говорили им, что эти участки моря должны быть бесплодными. А иногда маленькие повелители обороняли их от косаток, отгоняли кровожадную шайку, не давая тем разорвать на клочки свою добычу.

Киты не ведали ни врагов, ни страхов. Не первое поколение бороздило Мировой океан, живя в сытости и довольстве, какого никогда не испытывали их предки. Благодаря заботе своих хозяев они за полвека прибавили в среднем десять процентов в росте и тридцать процентов в весе. В эти самые дни в Гольфстриме резвился со своей супругой и новорожденным детенышем глава всего племени стонятидесятидвухфутовый синий кит С. 69322, более известный под кличкой Левиафан. В прежние эпохи он не смог бы достичь таких размеров; конечно, этого не докажешь,

но, по-видимому, он был самым крупным животным в истории Земли.

Неразбериха мало-помалу сменилась порядком, когда электрическое поле повело стадо по незримым коридорам. За электрическими барьерами были бетонные, и дальше киты один за другим шли по четырем параллельным дорожкам. Автоматы измеряли и взвешивали каждого, недомерков отделяли и возвращали в море, а они, слегка озадаченные всей этой процедурой, и не замечали, как сильно поредел их ряды.

Те, которые прошли контроль, доверчиво плыли по двум дорожкам, ведущим в широкий и мелкий залив. Еще не во всем можно было положиться на машины, и тут люди следили, чтобы не было ошибок, проверяли животных и записывали в книгу номера тех, которые выходили из залива в последний, очень короткий путь — на бойню.

— С. 52111 идет, — сказал Франклин Тхеро; они стояли в кабине наблюдательного поста. — Семидесятифутовая самка родила пять детенышей, ее зрелая пора уже позади.

За его спиной бесшумно работали кинокамеры в руках обритых наголо и облаченных в шафрановые ряссы операторов, мастерство которых так удивляло Франклина, пока он не узнал, что они учились в Голливуде.

Животные ничего не подозревали и скорее всего даже не чувствовали легкого прикосновения гибких медных пальцев. Вот кит спокойно плывет по загону, миг — и это безжизненная туша, ещедвигающаяся вперед по инерции. Пятьдесят тысяч ампер молнией пронзали сердце, не оставляя времени для предсмертных судорог.

В конце загона исполинская туша попадала на широкую ленту транспортера. Короткий подъем — и кит ложился на вращающиеся валики, которые тащились вдалеке.

— Самый длинный в мире конвейер такого типа, — сообщил Франклин; он был вправе гордиться. — Его грузоподъемность десять китов, то есть около тысячи тонн. Мы всегда размещаем разделоч-

ные цехи минимум в полумиле от загонов. Конечно, это влечет за собой дополнительные расходы и затрудняет нам выбор места для боев. Зато можно не опасаться, что китов напугает запах крови. Согласитесь: ток умертвляет их мгновенно, и животные до последней секунды не проявляют никакой тревоги.

— Верно, — сказал Тхеро. — Все происходит очень гуманно. Кстати, с китами, наверно, было бы трудно справиться, если бы они пугались? Или вы сделали бы то же самое только ради того, чтобы пощадить их чувства?

Каверзный вопрос, Франклин не знал, как лучше на него ответить; и за последние дни он не раз оказывался в таком положении.

— Вероятно, это зависело бы от ассигнований, — медленно произнес он. — А их в конечном счете утверждает Всемирная ассамблея. Наша доброта зависит от финансовых органов. Но ведь ваш вопрос чисто теоретический.

— Безусловно, однако есть и другие, не столь теоретические вопросы, — отозвался преподобный Бойс, провожая задумчивым взглядом восемьдесят тонн мяса и костей, увлекаемых вдаль рольгангом. — Может быть, мы вернемся в машину? Мне хотелось бы посмотреть, что происходит на том конце.

А я, мрачно подумал Франклин, не прочь посмотреть, как вы и ваши коллеги к этому отнесетесь. Большинство посетителей выходили из разделочных цехов бледные и слегка потрясенные; кое-кто падал в обморок. В Отделе китов стало ходячей остротой, что наглядный урок — как производят пищевые продукты — на много часов отбивает аппетит любому непосвященному.

За сто ярдов они ощутили зловоние. Уголкем глаза Франклин заметил, что молодому бхикку, который нес звукозаписывающий аппарат, уже не по себе; но Маха Тхеро держался как ни в чем не бывало. Он и пять минут спустя оставался таким же спокойным и бесстрастным, созерцая смердящий ад, где исполинские туши превращались в горы мяса, костей и внутренностей.

— Позвольте напомнить вам, — сказал Франклин, — что почти двести лет эту работу делали вручную, подчас в штормовую погоду на кренящейся палубе. И теперь неприятно смотреть, а вы представьте себе, что сами орудуете вон там внизу ножом длинной с метр!

— Что ж, представить себе можно, — ответил Тхеро, — а впрочем, не стоит.

Он повернулся к операторам, отдал им какие-то распоряжения, потом стал внимательно наблюдать, как рольганг подает следующего кита.

Фотоэлектрические глаза уже прощупали могучую тушу и сообщили все данные счетной машине, которая управляла операцией. Этот секрет был всем известен, и все же нельзя было без содрогания смотреть, с какой точностью ножи и пилы раздвигают свои суставы, делают в нужных местах надрезы и снова прячутся. Громадные пальцы захватывали футовый слой жира и сдирали его, как снимают кожуру с банана, а голая окровавленная туша скользила дальше.

Конвейер двигался со скоростью шагающего человека, и кит был рассечен на части на глазах у зрителей. Куски мяса величиной со слона уходили вниз по боковым слипам; в облаке костной пыли вгрызались в ребра циркулярные пилы; оттаскивались в сторону набитые тоннами рачков и планктона сообщающиеся мешки внутренностей.

Меньше двух минут понадобилось, чтобы превратить владыку морей в кровавые куски, которые опознал бы только специалист. И кости не пропали: в конце конвейера распиленный скелет упал в яму для размола на удобрение.

— Тут конец линии, — объяснил Франклин, — но переработка только начинается. Нужно извлечь жир из ворвани, которую отделили на первой стадии. Мясо разрезают на более удобные порции и стерилизуют — для этого у нас есть интенсивный источник нейтронов. И еще около десятка основных продуктов надо отделить и упаковать для перевозки. Я готов

показать вам любой цех. Это будет не такое кровавое зрелище, как то, что мы видели сейчас.

Тхеро постоял в раздумье, просматривая записи, которые сделал своим чрезвычайно мелким почерком. Потом повернулся лицом к протянувшемуся на четверть мили залитому кровью конвейеру; из загона уже катилась следующая туша.

— Брось, один эпизод получился не так, как надо, — сказал он с внезапной решимостью. — Если вы не против, вернемся к началу и пройдем еще раз.

Франклин поймал на лету аппарат, обрonnenный молодым бхикку.

— Спокойно, сынок, — подбодрил он монаха. — Лиха беда начало. Через несколько дней вы будете удивляться, почему новички жалуются на дурной запах.

Вообще-то сомнительно, но работники завода поклялись ему, что это так и есть. Только бы преподобный Бойс в своем непомерном рвении не предоставил ему случая проверить это...

— А теперь, ваше преподобие, — сказал Франклин, когда самолет взмыл над заснеженными вершинами и началось обратное путешествие в Лондон и на Цейлон, — разрешите спросить вас: что вы собираетесь делать с материалом, который собрали?

За эти два дня священник и администратор научились уважать друг друга, между ними даже возникло что-то вроде дружбы; на взгляд Франклина, это было так же неожиданно, как приятно. Он считал, что неплохо разбирается в людях (кто этого не считает?), но не мог раскусить до конца Маханаяке Тхеро. И не огорчался: подсознательно Франклин чувствовал, что этот человек воплощает не только силу, но и — никуда не денешься от этого избитого, невыразительного слова — добро. Пожалуй, в другое время он мог бы войти в историю как святой...

— Мне нечего скрывать, — мягко сказал Тхеро. — К тому же, как вы знаете, учение Будды осуждает обман. Наша точка зрения проста. Мы считаем,

что все живое вправе существовать. Из этого вытекает, что вы действуете неправильно. И нам хотелось бы, чтобы это было прекращено.

Так Франклин и думал — и теперь услышал. И он чуть-чуть разочаровался. Такой умный человек, как Тхеро, должен бы понимать, что это требование нереально — разве можно урезать на одну восьмую мировые ресурсы продовольствия? И если уж на то пошло: почему только киты? А как же коровы, овцы, свиньи — все те животные, которых человек растит и холит, чтобы при надобности зарезать?

— Я знаю, о чем вы думаете, — продолжал Тхеро, не дожидаясь доводов Франклина. — Мы отдаем себе отчет во всех трудностях и отлично понимаем, что придется действовать шаг за шагом. Но где-то надо начинать, а Отдел китов дает нам особенно яркий материал.

— Благодарю, — сухо сказал Франклин. — Только справедливо ли это? Вы могли бы увидеть то же самое в любой войне на Земле. Конечно, масштабы другие, но это вряд ли меняет суть.

— Вполне согласен. Однако мы люди дела, не фанатики. Мы знаем, сперва нужно найти другие источники пищи, потом прекращать производство мяса.

Франклин отрицательно покачал головой.

— Извините, — сказал он, — но даже если вы решите эту задачу, вам не удастся сделать всех обитателей Земли вегетарианцами. Разве что вы задумали увеличить эмиграцию на Марс и Венеру. Да я бы пустил себе пулю в лоб, если бы навсегда лишился возможности отведать хорошего бифштекса или бараньей отбивной. Так что ваши планы сорвутся. Причин две: человеческая психология и наши продовольственные ресурсы.

Маха Тхеро даже немного обиделся.

— Дорогой начальник отдела, — сказал он, — неужели вы думаете, что мы могли позабыть о столь очевидных вещах? Позвольте мне сперва закончить изложение наших взглядов, а потом я объясню, как мы предлагаем решить задачу. Мне важна ваша реак-

ция, ведь вы олицетворяете, так сказать, максимум сопротивления, которое нам окажет потребитель.

— Пожалуй, — улыбнулся Франклин. — Попробуйте уговорить меня бросить мое дело.

— Испокон веков, — начал Тхеро, — человек привык считать, что остальные животные существуют только для его блага. Многие виды он вовсе истребил — то ли из алчности, то ли потому, что они травмировали его посеvy или еще как-то ему мешали. Не буду отрицать: часто это было оправдано, а порой просто не оставалось другого выхода. И все же за тысячи лет человек осквернил свою душу преступлениями против животного царства. Между прочим, одно из худших злодеяний совершалось как раз в вашей области, и было это всего лет шестьдесят-семьдесят тому назад. Я читал, как загарпуненные киты умирали после страшных мук, по многу часов мучились, а мясо их уже никуда не годилось, оно оказывалось отравленным токсинами, которые выделяются во время предсмертных судорог.

— Это исключительные случаи, — вставил Франклин. — И ведь мы давно с этим покончили.

— Верно, но из таких случаев тоже складывается наша вина, которую мы обязаны искупить.

— Свенд Фойн не согласился бы с вами. Когда он в 1870-х годах изобрел гарпун с взрывающимся наконечником, он в своем дневнике возблагодарил господ бога и назвал его творцом гарпуна.

— Любопытная точка зрения, — сухо ответил Тхеро. — Я бы охотно поспорил с ним. Знаете, есть простой опыт, который позволяет разделить людей на два разряда. Человек идет по улице и там, куда должна опуститься его нога, видит жука. Перед ним выбор: либо изменить свой шаг и пощадить жука, либо раздавить его. Как бы вы поступили, мистер Франклин?

— Это зависит от жука. Если известно, что он ядовит или вреден, я убью его. Если нет — дам ему уйти. И любой разумный человек сделает то же самое.

— Значит, мы неразумны. На наш взгляд, убий-

ство оправдано только, чтобы спасти жизнь более высоко организованного существа. А такие случаи бывают удивительно редко. Но позвольте мне вернуться к сути дела, а то мы, кажется, уклонились в сторону.

Лет сто назад ирландский поэт Дансени написал пьесу «Какая польза от человека», вы скоро увидите ее в одной из наших телевизионных программ. Герою пьесы снится, что чудесные силы перенесли его куда-то из солнечной системы и он предстал перед судом зверей. Если за него не вступятся хотя бы два животных, человечество будет уничтожено. Только собака находит добрые слова в защиту своего повелителя, все остальные, помня старые обиды, говорят, что для их блага было бы лучше, если бы человек никогда не существовал. Вот-вот будет вынесен роковой приговор, но в последнюю секунду появляется еще один поручитель и спасает человечество от гибели. Единственным, кроме собаки, существом, которое нуждается в человеке, оказался... комар.

Вы скажете, что это всего-навсего забавная шутка. Наверно, и сам Дансени так думал — он был заядлым охотником. Однако поэты часто, сами того не подозревая, высказывают глубокие истины. И мне сдается, что эта почти забытая пьеса содержит чрезвычайно важную для человечества аллегория.

Лет через сто, Франклин, мы в буквальном смысле слова выйдем за пределы солнечной системы. Рано или поздно мы встретим разумные существа намного совершеннее человека, но совсем не похожие на него. И когда придет это время, вполне возможно, что превосходящие нас существа будут обращаться с нами так, как мы обращались с другими обитателями своей планеты.

Эти слова были произнесены негромко, но так убежденно, что Франклину на миг стало не по себе. И он подумал: а ведь, пожалуй, во взглядах Маханаяке Тхеро есть что-то, и не только простая гуманность. (Если к понятию гуманность вообще приложимо слово «простая».) Ему и самому никогда не нравилось то, во что выливалась его работа, настолько он

привязался к своим исполинским питомцам — но что поделаешь!..

— Все это звучит очень убедительно, — признал Франклин, — однако хотим мы того или нет, надо мириться с объективной реальностью. Не знаю, кто автор выражения «Зубы и когти природы в крови», но сказано верно. И если миру придется выбирать между пищей и этикой, могу заранее сказать, что победит.

Тхеро чуть-чуть улыбнулся, намеренно или подсознательно копируя благостное выражение лица, которое столько поколений художников сделали главной и неотъемлемой чертой Будды.

— Но ведь в том-то и дело, дорогой Франклин, — ответил он, — что выбирать нет нужды. Нам впервые в истории предоставлена возможность выйти из древнего круга и есть в свое удовольствие, не проливая крови невинных созданий. И я искренне благодарен вам, вы помогли мне увидеть, как это сделать.

— Я? — воскликнул Франклин.

— Вот именно, — сказал Тхеро, и его улыбка нарушила все каноны буддийского искусства. — А теперь, если вы не против, я немного посплю.

21

— И это, — бурчал Франклин, — моя награда за двадцать лет преданной службы обществу: собственная семья смотрит на меня как на запятнанного кровью мясника.

— Но ведь это все была правда, — сказала Энн, показывая на экран телевизора, где только что ручьями лилась кровь.

— Конечно, это правда. И вместе с тем очень искусный монтаж с определенной целью. Я могу так же убедительно выступить в нашу защиту.

— Ты уверен? — спросила Индра. — Можешь не сомневаться. Главное управление попросит тебя об этом — справишься ли?

Франклин негодуя фыркнул:

— Эти цифры и расчеты — вздор! Дурацкая мысль — превратить наше стадо из мясного в молоч-

ное. Если мы все бросим на производство китового молока, это не возместит и четверти жиров и белков, которые мы потеряем, закрыв разделочные цехи.

— Давай, Уолтер, — ласково произнесла Индра, — отводи душу, не то еще лопнет какой-нибудь сосуд. Я же знаю, что тебя больше всего задело: его предложение расширить планктонные фермы, чтобы возместить потерю.

— Но ведь ты биолог, скажи сама, есть смысл делать из этого горохового супа грудинку или бифштексы?

— Во всяком случае, это возможно. Ловко они придумали — сам шеф-повар ресторана «Уолдорф» попробовал настоящий и синтетический бифштексы и не сумел их отличить. Да, тебя ждет тяжелый бой — планктонники сразу станут на сторону Тхеро, и в Главном морском управлении будет полный раскол.

— Он на это и рассчитывал, — сказал Франклин с невольным восхищением. — Он чертовски хорошо осведомлен. Не надо было мне тогда столько говорить корреспонденту о производстве молока, а они еще постарались, так расписали, что дальше некуда. Уверен, с этого все и пошло.

— Кстати, я как раз хотела спросить — откуда у него данные, на которых построены расчеты? Помоему, они были известны только работникам отдела.

— Верно, — признал Франклин. — Как я сразу не подумал? Завтра утром отправлюсь на Герон, по толкую с доктором Люндквистом.

— Возьми меня, пап, — попросила Энн.

— В следующий раз, дочурка. Ты еще маленькая.

— Доктор Люндквист сейчас в лагуне, сэр, — сказал старший лаборант. — И его никак не вызовешь, пока сам не вернется.

— Вот как? А если я отправлюсь туда и позволю себе отвлечь его?

— Вы знаете, сэр, не стоит. Аттила и Чингисхан не любят чужих.

— Черт возьми, он с ними плавает?

— Да, они к нему очень привязались. И к своим зрителям хорошо относятся. Но постороннего человека могут нечаянно скусать.

Гляди, какие чудеса тут творятся без моего ведома, подумал Франклин. Придется сходить к лагуне. Если не слишком жарко и если ты без груза, нет никакого смысла ехать на машине — тут же два шага.

Пока Франклин добрался до нового восточного пирса, он несколько раз успел пожалеть о своем решении. То ли Герон вырос, то ли годы дают себя знать... Он сел на опрокинутый ялик и посмотрел в море. Несмотря на прилив, было ясно видно кромку рифа и время от времени два облачка в воздухе над огороженным загоном: влажный выдох двух косаток. А вон и маленькая лодка с человеком, только издали не разобрать кто — доктор Люндквист или кто-нибудь из его помощников.

Франклин подождал несколько минут, потом вызвал по телефону лодку. Добравшись до загона (сам доплыл бы быстрее), он впервые увидел Аттилу и Чингисхана.

Косатки были чуть поменьше тридцати футов в длину. Когда подошла лодка, обе высунулись из воды, и на Франклина уставились огромные умные глаза. Странная поза и эти белые «манишки» вызвали у него оторопь, точно он видел перед собой не животных, а существа, которые превзошли человека в развитии. Он, конечно, знал, что это не так и что перед ним самые жестокие убийцы, каких знает море.

А впрочем, нет, не самые жестокие — косатки на втором месте...

Киты, как будто удовлетворенные результатом осмотра, нырнули. Только теперь Франклин увидел Люндквиста — он шел на глубине около тридцати футов на торпедо с множеством приборов. Очевидно, ему что-то помешало, потому что он быстро поднялся к поверхности и сдвинул маску с лица.

— А, доброе утро, мистер Франклин. Я не ждал вас сегодня. Что вы скажете о моих учениках?

— Замечательно. А как успеваемость?

— Все в порядке, у них блестящие способности!

Они умнее дельфинов. И очень привязчивы. Берусь обучить их чему угодно. Захочу совершить идеальное убийство, достаточно сказать им, что вы — тюлень на льдине. Через две секунды лодка будет опрокинута.

— В таком случае лучше продолжим нашу беседу на берегу. Вы уже закончили свою работу?

— Такую работу никогда нельзя считать доведенной до конца, но это неважно. Я пойду на торпеду, не стоит перегружать лодку.

Ученый развернул свою металлическую рыбу носом к острову и с места дал полный ход, оставив ялик позади. Обе косатки немедленно ринулись вдогонку; высокие спинные плавники рассекали воду, оставляя пенную кильватерную струю. Вот так пятнашки, подумал Франклин, не слишком ли опасно? Но ему не довелось узнать, что будет, когда косатки догонят человека: Лjungдквист проскочил над проволочной изгородью, которая чуть-чуть не доходила до поверхности, и преследователи круто свернули в сторону, разметаив облако брызг.

Всю дорогу обратно Франклин был задумчив. Сколько лет он знает Лjungдквиста, а сегодня словно впервые увидел его по-настоящему. Он привык, что это очень одаренный, даже блестящий ученый, а теперь вдруг оказалось, что он еще наделен недюжинной энергией и отвагой. Но ни то ни другое его не спасет, мрачно заключил Франклин, если он не сможет удовлетворительно ответить на кое-какие вопросы.

В привычной лабораторной обстановке, одетый в свой рабочий костюм, это был прежний, знакомый Лjungдквист.

— Ну, Джон, — заговорил Франклин, — думаю, вы видели эту телепропаганду против нашего отдела?

— Видел. Но почему же против?

— Конечно, против того, что составляет суть нашей работы. Но не будем спорить об этом. Я вот что хочу узнать: вы разговаривали с Маха Тхеро?

— Разумеется. Он связался со мной, как только появилась эта статья в «Земле».

— И вы сообщили ему секретные сведения?

Людквист не на шутку обиделся.

— Простите, мистер Франклин, но единственная информация, какую он от меня получил, — это гранки моей статьи о производстве китового молока, она будет напечатана в «Вестнике китоведения» в следующем месяце. Вы сами ее одобрили.

Все обвинения, заготовленные Франклином, рухнули еще до того, как он их высказал. Он смутился.

— Прошу прощения, Джон, — сказал Франклин, — беру свои слова обратно. Я совершенно выбит из колеи всем этим, и мне необходимо разобраться, прежде чем управление примется за меня. Но почему вы все-таки ничего не сказали мне о его письме?

— По чести говоря, я не видел для этого причин. Мы каждый день получаем бездну всяких запросов. Мне и в голову не пришло, что это что-нибудь необычное. Мне было приятно, что кому-то любопытен мой проект, и я постарался им помочь.

— Ладно, — с отчаянием произнес Франклин. — Снявши голову, по волосам не плачут. Однако ответьте мне на такой вопрос: как ученый вы действительно верите, что можно спокойно прекратить бой китов и перейти на молоко и синтетические продукты?

— Дайте нам десять лет, и, если это будет нужно, можно переходить. Технических препятствий я не вижу. Конечно, я не могу поручиться за точность цифр, касающихся производства планктона, но можно побиться об заклад, что и там у Тхеро были достоверные источники.

— Да вы понимаете, к чему это приведет? Если начнут с китов, рано или поздно примутся перебирать одно за другим всех домашних животных.

— Ну и что же? Мне нравится такая перспектива. Если религия и наука могут вместе добиться того, чтобы Природа не так страдала от жестокости человека, разве это плохо?

— Да вы не тайный ли буддист? Сколько можно твердить: в том, что мы делаем, нет ничего жестокого! Так или иначе, если Тхеро опять обратится с какими-нибудь вопросами, пожалуйста, направьте его ко мне.

— Слушаюсь, мистер Франклин, — сдержанно ответил Люндквист.

Тягостную паузу очень кстати нарушил приход посыльного.

— Вас вызывает Главное управление, мистер Франклин. Срочно.

— Еще бы, — пробурчал Франклин.

Взглянул на все еще сердитое лицо Люндквиста и невольно улыбнулся.

— Если вы умеете из косаток делать смотрителей, Джон, — сказал он, — подыщите заодно какое-нибудь подходящее млекопитающее, лучше всего земноводное, на должность начальника отдела.

На планете, оплетенной нитями быстродействующих средств связи, идеи распространялись от полюса до полюса быстрее, чем некогда молва из конца в конец деревни. Искусно составленная и поданная программа, которая испортила аппетит каким-нибудь двадцати миллионам зрителей, при повторной передаче собрала у телевизоров несравненно больше народу. И вскоре почти все только об этом и говорили; в разумно устроенном мировом государстве, не знающем ни войн, ни кризисов, ощущался явный недостаток в том, что некогда называли сенсациями. Часто можно было даже услышать жалобы, что, когда изжил себя национальный суверенитет, пришел конец и истории. И теперь повсюду — в клубах и на кухнях, во Всемирной ассамблее и в космическом лайнере — шел жаркий спор, одна проблема владела всеми умами.

Всемирная организация продовольствия хранила важное молчание, но за кулисами шла лихорадочная деятельность. А тут еще планктонники, как и предсказывала Индра (для этого не надо было быть великим пророком), повели себя словно политические махинаторы. Эти попытки соперничающего отдела сыграть на его трудностях особенно возмущали Франклина, и когда ближний бой принимал слишком уж беззащитный характер, он обращался к начальнику ферм.

— Черт бы меня побрал, Тед, — кричал он по визифону, — ты такой же мясник, как я! В каждой тонне планктонного сырья, которое ты поставляешь, полмиллиарда рачков, а у каждого из них столько же права на жизнь, свободу и счастье, сколько у моих китов. Так что не прикидывайся чистеньким. Рано или поздно Тхеро и до тебя доберется, это только первый шаг.

— Допускаю, что ты прав, Уолтер, — бодро соглашался злодей. — Но я-то надеюсь, что наш отдел меня переживет. Трудно заставить людей проливать слезы из-за рачков — у них нет таких милых десяти-тонных крошек.

Что верно, то верно. Как провести границу между слезливой сентиментальностью и гуманизмом? Франклин вспомнил недавно виденную карикатуру: кто-то грубо срывает кочан капусты, кочан кричит, а рядом, протестуя, вскинув руки, стоит Тхеро. Художник никому не отдавал своего голоса, он лишь выражал точку зрения тех, кто говорил — «много шума из ничего». Возможно, через несколько недель все и кончится — надоест этот предмет, и люди примутся спорить о чем-нибудь другом. Да нет, вряд ли. Первая же телевизионная передача показала, что Тхеро — мастер создавать общественное мнение; он не даст железу остыть...

Меньше месяца понадобилось Тхеро, чтобы собрать десять процентов голосов, нужных по конституции для созыва следственной комиссии. Конечно, то, что одна десятая человечества требовала обнародовать все факты, еще не означало полного согласия с Тхеро; просто люди любопытны, да к тому же очень уж интересно наблюдать, как одно из государственных управлений обороняется, ведя арьергардный бой. Сама по себе следственная комиссия ничего не означала. Все решит голосование по ее отчету, а до этого еще есть время, по крайней мере несколько месяцев.

Одним из неожиданных следствий электронной революции двадцатого века было то, что впервые в истории стало возможным устроить во всем мире истинно демократическое правление — то есть каждый граж-

данин мог высказать свою точку зрения по всем вопросам политики. То, что афиняне без особого успеха пытались провести в жизнь для нескольких десятков тысяч свободных граждан, теперь осуществилось в глобальном масштабе, в обществе, объединившем пять миллиардов человек. Автоматические машины, первоначально созданные для оценки телевизионных программ, получили куда более широкое применение. С ними можно было сравнительно просто и без больших расходов точно выяснить, что думает общественность о том или ином предмете.

Такой порядок мог бы привести к катастрофе до эпохи всеобщего образования, вернее — до начала двадцать первого столетия. Конечно, нужда в контроле не миновала; даже теперь голосование по какому-нибудь особенно острому вопросу могло обернуться против интересов общества. Ни одно правительство не сможет функционировать, если последнее слово в вопросах политики не будет оставаться за ним. Пусть даже девяносто девять процентов голосующих выскажутся за новый курс — государственные органы могли не посчитаться с волей народа; правда, им пришлось бы держать ответ на очередных выборах.

Франклину ничуть не улыбалась роль главного свидетеля, когда начнется разбор, но он знал, что этого испытания все равно не избежать. Теперь он прилежно собирал данные, чтобы опровергнуть доводы тех, кто хотел прекратить бой китов. Это оказалось труднее, чем он ожидал. Нельзя просто заявить, что, мол, китовое мясо в готовом для потребления виде будет стоить столько-то за фунт, тогда как мясо, синтезированное из планктона или водорослей, обойдется дороже. В этом нет полной уверенности, тут слишком много неизвестных величин. И главный икс — расходы на эксплуатацию предполагаемых морских молочных ферм, если постановят превратить все китовое стадо из мясного в молочное.

Словом, данных для вывода недостаточно. Честнее всего так и сказать, но от Франклина хотели, чтобы он безапелляционно заявил — прекратить бой китов практически и экономически невозможно ни сейчас,

ни в будущем. На такой ответ его толкала и верность своему отделу, не говоря уже о нежелании рубить сук, на котором он сидел.

И если бы дело ограничивалось экономическими расчетами, но были еще эмоциональные факторы. Дни, проведенные вместе с Маха Тхеро, когда он соприкоснулся с древней цивилизацией и ее философией, повлияли на него гораздо сильнее, чем он думал. Как и большинство людей этой эры материалистов, он был опьянен победами естественных наук и социологии, озарившими начальные десятилетия двадцать первого века. Он гордился своим скептическим рационализмом и свободой от всяких суеверий. Главные вопросы философии его никогда особенно не занимали; он знал, что они есть, но считал это не своей областью.

И вот этот неожиданный вызов, который застиг его врасплох, даже неизвестно, как обороняться. Франклин всегда считал себя гуманным человеком, однако ему напомнили, что иногда гуманности мало. Чем больше он ломал себе голову над этим, тем раздражительнее становился; в конце концов Индра решила принять меры.

— Уолтер, — твердо сказала она, уложив спать заплаканную Энн после ссоры, в которой отец и дочь были одинаково повинны, — ты избавишь себя и других от многих неприятностей, если помотришь в лицо фактам и перестанешь обманывать себя.

— Что ты хочешь сказать, черт возьми?

— Вот уже целую неделю ты на всех сердит. Напустился на Лjungkvista — правда, тут отчасти и моя вина, — огрызаешься на репортеров, воюешь со всеми отделами, с собственными детьми, того и гляди на меня набросишься. Только один человек тебе мил — Маха Тхеро, который заварил всю эту кашу.

— С какой стати мне сердиться на него? Пусть он одержимый, но ведь он святой — во всяком случае, более святого человека мне вряд ли доведется встретить.

— А я и не спорю. Я только говорю, что в душе ты с ним согласен, да не хочешь этого признать.

Франклин чуть не вспылил.

— Знаешь, это просто смешно! — начал он. И осекся; вся ярость сошла с него. Да, это смешно, но вместе с тем это правда.

И сразу на душе стало спокойно, он больше не злился на весь мир и на себя самого. Ребяческая обида — за что на его голову такие неприятности? — разом испарилась. С какой стати он должен стыдиться своей привязанности к великанам, которых опекает? Если можно обойтись без того, чтобы резать их, он будет рад, независимо от того, чем это кончится для Отдела китов.

Внезапно вспомнилась улыбка Тхеро при расставании. Неужели этот удивительный человек предвидел, что Уолтер в конце концов примет его точку зрения? Если его мягкая настойчивость, которую он умел сочетать с тактикой смелого лобового удара, как в случае с телевизионной программой, одолела даже Франклина, значит, Тхеро наноловину выиграл битву.

22

«Прежде было гораздо проще жить», — со вздохом подумала Индра. Правда, Питер и Энн почти весь день в школе, но почему-то у нее от этого не прибавилось досуга. Нужно было куда-то ездить, самой принимать гостей — ведь Уолтер занимал один из высших постов в государстве. Впрочем, нет, это преувеличение; не меньше шести ступеней отделяли начальника Отдела китов от президента и его советников.

Есть, однако, вещи поважнее чинов и званий. Что ни говори, работа Уолта окружена неким ореолом, и его дела вызывают повышенный интерес; недаром он известен гораздо больше, чем начальники других отделов Морского управления. И ведь слава пришла к нему еще до статьи в «Земле» и полемики из-за китобойни. Кто знает по имени начальника Планктонных ферм или заведующего Отделом пресноводных ресурсов? А Уолтера знают. Индра гордилась этим, хотя понимала, что слава неизбежно влечет за собой зависть.

Но сейчас ему явно грозило нечто похуже. Пока

что никому в отделе, не говоря уже о деятелях из Главного морского управления или ВОП, в голову не приходило, что у Уолтера могут быть какие-то сомнения, что он не поддерживает всей душой нынешний порядок...

Она попыталась сосредоточиться на последнем номере «Природы», но ей помешал служебный визифон. Его установили в их доме, сколько она ни возражала, в тот день, когда Уолтер стал начальником отдела. Линии общественного пользования посчитали недостаточными, и теперь Уолтера можно было вызвать в любой миг, если только он не принимал мер, чтобы помешать этому.

— Доброе утро, миссис Франклин, — сказала дежурная; она успела стать как бы другом семьи. — Шеф дома?

— Должна вас огорчить, — с удовлетворением ответила Индра. — Муж целый месяц работал без выходных, и сейчас он в заливе, на яхте вместе с Питером. Кстати, радиостанция не работает, придется вам выслать за ним самолет, если он вам нужен.

— Как, и запасная тоже? Странно. Вообще-то это не так срочно. Когда он вернется, передайте ему, пожалуйста, телефонограмму.

Тихий щелчок, и в поместительную корзину для памятных записок скользнул лист бумаги. Индра пробежала глазами текст, рассеянно сказала дежурной «до свидания» и поспешила вызвать Франклина; его радиостанция была вполне исправна.

Скрип снастей, плеск рассекаемой яхтой воды, крики морских птиц, отчетливо слышимые в динамике, перенесли Индру в залив Мортон.

— По-моему, это важно для тебя, Уолтер, — сказала она. — В среду здесь, в Брисбене, состоится специальное заседание Перспективной комиссии. Выходит, у тебя остается три дня, чтобы решить, что ты скажешь.

Было слышно, как Франклин пробирается к микрофону, потом он заговорил:

— Спасибо, дорогая. Я знаю, что хочу сказать, не знаю только как. Но ты мне можешь кое в чем

помочь. Ты знаешь жен всех зрителей — попробуй обзвонить их сколько успеешь, выясни, что думают обо всем этом их мужья. Сделаешь? Только так, чтобы не бросалось в глаза. Мне теперь трудно-вато узнать мысли рядовых работников. Они всё стараются угадать, что мне хочется услышать.

В голосе Франклина звучала грусть, которую за последние дни Индра замечала все чаще, хотя, зная своего супруга, она не сомневалась, что он не жалеет о взятом на себя обязательстве.

— Это хорошая мысль, — сказала она. — Мне уже давно надо позвонить кое-кому, так что повод есть. И придется, видимо, устроить вечеринку.

— Ничего, пока еще я начальник отдела, мне это по карману. Но если меня через месяц разжалуют в зрители, приемов больше не будет.

— Неужели ты думаешь...

— Ну, до этого, конечно, не дойдет, но меня могут перевести на какую-нибудь не столь ответственную должность. Правда, я себе не представляю, куда еще меня можно деть, кроме нашего отдела. *Уйди с дороги, болван*, — не видишь, что ли? Извини, дорогая, уж больно много здесь отдыхающих катается. Мы вернемся домой через полтора часа, если только какой-нибудь идиот нас не протаранит. Пит просит меду к чаю. Пока.

Плеск яхты смолк, а Индра все еще задумчиво глядела на динамик. Она тоже хотела пойти с Уолтером и Питом в залив, но сказала себе, что сейчас сыну нужнее отец. Иногда эта мысль ее огорчала, ведь через несколько месяцев они расстанутся с сыном. Отец и мать лепили его тело и душу, а теперь вот ускользает он от них.

И ничего не поделаешь; то, что связывало отца и сына, должно их разлучить. Вряд ли Питер задумывался, почему его так притягивает космос, ведь это обычно для ребят его возраста. Но он один из самых юных трипланетных стипендиатов, и она-то знает, в чем дело: сын полон решимости покорить стихию, которая победила его отца.

«Ладно, хватит грезить», — сказала себе Индра. Она

взяла свою визифонную книгу и принялась отмечать галочками фамилии тех, кого в этот час можно было застать дома.

Перспективная комиссия заседала два раза в год, но перспективами почти не занималась, так как деятельность Отдела китов достаточно успешно направлялась комитетами, которые ведали финансами, производством, кадрами и техникой. Франклин участвовал во всех них — правда, как рядовой член, председателем всегда был кто-нибудь из Главного морского управления или Всемирного секретариата. Случалось, он приходил домой с заседаний удрученный и обескураженный, но чтобы он еще был и расстроен — это уже редкость.

Вот почему Индра почувствовала неладное, едва он вошел в дом.

— Ну, говори уж сразу, — покорно молвила она, когда ее усталый супруг плюхнулся в ближайшее кресло. — Будешь искать новую работу?

Она шутила лишь наполовину, и Франклин выжал из себя тусклую улыбку.

— До такой беды не дошло, — ответил он, — но дело оказалось посложнее, чем я думал. У старика Берроза все было подготовлено заранее; видно, его здорово натаскали в Секретариате. Вот суть его выступления: пока нет уверенности, что продукты из китового молока и синтетических веществ окажутся намного дешевле нынешних, бой китов будет продолжаться. Даже выигрыш в десять процентов считается недостаточным, чтобы оправдать перестройку. Говоря словами Берроза, нас должен беспокоить стоимостный учет, а не туманные философские категории, вроде справедливости к животным.

Это еще вполне разумно, из-за этого я бы не стал лезть на рожон. Неприятности начались во время перерыва, когда Берроз отвел меня в сторонку и спросил, что обо всем этом думают зрители. Я сказал ему, что восемьдесят процентов из них за прекращение боя, даже если от этого продукты подорожают.

Не знаю, почему он задал мне этот вопрос. Может, проведаль что-нибудь насчет нашей маленькой рекогносцировки.

Как бы то ни было, он сразу расстроился. Вижу, мнется, хочет что-то сказать и не решается. Потом вдруг вышалил — мол, меня назначили главным свидетелем, и Морскому управлению вовсе не улыбается, если я в открытом заседании, на глазах у нескольких миллионов зрителей выступлю на стороне Тхеро. «А если меня спросят, что я сам думаю? — говорю. — Уж кажется, я больше всех старался увеличить производство китового мяса и жира, и все же мне хочется, чтобы наш отдел возможно скорее превратился в управление заповедника». Он спросил меня, хорошо ли я все продумал. Говорю — да.

Дальше разговор пошел уже горячее, хотя и в благожелательном тоне. Мы согласились с ним, что есть две точки зрения: для одних киты — это киты, а для других — только цифры в производственных сводках. После этого Берроз отправился звонить по телефону, а мы ждали. С полчаса он разговаривал с деятелями из Секретариата, наконец вернулся и передал мне приказ — конечно, он это выразил иначе, но ведь ясно. Словом, во всем этом разборе мне отводится роль куклы в руках чревоушателя.

— А если противная сторона напрямик спросит твое личное мнение?

— Наш адвокат постарается отвести этот вопрос. Не удастся — тогда... короче говоря, у меня не должно быть личного мнения.

— А в чем же все-таки дело?

— Это самое я спросил у Берроза, и он в конце концов признался. Оказывается, тут замешана политика. Всемирный секретариат боится, как бы Маха Тхеро, если он выиграет дело, не приобрел слишком большой вес. Так что борьба будет нешуточная.

— Понимаю, — медленно сказала Индра. — Думаешь, Тхеро добивается политической власти?

— Во всяком случае, не из властолюбия. Но может быть, ему нужно влияние, чтобы проводить свои идеи. А это не устраивает Секретариат.

— Ну и что ты собираешься делать?

— Не знаю, — ответил Франклин. — Честное слово, не знаю.

Он все еще колебался, когда открыли разбор и Маха Тхеро впервые лично выступил перед всемирной аудиторией. Глядя на маленького человечка в желтом облачении, с голым блестящим черепом, Франклин невольно подумал, что на первый взгляд он кажется невзрачным, чуть ли не смешным. Но стоило ему заговорить, и сразу все изменилось: перед зрителями был сильный, убежденный в своей правоте, человек.

— Я хочу внести полную ясность, — сказал Маха Тхеро, обращаясь не только к председателю комиссии, но и к незримым миллионам, которые следили за разбором по телевидению. — Неверно, будто мы пытаемся навязать миру вегетарианство, как утверждают некоторые наши противники. Сам Будда не отвергал мяса, когда ему предлагали. И мы не отказываемся, гость должен с благодарностью принимать все, что ему предлагает хозяин.

Нами руководит нечто посерьезнее, чем предубеждение к той или иной пище, — ведь это обычно чистая условность. Больше того, мы уверены, что большинство разумных людей независимо от веры рано или поздно примут нашу точку зрения. Ее очень просто изложить, хотя она представляет собой итог двадцатипестивековых размышлений. Ранить, убивать живые существа, какие бы то ни было, по-нашему, неправильно. Конечно, было бы глупо утверждать, что без этого можно вовсе обойтись. Мы признаем, например, необходимость уничтожать микробы, вредных насекомых, хотя и сожалеем об этой необходимости.

Но везде, где можно, надо отказаться от убийства. Сейчас экономически возможно производить все виды синтетического белка из растительного сырья, стоит только постараться. Два или три десятилетия — и мы сбросим бремя вины, которое, несомненно, угнетает душу каждого думающего человека при взгляде на тех, кто вместе с нами населяет эту планету.

Однако мы никому не навязываем нашу точку зрения. Добрые дела теряют цену, если их проводят насильно. Нам хочется, чтобы представленные нами факты сами говорили за себя, и пусть мир выбирает.

Что ж, подумал Франклин, сказано ясно, без обвиняков, и ни тени фанатизма, который в наш разумный век обрек бы все дело на неудачу. Правда, этот вопрос не втиснешь в рамки трезвых рассуждений. Если бы мир во всем подчинялся чистой логике, такой спор не возник бы — никто не усомнился бы в праве человека по своему произволу распоряжаться животным царством. Но логика годится не всегда, ведь с ее помощью ничего не стоит оправдать и людоедство.

В своей речи Тхеро вовсе не коснулся того, что так поразило Франклина. Он не сказал о возможной встрече с внесезонными цивилизациями, которые будут судить о человеке по тому, как он относится к животным. Может быть, решил, что широкая публика посчитает этот довод надуманным и вообще перестанет принимать всерьез все дело? Или Тхеро рассчитал, что такой аргумент сильнее всего подействует на бывшего астронавта? Об этом можно только гадать: во всяком случае, очевидно, что он великолепно учитывает психологию массы и отдельного человека.

Дальше пошли знакомые сцены — Франклин сам помогал Тхеро снимать их, — и он выключил телевизор. Небось Главное управление теперь не радо, что предоставило всякие льготы Его Преподобию, — а что оно могло сделать?

Через два дня выступление перед комиссией. Франклин чувствовал себя скорее обвиняемым, чем свидетелем. Если разобраться, он и впрямь ответчик — вернее, не он, а его совесть. Странно подумать: когда-то он попытался убить самого себя, теперь отказывается убивать других. Тут есть какая-то связь, но слишком сложная, не стоит доискиваться. К тому же это все равно не поможет ему решить задачу.

Между тем решение приближалось, правда, с совершенно неожиданной стороны.

Франклин уже поднимался по трапу в самолет, чтобы лететь на заседание комиссии, когда пришла весть о подводной аварии. Он взял из рук связного депешу на бланке с красной полосой и тотчас позаволал обо всем остальном.

Телеграмма с сигналом бедствия была отправлена Отделом шахт и рудников — самым крупным из отделов Морского управления. Название не совсем точное, в ведении отдела давно не осталось ни одной настоящей шахты. Лет двадцать-тридцать назад на дне океана добывали руду; теперь море само стало неисчерпаемым источником сокровищ. Почти все элементы периодической таблицы можно было вполне рентабельно извлекать непосредственно из миллионов тонн вещества, растворенных в каждой кубической миле морской воды. Усовершенствованные избирательные ионообменные фильтры позволили навсегда устранить угрозу нехватки металлов.

Отделу рудников были также подчинены сотни нефтяных вышек, которые пронизали скважинами морское дно и выкачивали драгоценную жидкость — основное сырье половины всех химических предприятий мира; эту жидкость прежние поколения с преступной близорукостью сжигали, используя как горючее. В огромном хозяйстве отдела трудно было избежать аварий; не далее как в прошлом году у Франклина брали дозорную лодку, чтобы поднять цистерну золотого концентрата; правда, золото так и не удалось спасти. Но на этот раз беда была посерьезнее, в этом Франклин убедился после двух-трех срочных телефонных разговоров.

Через полчаса он вылетел, хотя и не в ту сторону, куда собирался первоначально. И лишь еще через час, передав все приказы, Франклин смог, наконец, связаться с Индрой.

Неожиданный звонок удивил ее, но удивление быстро сменилось тревогой.

— Послушай, любимая, — начал Франклин, — не пришлось мне лететь в Берн. У нефтяников катастрофа, просят нашей помощи. Одна из их лодок попала

в западню. Они бурили скважину и напоролись на карман с газом. Буровую вышку сшибло, она упала прямо на лодку, и теперь лодка ни туда ни сюда. Там на борту всякие высокопоставленные лица, среди них начальник Отдела рудников и один сенатор. Я пока не представляю себе, как их выручить, но мы все сделаем. Как только представится случай, опять свяжусь с тобой.

— Ты сам пойдешь вниз? — озабоченно спросила Индра.

— Наверно. Да ты не волнуйся! Будто я раньше не погружался!

— Я не волнуюсь, — твердо ответила Индра.

— Ладно, до свиданья, — сказал Франклин. — Поцелуй Энн и не беспокойся за меня.

Индра смотрела, как тает изображение на экране. Оно уже пропало, вдруг она сообразила, что давно не видела Уолтера таким радостным. Нет, радостным — не то слово, ведь жизнь многих людей под угрозой. Вернее будет сказать, что он весь ожил, воодушевился.

Она улыбнулась: все понятно. Наконец-то Уолтер может забыть о затруднениях своего отдела и — хотя бы на время — с головой погрузиться в морскую стихию, где ему все ясно и знакомо.

— Вот она, — сказал водитель дозорной лодки, показывая на край индикатора, где показалось изображение. — Лежит на твердом грунте, глубина тысяча сто футов. Через две-три минуты сможем рассмотреть детали.

— Как прозрачность — можно работать телевизором?

— Вряд ли. Газовый гейзер еще извергается, вот он, видите, это размытое эхо. Он взмутил весь ил.

Франклин смотрел на экран и сопоставлял изображение с лежащими на столе чертежами и схемами. Большая, яйцевидной формы подводная лодка, предназначенная для малых глубин, была отчасти закрыта обломками буровой вышки и снаряда. Тысячетонная

стальная машина пригвоздила ее к океанскому дну; не удивительно, что, продув все цистерны и включив на полную мощность моторы, лодка не смогла сдвинуться с места.

— И-да, история, — сказал Франклин. — Сколько дней надо большим буксирам, чтобы дойти сюда?

— Не меньше четырех. «Геркулес» может поднять пять тысяч тонн, но он сейчас в Сингапуре. По воздуху его не перебросишь, слишком велик, пойдет своим ходом. Это ваши лодки можно перевозить на самолетах.

«Верно, — подумал Франклин, — но зато они слишком малы для работы с такими тяжестями. Вся надежда на то, что с их помощью удастся расчленить вышку кислородным резаком и освободить лодку».

Одна из дозорных лодок Отдела китов уже работала резаком. Кто-то заслужил благодарность за быструю установку резаков на судне, выполняющем совсем другие задачи. Даже Комитет по делам космоса, об эффективности которого рассказывают легенды, вряд ли управился бы с этим быстрее.

— Здесь капитан Якобсен, — заговорил динамик. — Рад, что вы с нами, мистер Франклин. Ваши ребята молодцы, но это дело потребует времени.

— Как у вас дела?

— Ничего. Меня только беспокоит корпус между третьей и четвертой переборками. Туда пришелся главный удар, есть вмятины.

— Вы можете перекрыть этот отсек, если появится течь?

— Трудновато, — сдержанно ответил Якобсен. — Там как раз центральный пост. Если придется его оставить, мы будем совсем беспомощны.

— Ну, а как пассажиры?

— Э... гм... хорошо, — сказал капитан тоном, который выдавал его неуверенность. — Сенатор Чемберлен хочет поговорить с вами.

— Здравствуйте, Франклин, — послышался голос сенатора. — Не рассчитывал я встретиться с вами при таких обстоятельствах. Как вы думаете, сколько времени понадобится, чтобы выручить нас?

У этого сенатора хорошая память — или хороший секретарь. Франклин всего трижды встречался с ним; в последний раз — в Канберре, на заседании Комитета по охране природных ресурсов. Франклин выступал там не больше десяти минут, и он никак не надеялся, что председатель КОПР запомнит его.

— Я ничего не могу обещать, сенатор, — осторожно ответил он. — Нужно немало времени, чтобы разобрать все эти обломки. Но мы справимся с этим, вы не беспокойтесь.

Когда они подошли ближе, его уверенность поколебалась. Резак отщипывает такие маленькие кусочки, а длина вышки — двести футов с лишним, это надолго...

Последовало десятиминутное совещание между Франклином, капитаном Якобсеном и командиром второй дозорной лодки, старшим смотрителем Барлоу. Три стороны согласились, что лучше всего продолжать работу; как бы медленно ни шло дело, они управятся на два дня раньше, чем подоспеет «Геркулес». Разумеется, если ничего не случится. Пока что подвохом грозил только помятый корпус, о котором упомянул капитан Якобсен. Как и все крупные подводные суда, его лодка была оснащена воздухоочистительной установкой. На несколько недель они обеспечены чистым воздухом, но если корпус, защищающий центральный пост, не выдержит, выйдут из строя все основные службы. Можно укрыть людей за герметичными переборками, однако это даст лишь короткую отсрочку, ведь тотчас прекратится очистка воздуха. И «Геркулесу» будет куда труднее поднять лодку с затопленным отсеком.

Прежде чем вместе с Барлоу приступить к работе, Франклин вызвал базу и заказал все, что могло им понадобиться. Он попросил также незамедлительно перебросить на самолетах еще две дозорные лодки, а мастерским велел наладить массовое производство цистерн плавучести — попросту говоря, на старые бочки ставить воздушные вентили. Если приторочить к вышке достаточно бочек, может быть, удастся поднять ее до прихода спасателей.

Он помешкал, прежде чем называть последний пункт заказа, но потом подумал, что лучше заказать лишнего, чем что-то упустить. Пусть даже в Отделе материального обеспечения скажут, что он рехнулся.

Разрезать фермы искореженной вышки было делом трудоемким, но в общем-то несложным. Работали вместе: одна лодка орудовала резаком, другая тут же оттаскивала куски прочь. Скоро Франклин позабыл о времени, для него существовал только очередной металлический брус. Непрерывным потоком следовали донесения, отдавались приказы, но этим занималась другая часть его сознания. Сейчас руки и мозг действовали как две отдельные системы.

Вода заметно светлела. Вероятно, рокочущий газовый гейзер, который бил из морского дна в каких-нибудь ста ярдах от них, вызвал сильное течение, и оно унесло взбаламученный ил. Так или иначе, теперь, когда снова видели телевизионные глаза дозорных лодок, работать стало намного легче.

И когда прибыло подкрепление, Франклин даже удивился. Неужели они здесь уже больше шести часов — а он не чувствует ни голода, ни усталости! Две лодки тянули за собой первую партию сделанных по его заказу цистерн.

Сразу работа пошла по-другому. Одну за другой бочки крепили к вышке, затем продували воздушным шлангом, и они всплывали, словно аэростаты. Подъемная сила одной бочки — две-три тонны; вот наберется сотня бочек, глядишь, лодка сама выскользнет из капкана.

Механические руки дозорной лодки чаще всего бездействуют, но теперь они казались Франклину продолжением его собственных рук. Четыре года, если не больше, прошло с тех пор, как он последний раз двигал великолепными металлическими пальцами, которые позволили человеку работать там, куда ему самому нет доступа. Франклин помнил свою первую попытку (это было четырнадцать лет назад) завязать узел механическими руками и какая путаница получилась. Потом он наловчился, но очень редко применял свое искусство — кто мог подумать, что оно ока-

жется таким важным теперь, когда он давно оставил море и должность смотрителя?

Они принялись накачивать вторую связку бочек, когда их вызвал капитан Якобсен.

— Боюсь, мои новости вас не обрадуют, Франклин, — мрачно сказал он. — Вода просачивается, и течь все сильнее. Если дальше так пойдет, часа через два придется нам уйти из этого отсека.

Этого Франклин больше всего опасался. Незамысловатая спасательная операция разом превратилась в гонку со временем. И гандикап не в их пользу — чтобы разрезать до конца вышку, нужно самое малое двенадцать часов.

— Какое давление у вас внутри лодки? — спросил он капитана Якобсена.

— Я уже поднял до пяти атмосфер. Дальше некуда, опасно.

— Постарайтесь поднять до восьми. Пусть даже половина людей потеряет сознание, не страшно, лишь бы кто-нибудь остался на посту. Сейчас самое главное остановить течь.

— Хорошо, сделаю. Но если люди будут без сознания, это затруднит эвакуацию центрального поста.

Чересчур много слушателей, поэтому Франклин промолчал. Капитан Якобсен понимает это не хуже его, но пассажиры могут и не знать: если дойдет до эвакуации, то можно ставить крест.

Хочешь не хочешь, остается только одно. Отщипывать от вышки по кусочку — слишком долго, надо рвать ее взрывчаткой на две части; верхняя половина отвалится в сторону и освободит лодку.

Казалось бы, чего проще, с этого следовало начинать, но, во-первых, опасно взрывать вблизи от поврежденного корпуса лодки, во-вторых, нужно правильно разместить взрывчатку, а из четырех главных ферм вышки лишь верхние две были легко доступны; до нижних механическими руками не дотянуться. Тут только подводный пловец справится. На мелководье на это ушло бы от силы пять минут.

К сожалению, здесь не мелководье. Глубина — тысяча сто футов, давление — больше тридцати атмосфер.

— Это очень рискованно, Франклин, я не могу разрешить.

Не часто выдается случай поспорить с сенатором, а сейчас Франклин был готов не только спорить, но и в крайнем случае поступить по-своему.

— Я знаю, что это опасно, сэр, — сказал он. — Но у нас нет выбора. Есть полный смысл рискнуть одним человеком, чтобы спасти двадцать три.

— Но ведь это самоубийство — погружаться с аквалангом на глубину больше трехсот-четырёхсот футов.

— Конечно, если дышать сжатым воздухом. Азот покаутирует человека, а кислород добивает его. Нужна правильная смесь. С тем аппаратом, которым я пользуюсь, люди погружались на полторы тысячи футов.

— Я вынужден вам возразить, мистер Франклин, — негромко сказал капитан Якобсен. — Насколько мне известно, только один человек опускался на полторы тысячи футов, и то под строжайшим контролем. И он не выполнял никакой работы.

— Я не собираюсь работать, только установлю два заряда.

— А давление?

— Давление, пока оно уравновешено, роли не играет, сенатор. Пусть мою грудную клетку сжимает сто тонн, я ничего не почувствую, ведь столько же будет давить изнутри.

— Извините... все-таки, может, лучше послать кого-нибудь помоложе?

— Я не хочу никому перепоручать это дело. И когда ныряешь, возраст не влияет. Я здоров — это главное.

Франклин повернулся к водителю и выключил микрофон.

— Пошли вверх, — сказал он, — а то они весь день проспорят. Лучше скорей начать, пока не отговорили.

Во время всплытия он лихорадочно размышлял. Может быть, это в самом деле безрассудство, и он,

глава семьи, не вправе так рисковать? Или ему до сих пор, столько лет спустя, важно доказать, что он не трус, готов бросить вызов опасности, от которой однажды чудом спасся?

Да нет, все объясняется проще. Это своего рода попытка уйти от ответственности. Чем бы ни кончилось дело, он прослывет героем, а тогда Секретариат не возьмет его голыми руками. Интересная задачка: может ли физическая отвага уравновесить недостаток морального мужества?

К тому времени, когда лодка достигла поверхности, Франклин не столько решил эти вопросы, сколько отмахнулся от них. Пусть все эти обвинения против самого себя справедливы; это не играет роли. В душе он знал, что поступает правильно, иначе нельзя. Другого способа спасти этих людей, очутившихся в западне на глубине четверти мили, нет; перед этим все остальные соображения отступали в тень.

Сочающаяся из скважины нефть так пригладила море, что командир транспортного самолета смог совершить посадку, хотя его машина не была предназначена для земноводных операций. Поблизости дозорная лодка возилась с очередной гроздьёй цистерн, готовясь тащить их вниз. Подводникам помогали летчики, которые сидели в маленьких, автоматически надуваемых лодках.

Коммандер Хенсон, главный водолаз Морского управления, ждал Франклина в самолете. Здесь снова возник спор, но он длился недолго, коммандер сдался — с достоинством и, как показалось Франклину, с облегчением. Если бы понадобился второй человек. Хенсон с его огромным опытом был бы лучшей кандидатурой. Франклин даже на минуту засомневался: может быть, он зря настаивает на собственной кандидатуре, это только уменьшает надежды на успех? Нет, он уже побывал внизу, знает обстановку, а Хенсону пришлось бы сперва сходить на разведку с дозорной лодкой — это лишняя трата драгоценного времени.

Франклин проглотил особые таблетки, получил инъекции и влез в резиновый гидрокостюм, призван-

ный защитить его от почти нулевой температуры на морском дне. Он не любил гидрокостюмов, они сковывали движения и нарушали плавучесть, но выбирать не приходилось. Ему надели на спину три баллона — один, со сжатым водородом, зловещего красного цвета, — затем спустили в воду.

Коммандер Хенсон минут пять плавал вокруг него, проверяя и подгоняя ремни, грузы, гидроакустический передатчик. Здесь можно было дышать обычным воздухом, на кислородородную смесь он перейдет на глубине триста футов. Аппарат переключится автоматически, и регулятор подачи кислорода сам будет следить за тем, чтобы состав смеси был везде правильным — насколько это возможно в среде, к которой человек вовсе не приспособлен.

Но вот все готово. Заряды надежно укрепили на поясе Франклина, и он взялся за поручни маленькой боевой рубки.

— Пошли вниз, — сказал он водителю дозорной лодки. — Скорость погружения пятьдесят футов в минуту, ход под водой не больше двух узлов.

— Есть пятьдесят футов в минуту. Если ход увеличится, приторможу реверсом.

Почти тотчас дневной свет сменился гнетущим зеленым сумраком. Из-за мути, принесенной восходящими токами, поверхностный слой воды почти не пропускал света. Франклин даже рубку видел плохо; уже в двух футах очертания поручней распылялись и пропадали во мгле. Это плохо. Ладно, на худой конец, он может работать на ощупь. Впрочем, внизу ведь вода намного прозрачнее.

Погрузившись всего на тридцать футов, он был вынужден прервать спуск почти на минуту, чтобы дать привыкнуть ушам. Франклин продувал носовые ходы и усиленно глотал, пока долгожданный щелчок не возвестил, что все в порядке. Вот будет позор, если заложит евстахиеву трубу и придется вернуться! Конечно, никто его не упрекнет — самый лучший подводный пловец может быть выведен из строя даже незначительной простудой; но он сам никогда бы не простил себе такого провала.

Свет быстро угасал; солнечные лучи не могли пробить мутную воду. На глубине ста футов Франклин словно очутился в лунной мгле, в мире, лишенном красок и тепла. Уши его больше не беспокоили, дышалось легко, но в душу вкралась неуловимая тоска. Он сказал себе, что все дело в темноте; мысль о том, что впереди еще тысяча футов, ни при чем.

Чтобы отвлечься, Франклин вызвал водителя и попросил доложить обстановку. Он услышал, что к вышке уже приторочено пятьдесят бочек с общей подъемной силой больше ста тонн. Шесть пассажиров потеряли сознание, но беспокойства не внушают; остальные семнадцать, хотя чувствуют себя скверно, приспособились к возросшему давлению. Течь не усилилась, однако в отсеке центрального поста три дюйма воды, скоро могут быть короткие замыкания.

— Триста футов, — послышался голос командера Хенсона. — Взгляни на манометр, уже должен идти водород.

Франклин посмотрел на маленькую, убористую приборную доску. Все в порядке, автомат переключил баллоны. Кажется, что воздух не изменился, а между тем через несколько сот футов его ткани освободятся от большей части коварного азота. На первый взгляд, непонятно, почему его заменяют гораздо более активным, даже взрывоопасным, водородом. Но водород не поглощается тканями так, как азот, и не производит наркотического действия.

Еще сто футов пройдено, и как будто не стало темнее; здесь вода прозрачнее, да и глаза уже привыкли к тусклому свету. Видимость достигла двух-трех ярдов, он различал даже часть гладкого корпуса, увлекавшего его на глубину, которой до него достигли лишь несколько аквалангистов и не все вернулись живыми.

Снова заговорил командер Хенсон.

— Сейчас должно быть пятьдесят процентов водорода. Чувствуется?

— Да, есть немного — металлический привкус. Ничего страшного.

— Говори помедленнее, — попросил командер. —

У тебя сейчас такой тонкий голос, слов не разберешь. Самочувствие в порядке?

— В порядке, — ответил Франклин, глядя на глубиномер. — Давай-ка ускорим погружение до ста футов в минуту. Надо спешить.

Водитель подпустил воды в балластные цистерны, лодка пошла вниз быстрее, и стало осязаемым давление воды. При такой скорости спуска чуть отставал автомат, который регулировал напор изолирующего слоя воздуха в гидрокостюме; в итоге руки и ноги Франклина словно сжало в мощных мягких тисках, так что его движения были несколько скованны.

Сгустился мрак, но тут, предвосхищая команду Франклина, водитель включил оба носовых прожектора. Их лучи не могли ничего выявить в пустоте между дном и поверхностью моря, и все же при виде скользящих впереди ореолов рассеянного света он как-то приободрился. Фиолетовые фильтры нарочно сняли; теперь глазу было на чем остановиться, и гнетущее чувство полной изоляции пропало.

Восемьсот футов — пройдено больше трех четвертей.

— Здесь стоит передохнуть минуты три, — посоветовал командер Хенсон. — Я бы подержал тебя все полчаса. Ну, ничего, обратно пойдем потише.

Франклин покорился, призвав на помощь всю свою кротость. Задержка показалась ему невыразимо долгой; вероятно, нарушилось чувство времени, поэтому каждая минута была равна десяти. Он хотел было спросить Хенсона, что у того с часами, когда вспомнил, что у него есть свои. Забыл столь очевидную вещь — это плохо, он тупеет. Да, но ведь он сам сообразил, что тупеет, значит, дело обстоит не так уж скверно... К счастью, спуск возобновился прежде, чем Франклин успел окончательно запутаться в собственных мыслях.

Уже слышно, с каждой минутой все громче, непрерывный гул газового гейзера, бьющего из скважины, пробуренной в океанском ложе пытливыми, беспокойными людьми. От этого рева вибрировала вода; Франклин с трудом различал, что ему сообщают и советуют

помощники. Да, тут не только давления надо остерегаться: попадешь в газовую струю, тебя в несколько секунд подбросит вверх на сотни футов — и лопнешь, будто исторгнутая из пучины глубоководная рыба.

— Совсем немного осталось, — сказал водитель. — Через минуту покажется вышка. Включаю нижний свет.

Лодка замедлила ход. Франклин перегнулся через поручни и скользнул взглядом вдоль мглистых столбов света. Сначала он ничего не увидел, потом возникли какие-то загадочные прямоугольники и круги. Что за штука?.. А, так это же бочки с воздухом пытаются поднять сломанную вышку.

Вот и покореженные фермы, а эта яркая звездочка по соседству с лучом прожектора, такая неожиданная в мрачной преисподней, — работающий резак, управляемый механическими руками скрытой во тьме дозорной лодки.

Водитель осторожно подвел лодку к вышке, и Франклин сразу понял, что вселеную он бы тут ничего не сделал. Две фермы, на которых ему предстояло укрепить заряды, были окружены беспорядочным переплетением балок, прутьев и проводов. Как-то надо сквозь все это пробраться...

Франклин оттолкнулся от лодки, благодаря которой так легко проник в пучину, и, спокойно работая ногами, медленно поплыл к горе металла. Только теперь он заметил неясные очертания придавленной ко дну лодки, и при мысли о всех трудностях, которые надо преодолеть, им на миг овладело отчаяние. Затем, повинуясь внезапному импульсу, Франклин подошел к лодке, достал из сумки с инструментами кусачки и постучал ими по корпусу. Конечно, они и без того знают, что он здесь, но этот сигнал резко поднимет их дух.

Теперь можно приступать к делу. Стараясь не замечать вибрации, от которой вода вокруг буквально ходила ходуном, даже мысли путались, он стал пристально рассматривать металлический лабиринт.

Так... Добраться до первой фермы и установить

взрывчатку будет не трудно. Вон там, между тремя двутавровыми балками, есть свободное пространство, один провод свисает петлей, но его легко отодвинуть (надо только следить, чтобы не зацепиться баллонами). И он окажется прямо перед фермой, есть даже место развернуться, потом не надо будет выходить за-дом наперед.

Франклин проверил еще раз — да нет, никаких препятствий не видно. Для полной уверенности он запросил командера Хенсона, который видел все почти так же хорошо на экране телевизора, потом медленно заплыл в переплетение металла, перехватываясь одетыми в перчатки руками. И удивился, найдя даже на такой глубине вдоволь морских желудей и прочих наростов, из-за которых опасно касаться предметов, пролежавших под водой несколько месяцев.

Стальная конструкция трепетала, точно исполинский камертон; мощь взбунтовавшейся скважины ощущалась и в толще морской и в металле. Франклин как бы попал в трясущуюся клетку. От непрерывного гула и от безумного давления им овладела тупая вялость. Чтобы делать что-то, приходилось переламывать себя, поминутно напоминать себе, что сейчас от каждого его шага зависит жизнь многих людей.

Наконец он добрался до фермы и старательно прилепил к металлу лепешку взрывчатки. Это оказалось не просто, но Франклин работал, пока не удостоверился, что заряд не отвалится. Управившись, он отыскал взглядом следующий объект — вторую несущую ферму.

От его движений вода замутилась, и видимость стала хуже, но, насколько он мог судить, на пути ко второй ферме не было непреодолимых препятствий. Иначе пришлось бы дать задний ход и обойти вокруг вышки. Очень просто в обычных условиях, теперь же все надо было тщательно рассчитывать, энергию расходовать чрезвычайно скупно, убедившись, что этот расход совершенно необходим.

С величайшей осторожностью Франклин пошел

вперед сквозь вибрирующую мглу. Лившийся сверху свет прожекторов был настолько ярок, что резал глаза. Франклину не пришло в голову, что достаточно сказать несколько слов в микрофон и тотчас свет убавят так, как ему удобно. Вместо этого он жался в тень, плывя среди беспорядочной кучи обломков.

Дойдя до фермы, он нагнулся над ней и стал вспоминать, что от него требуется. Его вернул к действительности голос командера Хенсона, отдававшийся в наушниках подобно далекому эху. Не торопясь, проверяя каждый свой жест, он установил заветную лепешку, потом повис в воде рядом с ней, невесть почему восхищаясь своей работой, а в ушах все время звучал докучливый голос. Да ведь от него очень просто избавиться — снял и выбросил маску и вместе с ней эти чертовы наушники. Неплохая мысль... Но оказалось, что у него просто-напросто не хватает сил отстегнуть удерживающие маску ремешки. Вот досада! Может быть, проклятый голос смолкнет, если сделать то, чего он требует.

Но Франклин просто не представлял себе, как выбраться из этого уютного лабиринта. От шума и света все путалось в голове. Куда ни подашься, непременно на пути препятствие, приходится отступать. Это злило его, но не тревожило, он чувствовал себя хорошо и здесь.

Однако голос не унимался. Теперь он звучал не дружески-наставительно; Франклин улавливал грубые, даже оскорбительные ноты, ему отдавали приказы так, как прежде с ним никто не смел говорить (кстати, почему?). Снова и снова все более настойчиво повторялись одни и те же слова, ему упорно втолковывали, как действовать, и, наконец, он тупо подчинился. Отвечать не было сил, Франклин только всплакнул от обиды. Никогда в жизни его так не называли, да ему вообще редко доводилось слышать слова, подобные тем, которые звучали в наушниках. Кто это позволяет себе такую наглость?..

— Не туда, болван чертов, сэр! Влево... Влево! Вот так... теперь вперед... не останавливайся! А, черт, опять спит. *Проснись... Вылезай оттуда скорей, а то*

как дам по башке! Вот так, умница... совсем немного осталось... еще несколько футов...

И так далее в том же духе, причем были выражения куда покрепче.

Вдруг Франклин с удивлением обнаружил, что его больше не окружает скрученное железо. Он медленно шел в чистой воде. Впрочем, он плыл недолго — металлические пальцы не очень-то ласково подхватили его и понесли в ревущую ночь.

Издаleка донеслись четыре отрывистых приглушенных взрыва. Что-то подсказало Франклину, что он отвечает за два из них. Но ему не пришлось увидеть короткого и драматического зрелища, когда в ста футах под ним сработали радиодетонаторы и огромная вышка развалилась надвое. Секция, которая придавила подводную лодку, была слишком тяжела, бочки с воздухом все еще не могли ее поднять, но теперь макушка перевесила, исполинские качели соскользнули в сторону и рухнули на дно.

Освобожденная от оков лодка направилась вверх, ускоряя ход. Она прошла совсем близко от Франклина, он даже ощутил ток воды, но был слишком ошеломлен, чтобы понять, что это означает. Он еще сражался с туманом, который окутал его мозг. На глубине около восьмисот футов Франклин вдруг начал реагировать на ядовитые наказания Хенсона и даже, к великому облегчению командера, заговорил с ним таким же языком. Вплоть до отметки семьсот футов он лихо сквернословил, потом окончательно пришел в себя и смущенно запнулся. Только сейчас до него дошло, что задача выполнена и спасаемые уже намного его обогнали, идя к поверхности.

Франклину нельзя было всплывать так быстро. На глубине трехсот футов его ожидала декомпрессионная камера; в ней ему предстояло без особых удобств лететь в Брисбен и ждать восемнадцать долгих часов, пока ткани не отдадут растворившийся в них избыточный газ.

И когда, наконец, врачи отпустили его на волю, разумеется, было поздно изымать магнитофонную ленту, которая обошла кабинеты Отдела китов. Для все-

Нос нацелился на зенит, и на миг среди облаков словно повис чудом заброшенный в небо металлический обелиск. Но тут же — по-прежнему в великом безмолвии — обелиск превратился в туманную полоску, а затем небеса и вовсе опустели.

Напряжение схлынуло. Кто-то вытирал слезы, но большинство провожающих смеялись и шутили, может быть чуть громче обычного. Обняв за плечи Энн и Индру, Франклин повел их к выходу.

Сыну он охотно завещает безбрежное море космоса. С него самого хватит земных океанов. В них обитают те, с кем связан его труд, — от могучего, как гора, Левиафана до новорожденного дельфина, который еще не научился сосать молоко под водой.

В меру своих сил и разума он будет их охранять. Уже теперь Франклин ясно представлял себе будущую роль своего отдела, когда наблюдатели на самом деле станут покровителями всего живущего в морях. Всего? Нет, это, конечно, абсурд; нет средств, чтобы остановить или хотя бы заметно смягчить свирепствующую во всех океанах борьбу за существование. Но в своих отношениях с родственными ему огромными млекопитающими человек может, так сказать, положить начало, навязать частичное перемирие кровожадной природе.

Невозможно предугадать, во что это выльется в отдаленном будущем. Даже смелый и еще не осуществленный замысел Люндовиста — приручить косаток — может оказаться лишь слабым намеком на то, что свершится уже в ближайшие десятилетия. Кто знает, не принесут ли они ответ на загадку, которая до сих пор владеет его умом и к решению которой он был так близок, когда подводное землетрясение отняло у Франклина его самого дорогого друга.

Завершается едва ли не лучшая глава его жизни. Конечно, трудности еще могут быть, и немало, но вряд ли будущее припасло для него такие задачи, какие выдавались прежде. В известном смысле он выполнил свою миссию, хотя работа только начинается.

Франклин еще раз поднял взгляд в пустое небо, и в памяти, как волна на мелководье, возникло то, что

сказал ему Маха Тхеро, когда они возвращались с Гренландии. Разве можно забыть слова, от которых холодок под ложечкой... «Когда придет это время, вполне возможно, что превосходящие нас существа будут обращаться с нами так, как мы обращались с другими обитателями нашей планеты».

Может быть, и глупо подчинять свои мысли и поступки призрачным догадкам об отдаленном и неопостижимом будущем, но он не жалел о сделанном. Пристально глядя в голубую бесконечность, которая поглотила его сына, Франклин вдруг почувствовал, что звезды совсем близко.

— Дайте нам еще сто лет, — прошептал он, — и мы встретим вас с чистой душой и чистыми руками, в каком бы облике вы нам ни явились.

— Пошли, милый, — позвала его Индра; ее голос чуть-чуть дрожал. — У тебя осталось совсем мало времени. Из отдела звонили и просили напомнить тебе: через полчаса начнется заседание Комитета межведомственной стандартизации.

— Знаю. — Франклин решительно высморкался, словно поставил точку. — Я их не задержу, не бойся.

Рассказы

ого винить? Вот уже три дня мысли Альверона возвращаются к этому вопросу, и до сих пор он не нашел ответа. Сын народа с менее утонченной или менее чувствительной душой не стал бы терзаться, довольствовался бы тем, что никто не может быть в ответе за деяния рока. Но Альверон и его народ были властелинами вселенной уже на заре истории, в ту далекую пору, когда неведомые силы, от которых пошло Начало, обнесли космос Барьером Времени. Им было дано все знание, а беспредельное знание влекло за собой беспредельную ответственность. Если в управлении Галактикой случались ошибки и промахи, вина лежала на Альверона и его род. А тут не просто ошибка — одна из величайших трагедий в истории.

Команда еще ничего не знает. Даже Ругону, его самому близкому другу, заместителю командира корабля, известна только часть истины. Но ведь до обреченных миров осталось меньше миллиарда миль. Через несколько часов они сядут на третьей плапете.

Альверон снова прочитал послание Базы, потом движением, которого не уловил бы ни один человеческий глаз, нажал кнопку «Общее внимание». В длинном, с милом, цилиндре — Корабле Галактического Дозора К.9000 — представители многих народов оторвались от своих дел, чтобы послушать, что скажет капитан.

— Я знаю, всем вам хочется знать, — начал Альверон, — почему нам прика-

зали прервать рекогносцировку и с таким ускорением поспешить в эту область космоса. Вероятно, кое-кто из вас понимает, что значит такая перегрузка. Наш корабль совершает свой последний полет, уже шестьдесят часов генераторы работают на пределе. Хорошо, если мы сможем своим ходом вернуться на Базу.

Мы приближаемся к солнцу, которое вскоре станет новой звездой. Взрыв произойдет через семь часов плюс-минус один час. Для исследования у нас остается самое большее четыре часа. Все десять планет системы обречены, причем на третьей планете есть цивилизация. Это установлено всего несколько дней назад. Нам выпал печальный долг связаться с обреченной цивилизацией и, если можно, спасти хоть кого-нибудь. Я знаю, с одним кораблем за такое короткое время мы мало что можем сделать. Но до взрыва уже никто больше не подоспеет нам на помощь.

Он помолчал, и долго в могучем корабле, который бесшумно мчался к неизведанным мирам, стояла тишина — ни движения, ни звука. Альверон знал, о чем думают его товарищи, и он попытался ответить на невысказанный вопрос.

— Вы недоумеваете, как могли допустить такую катастрофу, самую большую на нашей памяти. Одно могу сказать совершенно точно: галактический дозор тут не виноват. Вам известно, что с нашим флотом, неполных двенадцать тысяч кораблей, мы можем обследовать каждую из восьми миллиардов солнечных систем Галактики в среднем один раз в миллион лет. Большинство миров очень мало изменяется за столь короткий срок.

Около четырехсот тысяч лет назад дозорный корабль К.5060 изучал планеты системы, к которой мы приближаемся. Нигде не оказалось разумной жизни, хотя третья планета кишела животными, а еще две планеты когда-то были обитаемы. Был представлен, как положено, доклад, назначен срок следующего обследования системы — до него еще шестьсот тысяч лет.

Но, оказывается, в невероятно короткий срок, который прошел со времени последней проверки, в системе возникла разумная жизнь. Первым признаком

этого явились неизвестные радиосигналы, принятые на планете Кулат, в системе X 29.35, Y 34.76, Z 27.93. Взяли пеленг: сигналы исходили из системы, в которую мы идем. До Кулата отсюда двести световых лет, значит, радиоволны шли два столетия. Другими словами, не меньше двухсот лет на одном из этих миров существует цивилизация, которая владеет техникой посылки электромагнитных волн и всем, что с этим связано.

Тотчас было проведено телескопическое изучение системы; оказалось, что солнце нестабильно, находится в стадии предновой. Взрыв мог произойти в любую минуту, если уже не произошел, пока радиоволны летели до Кулата. Понадобилось какое-то время, чтобы навести на эту систему сверхмощные локаторы, которые стоят на Кулат-II. Они показали, что взрыва еще не было, но до него осталось лишь несколько часов. Будь Кулат на долю светового года дальше от этого солнца, мы вовсе не узнали бы, что здесь существовала цивилизация.

Глава правительства Кулата сейчас же связался с Секторальной Базой, и мне велели немедленно идти к системе. Наша задача — спасти кого можно, если кто-нибудь еще жив. Правда, мы полагаем, что цивилизация, у которой есть радио, может защититься от возросшей температуры.

Наш корабль и два вспомогательных катера обследуют каждый свою часть планеты. Капитан Торкали поведет ВК-Т, капитан Орострон — ВК-2. У них будет чуть меньше четырех часов. К концу этого срока они должны вернуться на корабль. Если опоздают, мы уйдем без них. Оба капитана сейчас получают от меня подробные инструкции в отсеке управления.

Все. Через два часа войдем в атмосферу.

На планете, некогда носившей имя Земля, гасли последние языки пламени: больше нечему было гореть. От могучих лесов, которые буквально затопили планету, когда кончилась эра городов, остались одни головешки, и дым от их погребальных костров еще стелился в небе. Но роковой час пока не пробил, кам-

ни не расплавились. Сквозь мглу неясно проступали материи, однако их очертания ничего не говорили наблюдателям на корабле. Карты, которыми они располагали, устарели на десяток ледниковых периодов и несколько потоков.

Когда К.9000 проходил мимо Юпитера, они сразу увидели, что не может быть никакой жизни в этих полугазообразных океанах сжатых углеводородов, теперь бурно кипевших в необычно жарких лучах солнца. Марс и другие внешние планеты остались в стороне. Альверон понял, что миры, лежащие ближе к солнцу, чем Земля, уже плавятся. Вероятнее всего, подумал он с печалью, трагедия неведомой расы свершилась. В глубине души он считал, что это даже к лучшему. Корабль смог бы взять не больше нескольких сот человек, и мысль об отборе мучила его.

В отсек управления вошел Ругон, начальник связи и заместитель командира. Весь последний час он тщетно пытался уловить сигналы с Земли.

— Опоздали, — угрюмо сообщил он. — Я все диапазоны прочесал, эфир молчит, если не считать наших собственных станций и программы с Кулата двухсотлетней давности. В этой системе не осталось никаких источников радиоизлучения.

С грациозной плавностью, недоступной двуногим существам, он приблизился к огромному видеоэкрану. Альверон промолчал; новость, которую сообщил Ругон, не была для него неожиданной.

Одна стена отсека управления целиком была занята экраном; огромный черный прямоугольник создавал впечатление бездонной глубины. Три тонких щупальца Ругона, непригодные для тяжелой работы, но незаменимые для быстрых манипуляций, забегали по ручкам настройки, и экран ожил тысячами световых точек. Ругон продолжал настраивать, и звездный рой ушел в сторону, уступив место солнцу.

Житель Земли не узнал бы этот чудовищный диск. Светило не было белым, его поверхность наполовину заволокли огромные фиолетово-голубые облака, из них в космос вырывались длинные языки пламени. В од-

ном месте из фотосферы далеко в мерцающую бахрому короны протянулся исполинский выступ. Словно на солнце выросло огненное дерево высотой в полмиллиона миль, и ветви его были реками пламени, которые неслись в космосе со скоростью сотен миль в секунду.

— Полагаю, — сказал, наконец, Ругон, — астроном представил вам достаточно точные расчеты. Как-никак...

— Не беспокойтесь, нам ничего не грозит, — заверил его Альверон. — Я говорил с обсерваторией на Кулате, они перепроверили наши данные. Когда нам сказали, что срок определен с точностью до одного часа, это надо понимать так: у нас будет час в запасе, а уж наше дело, использовать его или нет.

Он взглянул на пульт управления.

— Пора нам входить в атмосферу. Пожалуйста, настройте опять экран на планету. Так, пошли!

По кораблю пробежала дрожь, резко зазвонили и тут же смолкли сигналы тревоги. На экране появились два тонких снаряда, которые нырнули вниз к огромному диску Земли. Несколько миль они шли вместе, потом разделились, и один вдруг исчез, войдя в тень планеты.

Главный корабль, масса которого в тысячу раз превосходила массу любого из катеров, медленно погрузился следом за ними в объятия неистовой бури, разрушавшей покинутые людьми города.

В полушарии, над которым Орострон вел свой катер, царила ночь. Как и Торкали, он должен был фотографировать, делать замеры и докладывать на корабль. На маленьком разведочном аппарате не было места ни для пассажиров, ни для образцов. Если он встретит обитателей этого мира, к нему тотчас подойдет К.9000. Для переговоров времени не будет. В крайнем случае спасатели пустят в ход силу; объяснения последуют потом.

Огущенный край внизу купался в жутком мерцающем свете; над половиной планеты простерлось

огромное полярное сияние. Но изображение на экране не зависело от освещения, и Орострон ясно видел голые скалы, которые, казалось, никогда не знали жизни. Где-нибудь эта пустыня должна кончаться! Он включил самый полный ход, на какой мог решиться в этой плотной атмосфере.

Катер мчался сквозь ураган, и вот каменная пустыня вздыбилась. Впереди, уткнув вершины в клубы дыма, простиралась горная гряда. Орострон навел локатор на горизонт; тотчас на экране угрожающе близко выросли горы. Он пошел круто вверх. Трудно представить себе более негостеприимный край — какая тут может быть жизнь! Не изменить ли курс? Он решил идти по-прежнему и через пять минут был вознагражден.

Далеко внизу возникла обезглавленная гора; вся вершина ее была срезана какими-то искусственными инженерами. Широко расставив ноги, на плато, прямо на камне, стояла замысловатая конструкция из металлических ферм, служивших опорой для различных устройств. Орострон остановил катер, потом пошел по спирали к горе.

Легкая мгла от доплерва эффекта пропала, изображение на экране стало предельно четким. На опорах, глядя в небо под углом в сорок пять градусов, лежали десятки исполинских металлических зеркал. Они были слегка вогнутые, и в фокусе каждого помещался некий сложный аппарат. В этом могучем, величественном сооружении угадывалась целесообразность: все зеркала смотрели в одну точку на небе или за ним.

Орострон повернулся к своим товарищам.

— Мне это напоминает обсерваторию, — сказал оп. — Вы видели прежде что-нибудь похожее?

Клартен, многощупальцевый обитатель шарообразного скопления на краю Млечного Пути, предложил другую гипотезу:

— Это аппаратура связи. Отражатели фокусируют электромагнитные лучи. Я видел такие устройства на сотнях планет. Может быть, это как раз та станция, чьи сигналы приняли на Кулате. Хотя вряд ли,

луч от таких больших зеркал должен быть очень узким.

— Тогда понятно, почему Ругон не мог поймать никаких импульсов, когда мы подходили к планете, — добавил Хансур-2, один из двойников с Тхаргона.

Орострон возразил:

— Если это радиостанция, ее поставили для межпланетной связи. Посмотрите, куда направлены зеркала. Никогда не поверю, чтобы народ, который только два столетия знал радио, мог пересечь космические дали. Моему народу для этого понадобилось шесть тысяч лет.

— Мы управились за три тысячи, — мягко вставил Хансур-2, опередив своего двойника на несколько секунд.

Прежде чем дело дошло до спора, Клартен взволнованно замахал щупальцами. Пока остальные говорили, он включил автоматический перехват.

— Есть! Слушайте!

Он щелкнул тумблером, и кабину заполнил пронзительный визг. Тон звука непрерывно менялся, тут явно была какая-то система, но в чем ее смысл?

Минуту все четверо напряженно слушали, потом Орострон сказал:

— Это не может быть речью! Ни одно существо не способно говорить так быстро.

Хансур-1 пришел к тому же выводу.

— Это телевизионная программа. А вы как думаете, Клартен?

Тот согласился.

— Да, причем каждое зеркало передает свою программу. Интересно, для кого? Очевидно, где-то там, куда направлено излучение, находится какая-нибудь другая планета данной системы. Это можно быстро проверить.

Орострон вызвал К.9000 и доложил об открытии. Ругон и Альверон были очень взволнованы и тотчас сверились с астрономическими справочниками.

Итог был неожиданным и обескураживающим. Ни одна из остальных девяти планет даже близко не под-

ходила к каналу передачи. Казалось, огромные отражатели направлены в космос наугад.

Вывод мог быть лишь один, и первым его изложил Клартен.

— У них была межпланетная связь, — сказал он. — Но теперь станция покинута, и никто больше не следит за передатчиками. Планеты ушли, а антенны направлены по-старому.

— Ладно, сейчас мы все выясним, — сказал Орострон. — Я сажусь.

Он медленно опустил катер сначала вровень с огромными металлическими зеркалами, потом еще ниже и лег на скальную площадку. В ста ярдах от катера под переплетением стальных ферм ютилось белое каменное здание. В нем не было окон, зато много дверей в обращенной к ним стене.

Глядя, как его товарищи надевают защитные костюмы, Орострон пожалел, что не может идти с ними. Но кто-то должен оставаться на борту и держать связь с кораблем. Так распорядился Альверон — распорядился очень мудро. Никогда не знаешь, что ждет тебя на планете, которую исследуешь впервые, тем более при таких обстоятельствах.

Осторожно три разведчика вышли из переходной камеры и отрегулировали антигравитационное поле своих костюмов. Затем маленький отряд направился к зданию: каждый двигался так, как это было присуще его народу. Впереди шли двойники Хансур, сразу за ними Клартен. Его гравитационный прибор явно капризничал: Клартен вдруг унал, рассмешив этим своих товарищей. Орострон видел, как все трое на миг задержались перед ближайшей дверью, потом медленно открыли ее и исчезли.

Призвав на помощь все свое терпение, Орострон ждал, а кругом бесновалась буря, и в небе все ярче разгоралась заря. В условленное время он вызывал главный корабль и слышал краткое подтверждение Ругона. Интересно, как дела у Торкали в другом полушарии, но с ним не свяжешься сквозь треск и грохот солнечных помех.

Клартен и Хансуры довольно скоро удостоверились,

что их предположения в общем верны. Здесь была радиостанция, теперь всеми покинутая. Из огромного зала несколько дверей вело в небольшие комнаты. В главном помещении шеренгами уходили вдаль аппараты, на сотнях пультов мелькали огоньки, тускло светились сетки огромных радиоламп, образовавших целую аллею.

На Клартена все это не произвело никакого впечатления. Первый радиоаппарат, созданный его соплатниками, давно превратился в окаменелость, насчитывающую миллиард лет. Народ, всего лишь несколько веков знавший электрические машины, не мог соперничать с теми, кто открыл электричество на заре существования планеты Земля.

Продолжая исследовать здание, отряд все запечатлевал на пленку. Надо было решить еще одну загадку. Покинутая радиостанция передает программы: откуда они идут? Центральный пульт удалось найти быстро. Он был рассчитан на одновременную трансляцию десятков программ, но студии надо было искать на другом конце множества кабелей, уходивших в подземелье. Ругон на K.9000 пытался разобрать содержание передач; может быть, это поможет. Нет никакого смысла прослеживать кабели, тянущиеся, возможно, через весь материк.

Отряд не стал задерживаться долго в пустой радиостанции. Больше они ничего не могли узнать здесь; и ведь они искали не столько научную информацию, сколько жизнь. Через несколько минут катер быстро взлетел с плато и пошел к равнинам, которые должны были простираться за горами. Оставалось около трех часов.

Глядя на исчезающие вдали таинственные зеркала, Орострон вдруг встрепенулся. Что это — ему почудилось или они и впрямь, пока он ждал, все чуть-чуть повернулись, точно компенсируя вращение Земли? Он не был уверен и решил, что это вообще не играет роли. Направляющие механизмы продолжают работать по заданной им программе, только и всего.

Через четверть часа они увидели город. Он далеко раскинулся вдоль реки, от которой остался урод-

ливый шрам. Этот рубец петлял между высоких зданий и под такими ничемными теперь мостами.

У экипажа не оказалось никаких сомнений, что город покинут. А проверять все здания некогда, в их распоряжении всего два с половиной часа. Орострон приземлился возле самой крупной постройки. Естественно предположить, что, если кто-нибудь и укроется, то в самых прочных зданиях, где можно отсидеться до конца.

Глубочайшие пещеры, даже недра планеты не смогут защитить от катаклизма. И если здешний народ перебрался на дальние планеты, все равно смертный приговор будет отложен лишь на несколько часов, которые потребуются яростным волнам, чтобы пересечь всю солнечную систему.

Откуда было знать Орострону, что люди оставили город не несколько дней или недель назад, что он пустует уже больше ста лет. Городская культура, пережившая столько стадий, оказалась обреченной, когда геликоптеры стали универсальным средством транспорта. Через несколько десятилетий людские массы, зная, что можно за какие-то часы достичь любого уголка земного шара, вернулись в поля и леса, по которым всегда тосковали. Новая цивилизация обладала машинами и ресурсами, о каких человечество прежде и не мечтало, но она во многом была сельской и покинула стальные и бетонные стены, которые веками довели над людьми.

Сохранились города — центры науки, управления или развлечения, остальные забросили, так как разрушать их было слишком хлопотно. Десяток-полтора крупнейших столиц и древние университетские центры мало изменились и могли бы простоять еще не одну сотню лет. Но города, чья жизнь была основана на напоре, железе и наземном транспорте, исчезли вместе с промышленными отраслями, которые их питали.

Пока Орострон ждал на борту ракеты, его товарищи проносились по бесконечным пустым переходам и залам, делая несчетное множество снимков, которые ничего не могли им рассказать об обитавших здесь прежде существах. Библиотеки, залы заседаний, тыся-

чи официальных помещений пустовали, всюду лежал толстый слой пыли. Если бы разведчики не видели радиостанцию на горе, они подумали бы, что эта планета вот уже много столетий как вымерла.

Томся долгим ожиданием, Орострон пытался представить себе, куда мог уйти этот народ. Может быть, предвидя, что спастись нельзя, люди покончили с собой? А может быть, соорудили огромные, на миллионы мест, убежища в недрах планеты и сейчас сидят где-нибудь у него под ногами, дожидаясь конца... Вероятно, ему никогда этого не узнать.

Он с облегчением отметил, что пора лететь обратно. Скоро станет известно, чем кончилась вылазка Торкали. Ему не терпелось скорее вернуться на корабль, так как с каждой минутой он чувствовал себя все более неуютно. Орострон уже спрашивал себя: что, если астрономы на Кулате ошиблись? Он успокоится, лишь когда кругом будут надежные стены К.9000. Еще лучше уйти в космос подальше от этого зловеющего солнца.

Как только его спутники вошли в шлюз, Орострон поднял в небо маленький аппарат и взял курс на К.9000. Потом повернулся к остальным.

— Ну, что вы нашли? — спросил он.

Клартен достал свернутый в трубку холст и расстелил его на полу.

— Вот как они выглядели, — тихо сказал он. — Двуногие, и рук только две. Несмотря на это, управлялись неплохо. Всего два глаза, во всяком случае впереди. Нам посчастливилось, это чуть ли не единственный предмет, который остался.

Старинный портрет холодно глядел на троих, те, в свою очередь, пристально его рассматривали. По иронии судьбы его спасло то, что он не представлял ни малейшей ценности. Когда город эвакуировали, никому не пришло в голову захватить олдермена Джона Ричардса (1909—1974). Полтораэта лет он обрастал пылью, меж тем как вдали от старых городов новая цивилизация поднималась к высотам, каких не ведала ни одна прежняя культура.

— Вот почти все, что мы нашли, — продолжал Клар-

тен.— Вероятно, город покинут много лет назад. Боюсь, наша экспедиция потерпела фиаско. Если на этой планете и остались живые существа, они слишком хорошо спрятались, нам их не найти.

Командир вынужден был согласиться.

— Задача невыполнимая, — подтвердил он. — Будь у нас неделя, а не часы — другое дело. Кто их знает, может быть, у них убежища под океаном. Мы об этом совсем не подумали.

Бросив взгляд на приборы, он исправил курс.

— Через пять минут будем на корабле. Альверон быстро идет. Может быть, Торкали нашел что-нибудь?

К.9000 летел на высоте нескольких миль над берегом залитого солнцем континента. Орострон подошел вплотную. До контрольного срока оставалось полчаса, нельзя терять ни минуты. Он искусно ввел свой катер в отсек запуска, и они прошли через камеру перепада в корабль.

Их ждали. Это естественно, но Орострон тотчас заметил, что не только любопытство привело его друзей к отсеку. Еще никто не сказал ни слова, а он уже знал, что случилась беда.

— Торкали не вернулся. Он потерял свой отряд, надо их выручать. Пошли в отсек управления.

Поначалу Торкали повезло больше, чем Орострону. Он шел в зоне сумерек, сторонясь палящих лучей солнца, пока не достиг большого озера. Озеро было совсем молодое, одно из самых последних творений рук человека; меньше ста лет назад занятая им площадь была пустыней. И через несколько часов тут снова будет пустыня: вода уже закипала, к небу тянулись столбы пара. Но пар не мог закрыть очарования большого белого города, который раскинулся на берегу.

По краю площади, где приземлился Торкали, аккуратно стояли летательные аппараты. Устройство примитивное, но сделаны великолепно; тягу обеспечивали вращающиеся лопасти. Не было видно никаких признаков жизни, но казалось, что жители должны быть

где-то недалеко. В некоторых окнах еще горел свет.

Три спутника Торкали уже вышли из ракеты. Возглавил отряд старший по званию и происхождению Цинадри; как и сам Альверон, он родился на одной из древних планет Срединных Солнц. С ним шли Аларкен — сын народа, который был одним из самых молодых во вселенной и почему-то очень гордился этим, — и странный обитатель системы Паладор, безымянный, как и весь его род, так как он был лишен индивидуальности и представлял собой подвижную, но все равно зависимую ячейку сознания своего народа. Хотя он и его сородичи давно разошлись по галактике, исследуя несчетные миры, какое-то неведомое звено продолжало связывать их вместе так же прочно, как если бы они были живыми клетками человеческого тела.

Когда говорил житель Паладора, он пользовался только местоимением «мы». В языке Паладора не было и не могло быть первого лица единственного числа.

Огромные двери великолепного здания озадачили разведчиков, хотя с ними справился бы даже ребенок. Цинадри не стал терять времени, а вызвал своим передатчиком Торкали. После этого все трое отошли в сторону, и командир вывел катер на нужную позицию. Мгновенная вспышка ярчайшего пламени — могучие стальные створки озарились светом, который был на грани видимого спектра, и пропали. Каменная кладка еще была раскаленной, когда отряд ворвался в здание, освещая себе путь фонарями.

Но фонари оказались ненужными. Огромный зал, в котором они очутились, освещался рядами ламп под потолком. С одной стороны к залу примыкал длинный коридор, а прямо перед ними широкая лестница поднималась на верхние этажи.

На секунду Цинадри заколебался. Потом решил, что все равно, куда идти, и повел товарищей за собой в коридор.

Чувство, что где-то близко есть жизнь, стало особенно сильным. Казалось, они вот-вот встретят обитателей этого мира. Если те поведут себя враждебно

(за что их трудно будет упрекнуть), придется пустить в ход парализаторы...

Волнуясь, разведчики вошли в следующее помещение. И облегченно вздохнули: здесь были только машины, шеренги машин, недвижимые и немые. Теряющиеся вдали стены сплошь состояли из металлических ящичков. Больше ничего, никакой мебели, только эти ящички и таинственные машины.

Аларкен, всегда самый проворный из тройки, уже изучал ящички. В каждом из них лежали тысячи тонких, но очень прочных пластин с множеством отверстий разного вида. Паладорец взял одну карточку, а Аларкен запечатлел интерьер, сделав крупные снимки машин. Затем они пошли дальше. Просторное помещение, одно из чудес этого мира, им ничего не говорило. И ничьи глаза больше не увидят замечательные, почти одушевленные электронно-счетные устройства и пять миллиардов перфокарт, на которых записаны все сведения о каждом из живших на планете людей.

Было очевидно, что этим зданием пользовались совсем недавно. Все больше волнуясь, разведчики поспешили в следующее помещение. И увидели огромную библиотеку, миллионы книг на бесчисленных стеллажах. Здесь — хотя разведчики не могли этого знать — хранились все законы, когда-либо учрежденные людьми, и все речи, произнесенные в их советах.

Цинадри размышлял, как быть дальше, когда Аларкен обратил его внимание на один из стеллажей, метрах в ста от них. В отличие от других он был наполовину пуст, а на полу, словно сброшенные кем-то в спешке, кучами валялись книги. Никакого сомнения: совсем недавно здесь побывал еще кто-то. Чуткие органы чувств Аларкена отчетливо различали следы колес на полу, хотя остальные ничего не видели. Он даже обнаружил отпечатки ног, но, не зная ничего о жителях этого мира, не мог сказать, в какую сторону вели следы.

Чувство близости живого усилилось чрезвычайно, но близости временной, а не пространственной. Аларкен сказал вслух то, что думали все.

— Наверно, книги были очень ценные, и кто-то решил их спасти в последнюю минуту. Это значит, что где-то, быть может, совсем близко, есть убежище. Если поискать, мы можем найти какие-нибудь признаки, которые приведут нас туда.

Цинадри согласился, но паладорца эта мысль не вдохновила.

— Даже если так, — сказал он, — убежище может быть в любом месте планеты, а у нас осталось всего два часа. Но не будем терять времени, если мы хотим кого-то спасти.

И отряд снова двинулся вперед, останавливаясь только для того, чтобы захватить несколько книг. Они могут пригодиться ученым на Базе, а впрочем, вряд ли их удастся перевести... Оказалось, что здание состоит преимущественно из маленьких помещений, и все они еще недавно были заняты. Почти всюду были порядок и чистота, но в двух-трех комнатах царил дикий хаос. Их особенно поразило одно помещение — судя по всему, какой-то кабинет, — которое подверглось полному разгрому. Пол усеян бумагами, мебель разбита, снаружи в разбитые окна лез дым.

Цинадри встревожился.

— Не может быть, чтобы сюда могло проникнуть какое-нибудь опасное животное! — воскликнул он, нервно крутя в руках парализатор.

Аларкен не ответил. Он издавал странный звук, который на языке его народа назывался смехом. Прошло несколько минут, прежде чем он смог объяснить, что его так развеселило.

— Не думаю, чтобы это сделало животное, — сказал он. — Объяснение намного проще. Представьте себе, что вы всю жизнь проработали в одном помещении, из года в год занимались бесконечными бумагами. Вдруг вам говорят, что вы их больше никогда не увидите, ваша работа кончена, можно уходить навсегда. Больше того, никто не заменит вас здесь. Конец, точка. Как бы вы поступили, Цинадри?

Цинадри подумал несколько секунд.

— Ну, наверно, я бы все прибрал и ушел. Ведь так было во всех остальных комнатах.

Аларкен снова засмеялся.

— Не сомневаюсь, вы бы так и сделали. Но есть люди с другой психологией. Думаю, мне пришлось бы по душе существо, которое здесь работало.

Он ограничился этим, и его спутники некоторое время ломали голову над его словами, потом забыли о них.

Разведчики даже опешили, когда Торкали велел им возвращаться. Было собрано много информации, но они не нашли ничего, что могло бы привести их к пропавшим обитателям этого странного мира. Поразительная загадка, и похоже, что она никогда не будет разрешена. Осталось меньше сорока минут, потом К.9000 уйдет.

Они прошли около полнута, возвращаясь к своему катеру, когда заметили ведущий в недра здания полукруглый ход. Его архитектурное выполнение отличалось от всего, что они тут видели, и наклонный пол просто обрадовал разведчиков: их многочисленные ноги уже устали от мраморных лестниц, которые только двуногие могли понастроить в таком изобилии. Цинадри страдал больше всех; обычно он ходил на двенадцати ногах, но мог в крайнем случае бежать и на двадцати — правда, этого еще никто не видел.

Отряд замер на месте и смотрел в туннель, думая об одном. Ход, ведущий в недра Земли! На том конце его они могут найти обитателей этого мира и хоть кого-нибудь спасти от гибели. Еще есть время вызвать на помощь главный корабль.

Цинадри послал сигнал своему командиру, и Торкали остановил катер как раз над зданием. Может получиться так, что им некогда будет петлять по всем этим переходам, хотя заблудиться они не могут, весь лабиринт четко запечатлен в памяти паладорца. Если понадобится, Торкали взрывом пробьет им прямой путь сквозь все двенадцать этажей. Да нет, они быстро выяснят, что кроется в конце туннеля...

Они узнали это через тридцать секунд. Туннель заканчивался очень странным цилиндрическим помещением с роскошными мягкими сиденьями вдоль стен. Другого хода сюда не было, только через туннель,

по которому они пришли, и Аларкену понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, для чего предназначалась эта кабина. Жаль, что нет времени ею воспользоваться, подумал он. Крик Цинадри нарушил течение его мыслей. Аларкен резко обернулся и увидел, что стена бесшумно сомкнулась за ними.

Даже невольный испуг не помешал Аларкену с уважением подумать: «Кто бы они ни были, они хорошо разбирались в автоматике!»

Первым заговорил паладорец. Он указал щупальцами на сиденья.

— Мы думаем, что лучше всего сесть, — сказал он.

Множественное сознание Паладора уже анализировало обстановку и знало, что последует.

Им не пришлось долго ждать. Из-за решетки в потолке вырвалось слабое гудение, и в последний раз в истории на Земле зазвучал пусть безжизненный, но все-таки человеческий голос. Хотя слова были незнакомые, запертые разведчики угадали их смысл.

— Прошу назвать остановки и занять места.

Одновременно засветилась панель на одной из стен. Они увидели нехитрую карту, с десятков кружочков, соединенных линией. У каждого кружочка была надпись, а около надписи — две кнопки разного цвета.

Аларкен вопросительно поглядел на своего командира.

— Не трогайте, — сказал Цинадри. — Может быть, тогда дверь сама откроется.

Он ошибся. Инженеры, строившие это автоматическое метро, исходили из того, что любой, кто войдет в вагон, непременно куда-то направляется. Если пассажиры не выберут ни одной из промежуточных станций, значит им нужна конечная.

Снова пауза: реле и тиратроны ждали команды. В эти тридцать секунд пришельцы могли бы открыть двери и выйти, если бы они знали, как это сделать. Они не знали, и машины, рассчитанные на человеческую психологию, продолжали действовать.

Толчок ускорения был не очень сильным; мягкая

обивка служила не для защиты, а для удобства. Лишь едва заметная вибрация говорила о скорости, с которой они перемещались в недрах земли, не ведая, сколько продлится это путешествие. А через тридцать минут К.9000 уйдет из солнечной системы.

Долго в скользящей неведомо куда кабине царило безмолвие. Цинадри и Аларкен напряженно думали. Думал и паладорец, правда, по-своему. Понятие индивидуальной смерти для него не существовало, потому что гибель единицы означала для коллективного разума не больше, чем для человека потеря выпавшего волоса. Но он мог, хотя и с трудом, понять терзания индивидуального разума, например, Аларкена и Цинадри, и стремился им помочь.

Аларкен связался своим передатчиком с Торкали; сигнал был очень слаб и быстро затухал. Он торопливо рассказал, в чем дело, и почти сразу слышимость стала лучше. Торкали шел следом за ними, летя над землей, в толще которой они мчались навстречу неизвестности. Только теперь выяснилось, что кабина идет со скоростью около тысячи миль в час. А затем разведчики услышали от Торкали еще более озадачивающую новость: они стремительно приближались к морю. Пока над ними земля, оставалась хоть какая-то надежда остановить машину и выйти. Но когда они очутятся под океаном, все умы и все механизмы на борту большого корабля не в силах будут спасти их. Более надежной ловушки не придумаешь.

Цинадри пристально изучал карту на стене. Ее смысл был теперь ясен. Вдоль линии, которая соединяла кружочки, ползло пятнышко света. Оно прошло уже половину пути до первой станции.

— Я нажму одну из этих кнопок, — сказал, наконец, Цинадри. — Беды никакой не случится, а может быть, мы что-нибудь и узнаем.

— Согласен. С какой начнете?

— Их всего две, ничего, если сперва ошибемся. Наверно, одна останавливает кабину, вторая пускает ее.

Аларкен не очень надеялся на успех.

— Она пошла сама, мы ни на что не нажимали, —

сказал он. — Боюсь, кабина полностью автоматизирована, отсюда ею управлять нельзя.

Цинадри был не согласен с ним.

— Эти кнопки, очевидно, связаны со станциями. Для чего они, если нельзя остановить ими кабину? Весь вопрос в том, чтобы выбрать правильную.

Он рассуждал верно. Кабину можно было остановить на любой промежуточной станции. Они всего десять минут в пути, и все будет в порядке, если удастся выйти сейчас. Но так уж получилось — Цинадри нажал не ту кнопку.

Световое пятнышко, не меняя скорости, медленно пересекло освещенный кружок. Одновременно донесся голос Торкали с катера:

— Вы сейчас прошли под городом, теперь направляетесь к морю. Следующая остановка только через тысячу миль.

Альверон оставил всякую надежду пайти жизнь на этой планете. К.9000 обрыскал уже половину земного шара, то и дело спускаясь, чтобы привлечь к себе внимание. Но Земля словно вымерла. «Если кто-то из ее обитателей и остался жив, — подумал Альверон, — они прячутся в недрах, и хотя им все равно грозит неминуемая гибель, до них не доберешься».

Ругон сообщил ему о беде. Корабль прекратил бесплодные поиски и сквозь бурю ринулся обратно к океану, над которым маленький аппарат Торкали продолжал идти по следам подземной кабины.

Грозный вид открывался внизу. Со времен своего рождения Земля не знала таких волн. Ураган, достигший скорости нескольких сот миль в час, гнал горы воды. Даже вдали от материка в воздухе летели стволы деревьев, обломки домов, листы металла; ни один самолет землян не справился бы с таким штормом, но грохот сшибающихся гигантских валов заглушал даже рев урагана.

К счастью, еще не было сильных землетрясений. Глубоко под ложем океана великолепное инженерное сооружение, которое было личным метро Президента,

продолжало безупречно работать, не затронутое сумятицей и разрушениями. Ему предстояло действовать до последней минуты существования Земли. Иначе говоря, если астрономы не ошиблись, еще немногим больше четверти часа. Альверон очень хотел бы точно знать, на сколько больше... Только через час попавший в ловушку отряд выйдет из-под океана, и можно будет что-то сделать, чтобы спасти его.

Альверон получил строжайшие инструкции, но и без них он никогда не позволил бы себе рисковать вверенным ему огромным кораблем.

Тем временем Аларкен и Цинадри, заточенные в миле под ложем океана, дали полную нагрузку своим передатчикам. Пятнадцать минут не так уж много, когда нужно подвести итог всей жизни. Хорошо если успеешь продиктовать прощальные послания, которые кажутся в такой миг важнее всего остального на свете.

Паладорец молчал и не двигался. Остальные двое, поглощенные собственной судьбой и личными делами, даже как-то забыли о нем. И для них было полной неожиданностью, когда он вдруг обратился к ним своим странно бесстрастным голосом:

— Мы полагаем, что вы принимаете определенные меры в связи с вашей ожидаемой гибелью. Но это, вероятно, излишне. Капитан Альверон надеется спасти нас, если мы сумеем остановить кабину, как только достигнем материка.

В первую секунду Цинадри и Аларкен были слишком удивлены, чтобы отвечать. Потом Аларкен вымолвил:

— Откуда вы это знаете?

Нелепый вопрос; он сам тут же вспомнил, что на борту К.9000 осталось много паладорцев, значит, его спутник знает все, что происходит на корабле. И Аларкен, не дожидаясь ответа, продолжал:

— Альверон этого не делает! Он не может пойти на такой риск!

— Риска никакого, — возразил паладорец. — Мы сказали ему, как надо действовать. Это очень просто.

Аларкен и Цинадри с почтением посмотрели на

товарища; они поняли, что случилось. В критические минуты отдельные элементы, слагающие сознание Паладора, могли смыкаться так же согласованно, как клетки обычного мозга. И возникал разум, равного которому не было во всей вселенной. Несколько сот или тысяч элементов решали любую рядовую задачу. Очень редко требовалось совместное усилие миллионов единиц, и за всю историю было известно только два случая, когда миллиарды клеток сознания Паладора все смыкались в одну цепь, чтобы отвратить угрозу, нависшую над целым народом. Разум Паладора был одним из наиболее могучих ресурсов вселенной, ко всей его мощи прибегали редко, но уже мысль о том, что он есть, внушала великую уверенность другим народам. «Сколько клеток объединилось, чтобы справиться с этой задачей? — спрашивал себя Аларкен. — И почему Паладор занялся таким незначительным, в сущности, происшествием?»

Ответить на этот вопрос было некому, но он мог бы сам догадаться, в чем дело, если бы знал, что необычному разуму Паладора присуще почти человеческое честолюбие. Очень давно Аларкен написал книгу, доказывая, что в конечном счете все разумные народы пожертвуют индивидуальным сознанием и наступит день, когда во вселенной останутся только групповые виды разума. Паладор, писал он, — первый из них; и надо сказать, что огромный дисперсный мозг был польщен его словами.

Прежде чем они успели задать новые вопросы, через эфир к ним донесся голос самого Альверона:

— Говорит Альверон! Мы остаемся на этой планете, пока сюда не дойдет взрывная волна, и, может быть, нам удастся вас спасти. Вы идете к городу на побережье, при такой скорости будете там через сорок минут. Если не сумеете остановиться, мы взрывом разрушим туннель впереди и позади вас, чтобы прекратить подачу энергии. Потом пробьем к вам шахту. Главный инженер говорит, что с нашими установками он сделает это за пять минут. Не пройдет и часа, как вы будете в безопасности, если только солнце не взорвется раньше.

— Но если это произойдет, вы тоже погибнете! Вам нельзя так рисковать!

— Не беспокойтесь, нам ничто не грозит. Когда взорвется солнце, пройдет еще не одна минута, прежде чем взрывная волна достигнет максимума. А мы к тому же на ночной стороне, прикрыты могучим экраном — восемь тысяч миль горных пород. Как только заметим первые признаки взрыва, будем уходить из солнечной системы, держась в тени планеты. На предельной тяге мы достигнем световой скорости прежде чем выйдем из конуса тени, а тогда нам солнце не страшно.

Цинадри все еще не смел надеяться. Ему тотчас пришло на ум новое возражение:

— Но ведь мы на ночной стороне — как вы узнаете, что взрыв начался?

— Очень просто, — ответил Альверон. — У этой планеты есть луна, ее сейчас видно из этого полушария. Мы навели на нее телескопы. Если яркость вдруг возрастет, стартер автоматически включит полную мощность, и нас выбросит из системы.

Ни к чему не придерешься. Осторожный, как всегда, Альверон все предусмотрел. Пройдет немало минут, прежде чем пламя взорвавшегося солнца расплавит могучий щит из камня и металла. За это время К.9000 в самом деле сумеет развить спасительную световую скорость.

Аларкен заранее, когда до берега еще было далеко, нажал кнопку. Он не ждал немедленного эффекта, полагая, что кабина не останавливается между станциями. Но через несколько минут, к их общей радости, прекратилась легкая вибрация, и они остановились.

Бесшумно раскрылись двери. Все трое выскочили наружу, прежде чем створки раздвинулись до конца. Туннель, медленно поднимаясь вверх, терялся вдали. Они смотрели вперед, когда внезапно раздался голос Альверона:

— Оставайтесь на местах! Взрываем!

Земля содрогнулась, донесся грохот камней. Еще

раз — и в ста ярдах перед ними туннель вдруг исчез. Его пересекла вертикальная шахта.

Отряд поспешил туда и остановился на краю шахты. Она достигала в ширину тысячи футов, а вглубь уходила так далеко, что свет их фонарей не доставал дна. Вверху стремительно летящие штормовые тучи временами обнажали лик луны — сказочно яркий, какого не знал ни один землянин. И еще более замечательное зрелище: высоко над землей парил К.9000, и мощные излучатели, которые пробурили огромный колодез, еще светились вишневым накалом.

Темный силуэт отделился от корабля и быстро упал на землю. Торкали спустился за своими товарищами. И вот уже Альверон приветствует их в отсеке управления. Он указал рукой на большой видеоэкран и спокойно произнес:

— Смотрите, мы подоспели вовремя.

Материк под ними медленно оседал под ударами штурмующих побережье волн высотой в милю. Последние картины жизни Земли: огромная равнина, озаренная серебристым сиянием невероятно яркой луны. Через равнину глянцевитые валы устремились к возвышающейся вдали горной гряде. Море взяло верх, но его торжество продлится недолго, скоро не будет ни моря, ни суши. Зрители в главном отсеке молча наблюдали картину разрушения, а уже приближалась несравненно более грозная катастрофа.

Вдруг словно рассвет занялся над залитым луной ландшафтом: луна обратилась во второе солнце. Около тридцати секунд поразительное, сверхъестественное сияние озаряло обреченный край. Тотчас на пульте вспыхнули сигнальные лампочки. Полная тяга! На мгновение Альверон перевел взгляд с экрана на пульт, проверяя показания приборов. Когда он снова посмотрел на видеоэкран, Земли уже не было видно.

Могучие генераторы тихо скончались от дикого перенапряжения, когда К.9000 достиг орбиты Персефоны. Но это не играло никакой роли, теперь солнце не могло им ничего сделать. И хотя корабль беспомощно летел в пустынную ночь межзвездной пучины,

они не сомневались, что их выручат через несколько дней.

Ирония судьбы. Еще вчера они были спасателями, спешили на выручку уже не существующего народа... В который раз мысли Альверона обратились к погибшему миру. Он тщетно пытался представить себе его в расцвете, когда улицы городов бурлили жизнью. Какими бы примитивными ни были эти люди, они тоже могли бы сделать свой вклад в сокровищницу вселенной. Если бы только удалось связаться с ними! Но поздно жалеть; задолго до прибытия спасателей земляне сами себя погребли в железном ядре своей планеты. Теперь они и их культура навсегда останутся загадкой.

Альверон обрадовался, когда вошел Ругон и нарушил течение его мыслей. С той самой минуты, как они покинули солнечную систему, начальник связи был поглощен одним делом: он старался разобрать программы, переданные станцией, которую открыл Орострон. Задача не очень трудная, но понадобилась специальная аппаратура, на создание ее ушло некоторое время.

— Так что вы обнаружили? — спросил Альверон.

— Кое-что удалось выяснить, — ответил его товарищ. — Но тут кроется загадка, которую я не могу понять. Мы быстро выяснили характер видеопередачи и смогли преобразовать импульсы для нашей аппаратуры. Похоже, что по всей планете в узловых точках были установлены камеры. Некоторые стояли в городах, на крышах высоких зданий. Они непрерывно вращались, показывая панораму. В записанных нами программах можно различить около двух десятков различных ландшафтов.

Но сверх того шли еще какие-то передачи — не звуковые и не видео. Похоже, что передавались чисто научные данные, может быть, показания приборов или что-то в этом роде. Одновременно на нескольких частотах. Но ведь для чего-то это передавалось! Орострон по-прежнему считает, что люди, уходя, попросту забыли выключить станцию. Однако очень уж программы необычные! Я уверен, что прав Клартен, речь

идет о межпланетной связи. При последней проверке на остальных планетах вообще не было жизни; значит, только народ этой планеты мог выйти в космос. Вы согласны?

Альверон жадно слушал его.

— Да, все это звучит убедительно. Но ведь мы знаем, что канал передачи не был направлен ни на одну из планет системы. Я сам проверял.

— Знаю, — ответил Ругон. — И хочу понять, почему мощная межпланетная релейная станция передавала виды гибнущей планеты — кадры, представляющие небывалый интерес для ученых и астрономов. Кто-то вложил огромный труд, чтобы установить все эти панорамирующие камеры. Я уверен, это четко направленная передача.

Альверон вскочил со стула.

— Вы думаете, была еще одна не обнаруженная нами планета на краю системы? — спросил он. — Но ваша гипотеза заведомо неверна. Излучение станции вообще не лежало в плоскости солнечной системы. И даже если бы лежало — взгляните.

Он включил видеоэкран и покрутил ручки настройки. На фоне бархатного занавеса космоса висел белоголубой шар, как бы составленный из множества концентрических оболочек раскаленного газа. Хотя на таком расстоянии нельзя было различить движения, было очевидно, что шар расширяется с огромной скоростью. В центре его сверкала ослепительная точка: белый карлик, в которого превратилось солнце.

— Вы, очевидно, не представляете себе размеров этого шара, — сказал Альверон. — Вот, смотрите.

Он прибавил увеличение так, что на экране оказалась только средняя часть новой. У самого ядра, по обе стороны, виднелись два сгустка.

— Это две гигантские планеты системы. Они еще существуют в каком-то ином облике. А до них от солнца было несколько сот миллионов миль. Новая продолжает расширяться, а ведь ее размеры уже вдвое превосходят поперечник солнечной системы.

Ругон не сразу ответил.

— Может быть, вы и правы, — заговорил он на-

конец. — Моя гипотеза не годится. И все-таки это ничего не объясняет.

Он быстро заходил по отсеку. Альверон терпеливо ждал. Он знал, как сильна интуиция его товарища, который часто решал задачи, неподвластные чистой логике.

И вот снова зазвучала неторопливая речь Ругона.

— Что вы скажете об этом? — начал он. — Предположим, что мы совсем недооценили этот народ! Ведь ошибся же Орострон, когда решил, что раз они знали радио всего два столетия, значит, не доросли до межпланетных полетов. Мне рассказал это Хансур-2. Может быть, все мы ошибаемся. Я просмотрел материал, который Клартен собрал на радиостанции. Ему это показалось не бог весть каким достижением, но для такого короткого срока это замечательно! На станции были устройства, какие мы видим у несравненно более развитых народов. Альверон, нельзя ли проследить направление передачи до конца и проверить, кому она адресована?

Альверон задумался. Не то чтобы вопрос Ругона застиг его врасплох, но ответить на него нелегко... Главные двигатели окончательно вышли из строя, чинить их бесполезно. Но запас энергии остался, а значит, можно что-то придумать. Придется импровизировать и совершить довольно сложные маневры, так как корабль по-прежнему летит с огромной скоростью. Да, это возможно, и хорошо отвлечь команду делом, чтобы не падали духом из-за этой неудачи. А тут еще выяснилось, что ближайший корабль с техниками сможет подойти к ним только через три недели...

Инженеры, как обычно, дружно сказали «нет». И, как обычно, справились с работой за половину того срока, который сначала отвергли как абсолютно нереальный. Мало-помалу, очень медленно корабль начал сбавлять ход. Описав огромную дугу с радиусом в миллионы миль, К.9000 изменил курс, и картина созвездий вокруг преобразилась.

Три дня ушло на этот маневр, но в конце концов корабль лег на курс, параллельный лучу, который ле-

тел с Земли. Они неслись в пустоту, все больше удаляясь от ослепительной сферы, когда-то бывшей солнцем. С точки зрения межзвездных полетов они почти не двигались с места.

Ругон часами сидел над своими приборами, прощупывая космос впереди электронными лучами. На много световых лет — ни одной планеты... Иногда Альверон заходил к нему в отсек и всякий раз слышал один и тот же ответ:

— Ничего нового.

Интуиция подводила Ругона в одном случае из пяти; он уже спрашивал себя: не выдался ли как раз такой случай?

А через неделю стрелки массдетекторов метнулись к концу шкалы и остановились там, чуть дрожа. Ругон никому, даже капитану, ничего не сказал. Он хотел полной уверенности и дождался, когда ожили локаторы ближнего действия и на видеоэкране появилось первое смутное изображение. Но и после этого он терпеливо ждал, пока не удалось разобрать смысла картинки. И только убедившись, что действительность превзошла его самые смелые догадки, он пригласил в отсек связи своих товарищей.

На видеоэкране была обычная картина безбрежного звездного простора — солнце за солнцем до рубежа изведанной вселенной. У центра экрана расплылось тусклое пятнышко далекой туманности.

Ругон прибавил увеличение. Звезды ушли за край экрана, маленькая туманность заполнила его целиком и перестала быть туманностью. Дружный возглас удивления вырвался у всех, кто был в отсеке.

В космосе, на много миль, в огромном четком строю, словно армия на марше, протянулись шеренги, колонны тысяч светящихся палочек. Они быстро перемещались, но держали строй, словно единое целое, словно литая решетка. Вот она сместилась к краю экрана, и Ругон снова взялся за ручки настройки.

Наконец он заговорил.

— Перед нами народ, — мягко сказал он, — который знает радио только двести лет, народ, о котором мы решили, что он ушел в недра планеты, чтобы

там погибнуть. Я рассмотрел эти предметы с предельным увеличением. Это величайший флот, о каком мы когда-либо слышали. Каждая световая точка — корабль, притом больше нашего. Конечно, они очень примитивны; то, что мы видим на экране, — пламя их ракет. Да, они отважились выйти на ракетах в межзвездное пространство! Вы понимаете, что это значит! Понадобятся столетия, чтобы дойти до ближайшей звезды. Очевидно, весь народ Земли отправился в это путешествие, надеясь, что их далекие потомки завершат его.

Чтобы оценить все величие их подвига, вспомните, сколько веков потребовалось нам, чтобы покорить космос, и сколько еще прошло, прежде чем вы вышли к звездам. Даже под угрозой гибели — сумели бы мы столько свершить в такой короткий срок? Ведь это одна из самых молодых цивилизаций вселенной! Четыреста лет назад ее еще не было. Чем она станет через миллион лет?

Час спустя Орострон отчалил от парализованного К.9000, чтобы вступить в контакт с идущей впереди великой армадой. Его маленькая торпеда быстро затерялась среди звезд. Альверон проводил ее взглядом и повернулся к Ругону. И тот услышал слова, которые запомнились ему на много лет.

— Интересно, что это за народ? — произнес Альверон. — Народ удивительных инженеров, но без философии, без искусства? Появление Орострона будет для них великой неожиданностью и ударит по их самолюбию... Странно, как упорно все изолированные цивилизации считают себя единственными представителями разумной жизни во вселенной. Но эти люди должны быть благодарны нам: мы сократим их путешествие на много веков.

Альверон посмотрел на Млечный Путь — словно серебристая мгла дорожкой пересекла экран. И жестом обрисовал всю галактику от Центральных Планет до одиноких солнц Кромки.

— Знаешь, — сказал он Ругону, — я даже побаиваюсь этих людей. Вдруг им не понравится наша маленькая Федерация?

И он снова указал на звездные скопления, которые лучились сиянием несчетного множества солнц.

— Что-то подсказывает мне, что это очень энергичный народ, — добавил он. — Лучше быть с ними повежливее. Ведь наше численное превосходство не так уж велико, всего миллиард против одного...

Рутон рассмеялся в ответ на шутку капитана.

Двадцать лет спустя эти слова уже не казались смешными.

ногочисленны и удивительны миры, плывущие подобно пузырькам пены по Реке Времени. Иные, их очень мало, движутся против или поперек течения; еще меньше таких, что находятся вне его пределов и не ведают ни будущего, ни прошлого. Маленькая вселенная Шервана в их число не входила, ее своеобразие было иного рода. Она насчитывала всего один мир — планету племени Шервана — и одну лишь звезду, великое солнце Трилорн, дающее планете свет и жизнь.

Шерван не знал, что такое ночь, ибо Трилорн всегда парил высоко над горизонтом, спускаясь к нему только в долгие зимние месяцы. Правда, в Стране Вечной Тени каждый год бывала пора, когда Трилорн исчезал за краем планеты и наступала тьма, в которой ничто не могло жить. Но и тогда мрак не был полным, хоть и не было звезд, чтобы его рассеять.

Один в своей маленькой вселенной, вечно обращенный одной и той же стороной к своему одинокому солнцу, мир Шервана был последней и наиболее странной причудой творца звезд.

И однако же, мысли, которые наполняли голову Шервана, когда он глядел на землю своего отца, могли родиться в сознании любого из детей человеческого рода. Он ощущал благоговение, и любопытство, и немного страха, но надо всем преобладало стремление изведать огромный мир, окружающий его. Пока он был слишком юн для этого, но старинный дом стоял на самой высокой на много миль вокруг точке,

и во все стороны открывался вид на край, которым ему владеть. Если повернуться лицом на север, к Трилорну, то вдаль можно было разглядеть длинную гряду гор, которые уходили вправо, становясь все выше и выше, пока не терялись в даях за его спиной — там, где начиналась Страна Вечной Тени. Когда-нибудь, став постарше, он пройдет через эти горы, через перевал, что ведет в обширные страны востока.

Слева — всего несколько миль — океан; иногда Шерван слышал даже рокот волн, катящихся на пологий песчаный берег. Никто не знал, как далеко протянулся океан. Корабли выходили в его просторы и плыли на север, но Трилорн все выше поднимался на небе, все сильнее и сильнее становился жар его лучей. И задолго до того, как могучее солнце достигало зенита, кораблям приходилось поворачивать вспять. Так что, если мифическая Огненная Страна и впрямь существует, никому не суждено достичь ее пылающих берегов. Правда, есть легенды, они говорят, будто некогда были быстроходные металлические суда, которые могли пересечь океан наперекор палящим лучам Трилорна и достигнуть земель на том краю света. Теперь туда можно попасть только после долгого нутешествия по суше и по морю, а если пожелаешь хоть немного сократить путь, надо следовать севернее, насколько хватит отваги.

Все обитаемые земли мира Шервана лежали в узком поясе между палящим зноем и нестерпимым холодом. В каждой стране крайний север — это неприступная область, опаленная гневом Трилорна. А к югу от всех государств раскинулась огромная и мрачная Страна Вечной Тени, где Трилорн — всего лишь бледный диск над самым горизонтом, а то и вовсе нет его.

Все это Шерван узнал в годы своего детства, и в ту пору его не влекло за пределы обширной страны между горами и океаном. Издревле его предки и предшествовавшие им племена упорно трудились, стремясь сделать эти земли самыми прекрасными на свете, и они добились своего — или почти добились. Удивительные цветы украшали сады; лаская мшистые утесы, тихо журчали потоки, которые вливались в прозрачное, не

ведающее приливов море. Поля шелестели колосьями на ветру, словно поколения еще не родившихся семян перешептывались между собой. На просторных лугах и под сенью деревьев, мыча и блея, лениво бродили послушные стада. А еще был большой дом с огромными залами и бесконечными коридорами, который ребенку казался исполинским. Вот в каком мире рос Шерван, какой мир он знал и любил. И то, что находилось за родными рубежами, его пока не занимало.

Но мир Шервана был подвластен времени. Урожай созревал, и хлеб засыпали в амбары; Трилорн медленно плыл по своей короткой небесной дуге; сменялись времена года, крепили тело и дух Шервана. Теперь родной край уже не казался ему таким огромным, горы подступили ближе, и до океана было рукой подать от большого дома. Он начал познавать мир, в котором жил, готовясь исполнить предназначенную ему роль в судьбах этого мира.

Кое-что ему поведал отец, Шервал, но главным наставником был Грейл, который пришел из-за гор в дни отца его отца и воспитал уже три поколения в их роду. Мальчик привязался к Грейлу (хоть было много такого, чему он учился без всякой охоты), и годы детства текли безмятежно. Но вот настала пора Шервану отправиться через горы в соседнюю землю. Много веков назад его род пришел из великих стран востока, и с тех пор в каждом поколении старший сын совершал туда паломничество, проводя год юности среди сородичей. Это был мудрый обычай, потому что в стране за горами еще сохранили память о знаниях, коими обладали древние; к тому же можно было встретить людей из других земель, изучить их обычаи.

Весной того года, когда пришел срок сыну отправляться в путь, Шервал призвал к себе трех слуг, взял несколько животных (назовем их для простоты лошадьми) и поехал вместе с Шерваном в те части родной страны, которых юноша еще не знал. Сперва они ехали на запад, потом, спустившись к морю, много дней следовали вдоль берега. Трилорн заметно приблизился к горизонту, но они продолжали путь на юг, и тени у их ног становились все длиннее и длиннее. И

только когда лучи солнца, казалось, вовсе утратили свою силу, путники повернули на восток. До Страны Вечной Тени оставалось совсем немного, и было бы неразумно ехать дальше на юг, пока не наступило лето.

Шерван ехал рядом с отцом, жадно рассматривая все новые ландшафты с любопытством мальчика, который впервые попал в незнакомую страну. Отец говорил ему о почве, о том, какие злаки можно здесь выращивать, а какие не привьются. Но мысли Шервана были заняты другим — он смотрел туда, где начинались пустынные земли Страны Вечной Тени, пытаясь представить себе, далеко ли она простирается и какие тайны хранит.

— Отец, — заговорил он наконец, — если ехать на юг все прямо и прямо, через Страну Вечной Тени, попадешь на противоположную сторону мира?

Отец улыбнулся.

— Люди много веков задают себе этот вопрос, — сказал он. — Но есть две причины, из-за которых им никогда не узнать ответа.

— Какие причины?

— Во-первых, разумеется, мрак и холод. Даже здесь никто и ничто не может жить зимой. Но есть и более веская причина, хотя Грейл, насколько я понимаю, не говорил тебе о ней.

— Кажется, не говорил, во всяком случае, я не припомню.

Шервал помолчал. Привстав в стременах, он обвел взглядом земли, простершиеся к югу.

— Когда-то я хорошо знал эти места, — сказал он, наконец, Шервану. — Поедем, я тебе кое-что покажу.

Они свернули с тропы и несколько часов ехали спиной к солнцу. Местность постепенно повышалась, и Шерван увидел, что они поднимаются вдоль гребня вершины, которая напоминала кинжал, нацеленный в самое сердце Страны Вечной Тени. Стало слишком круто для их коней, тогда они соскочили на землю и оставили животных на попечение слуг.

— Можно обойти кругом, — объяснил Шервал, — но лезть напрямик быстрее, чем вести коней в обход.

Вершина была хоть и крутая, но не очень высокая,

и они за несколько минут поднялись на нее. Сперва Шерван не заметил ничего необычного: та же самая, дикая пересеченная страна, только чем дальше от Трилорна, тем мрачнее и суровее.

Он в замешательстве повернулся к отцу, но Шервал поднял руку, указывая на юг, и пальцем отчеркнул линию горизонта.

— Это не сразу рассмотришь, — тихо произнес он. — Мой отец показал мне как раз отсюда, за много лет до того, как ты родился.

Напрягая зрение, Шерван всматривался в сумрак. Небо на юге было темное, почти черное там, где встречалось с краем земли. А впрочем, нет, не встречалось: вдоль горизонта, разделяя небо и землю, широкой дугой протянулась полоса еще более густого мрака, черная, как ночь, которой Шерван не знал.

Долго и пристально глядел он на эту полосу, и, видимо, в душу Шервана вкралось предчувствие, потому что угрюмый край вдруг словно ожил, маня его. И когда он, наконец, оторвал взгляд от черной полосы, то — хоть и был слишком юн, чтобы истолковать загадочный зов, — знал: отныне все будет представляться ему в ином свете.

Ранней весной он простился с родными и в сопровождении слуг направился через горы в великие страны восточного мира. Здесь Шерван встретил людей одной с ним крови, и здесь он изучил историю своего народа, узнал искусства и ремесла, уходящие корнями в древность, науки, направляющие жизнь людей. В местах учения он завязывал дружбу с юношами, что были из стран, лежащих еще дальше на восток; дружба была короткой, но одному из этих молодых людей суждено было сыграть неожиданно большую роль в жизни Шервана.

Отец Брейлдона был прославленный водчий, однако сын явно готовился превзойти его. Он путешествовал из страны в страну и неустанно учился, наблюдал, задавал вопросы. И хотя он был всего несколькими годами старше Шервана, но бесконечно больше него знал о мире — во всяком случае, так казалось Шервану.

Беседуя, они весь мир разбирали на составные части и собирали вновь так, как хотелось им. Брейлдон мечтал о городах с широкими проспектами и величественными башнями, которые затмят все чудеса прошлого; Шервана занимала судьба людей, которым предстояло населять эти города, устройство их жизни.

Они часто говорили о Стене; Брейлдон знал о ней из преданий своего народа, но сам ее не видел. Далеко-далеко на юге, за всеми странами — как в этом убедился Шерван — тянется она подобно могучему барьеру, окаймляя Страну Вечной Тени. Летом можно ее достигнуть, хотя и с превеликим трудом, но проникнуть за Стену невозможно, и никому не ведомо, что лежит за ней. Сама будто целый мир, сплошная, без единого уступа, стократ выше человека, она пересекает неприветливое море, омывающее берега Страны Вечной Тени. Путники, едва согреваемые последними бледными лучами Трилорна, достигали этих пустынных берегов и видели, как Стена вздымается из воды, равнодушная к волнам, омывающим ее подножье. И на других далеких берегах другие путники видели, как она шагает через океан, смыкаясь в сплошное кольцо в своем кругосветном обхвате.

— Один из братьев моего отца, — рассказывал Брейлдон, — в молодости доходил до Стены. Он побился об заклад и десять дней ехал верхом, чтобы достичь ее. Огромная, холодная, она вызвала в нем страх. Он не мог сказать, из металла она или из камня, и, когда он кричал, эха не было, звук голоса затухал, словно Стена его поглощала. У нас есть поверье, что там край света и дальше ничего нет.

— Будь это так, — возразил Шерван очень рассудительно, — океан хлынул бы через край, прежде чем построили Стену.

— А если Стену воздвиг Кайрон, когда сотворил мир?

Но Шерван стоял на своем:

— У нас верят, что Стена создана людьми, возможно мастерами времен Первой Династии, они ведь делали такие замечательные вещи. Если у них и вправду были корабли, способные достигнуть Огненной Стра-

ны — даже летать! — они, наверное, обладали достаточной мудростью, чтобы построить Стену.

Брейлдон пожал плечами.

— Видимо, у них была на то причина, — сказал он. — Но мы все равно не узнаем ответа, так зачем ломать себе голову?

Шерван уже успел убедиться, что у обыкновенных людей он, кроме этого разумного практического совета, ничего не почерпнет; только мыслителей занимают вопросы, на которые нет ответа. Большинство людей совершенно безучастно относились к загадке Стены, как и к загадке жизни. А философы, коих он встречал, отвечали ему каждый по-своему.

Начать с Грейла, к которому он обратился, возвратившись из Страны Вечной Тени. Старик спокойно поглядывал на Шервана и сказал:

— За Стеной, насколько мне известно, кроется только одно — безумие.

Был он и у Артекса, древнего старца, который едва расслышал взволнованный голос юноши. Старец долго смотрел на Шервана из-под опущенных век, чересчур утомленных, чтобы открываться полностью, наконец ответил:

— Кайрон воздвиг Стену на третий день сотворения мира. А что за ней, мы узнаем, когда умрем, ибо туда уходят души умерших.

Однако Ирген, живший в том же городе, сказал совсем иное.

— Только память может ответить на твой вопрос, сын мой. Ибо за Стеной находится страна, где мы обитали до нашего рождения.

Кому верить? Ясно: ответ не известен никому из них. Даже если его когда-то знали, это знание утрачено много веков назад.

Но хотя поиски Шервана были бесплодными, он приобрел немало знаний за год учения. И когда вновь наступила весна, он попрощался с Брейлдоном и другими друзьями, с которыми только-только успел сблизиться, и по древней дороге направился домой, на родину. Опять совершил он трудный переход через высокий перевал в горах, где сверху угрожающе свисали

глыбы льда. Дальше Шерван достиг того места, откуда извилястая дорога снова шла под уклон, спускаясь к людям. Здесь было тепло, струились шумные потоки и не перехватывало дыхание от морозного воздуха, и отсюда, с уступа, после которого дорога устремлялась вниз, в долину, открывался вид на предгорья и на равнину, вплоть до мерцающего вдали океана. И там, у края неба, взгляд Шервана различил во мраке смутную тень — его родину.

Он спускался по могучему каменному ребру, пока не достиг моста, перекинутого людьми через теснину еще в древности, когда землетрясение разрушило единственную в этих горах дорогу. Но мост исчез: весенние бури и лавины снесли одну из могучих опор, и чудесная металлическая радуга обратилась в груды лома, омываемую неистовым пенистым потоком на дне тысячефутовой пропасти. Только к концу лета путь будет открыт опять... Поворачивая обратно, опечаленный Шерван знал, что пройдет еще год, прежде чем он сможет увидеть родной дом.

Долго простоял он на верхнем изгибе дороги, глядя на недостигаемую страну, где находилось все, что дорого его сердцу. Но вот сгустившийся туман скрыл ее, и Шерван решительно двинулся к перевалу. Равнина исчезла из виду, снова его со всех сторон обступили горы.

Брейлдон был еще в городе, когда вернулся Шерван; он удивился и обрадовался, увидев друга. Вместе они обсудили, чем заполнить предстоящий год. Родичи Шервана успели привязаться к своему гостю и были только рады ему, однако он без воодушевления выслушал их совет еще год посвятить учению.

Замысел Шервана постепенно созрел вопреки всем препятствиям. Даже Брейлдон на первых порах колебался, и понадобились долгие уговоры, чтобы привлечь его на свою сторону. Зато после этого нетрудно было добиться согласия всех остальных, от кого зависел успех.

Близилось лето, когда двое юношей выехали в путь, направляясь в страну Брейлдона. Они торопили коней, потому что путь был долгий и его надо было завершить

до того, как Трилорн начнет клониться к горизонту, возвещая приход зимы. Достигнув мест, знакомых Брейлдону, они стали расспрашивать жителей, и те сперва только кивали, но в конце концов дали точные ответы, и вскоре друзья очутились в Стране Вечной Тени. А затем Шерван во второй раз в жизни увидел Стену.

Когда она предстала их глазам, высясь над пустынной, скудной равниной, то казалось — до нее не так уж далеко. Однако пришлось еще очень долго ехать по равнине, прежде чем Стена заметно приблизилась. Зато потом вдруг оказалось, что они почти у ее подножья; невозможно было определить расстояние, пока не подойдешь вплотную к Стене.

Глядя на черную поверхность, столь сильно занимавшую его мысли, Шерван чувствовал, что она словно нависает над ним, готовая упасть и сокрушить его своей тяжестью. Лишь с трудом оторвал он взгляд от гипнотического зрелища и подъехал еще ближе, чтобы понять, из чего сложена Стена.

Как и говорил ему Брейлдон, она была холодная на ощупь, холоднее, чем можно было ожидать. Не мягкая и не твердая; ее покров каким-то непонятным образом ускользал от осознания. У Шервана было такое чувство, будто что-то мешает ему по-настоящему дотронуться до поверхности: и, однако же, он не видел никакого просвета между Стеной и своими пальцами, когда прижимал их к ней. Всего удивительнее была жуткая тишина, о которой рассказывал дядя Брейлдона: каждое слово тонуло, всякий звук затухал с неестественной быстротой.

Брейлдон снял с вьючных коней привезенный инструмент и принялся исследовать поверхность Стены. Очевидно скоро он убедился, что ни сверло, ни долото не оставляют на ней никакого следа. И Брейлдон согласился с Шерваном: Стена не только несокрушима — она недостижима.

С досадой взял он, наконец, совершенно прямую металлическую линейку и приложил ее ребром к Стене. Шерван зеркалом направил на черту соприкосновения отраженный свет тускнеющего Трилорна, а

Брейлдон смотрел с другой стороны линейки. Так и есть: чрезвычайно тонкая сплошная полоска света просачивалась между двумя поверхностями.

Брейлдон задумчиво взглянул на друга.

— Шерван, — сказал он, — мне кажется, Стена сделана из неизвестной материи.

— Тогда, быть может, правы легенды, говоря, что ее никто не воздвигал, что она сразу появилась в таком виде.

— Мне тоже так кажется, — ответил Брейлдон. — Мастера Первой Династии могли решать такие задачи. В моей стране есть очень древние здания, будто разом отлитые из вещества, на котором незаметно никаких следов износа. Будь они черные, а не цветные, я бы сказал, что тот материал очень похож на вещество Стены.

Он убрал бесполезный инструмент и стал устанавливать простой переносный теодолит.

— Если больше ничего не выходит, — сказал он, криво усмехаясь, — то хоть ее высоту определяю!

Когда они, возвращаясь, в последний раз оглянулись на Стену, Шерван думал о том, что вряд ли увидит ее вновь. Больше ничего не выведаешь, остается только забыть свою нелепую мечту когда-нибудь раскрыть ее секрет... А может быть, никакого секрета и нет, может быть, за Стеной снова тянется Страна Вечной Тени, огибая планету, пока с другой стороны опять не упрется в Стену. Да, скорее всего так и есть. Но если это так, то зачем она сооружена и кем?

Усилием воли, чуть ли не сердясь, он отогнал прочь эти мысли и прищипорил коня навстречу Трилорну, размышляя о будущем, в котором Стене отводилось не больше места, чем в жизни любого человека.

Итак, два года минуло, прежде чем Шерван смог вернуться на родину. За два года, особенно когда вы молоды, многое забывается, тускнеют даже самые дорогие сердцу образы, и трудно представить их себе отчетливо. Когда Шерван, выехав из предгорий, вновь очутился в стране своего детства, радость смешивалась

в его душе со странной печалью. Забыто много такого, что некогда казалось ему навеки запечатленным в памяти...

Весть о возвращении Шервана опередила его, и вот уже он видит вдали скачущих навстречу коней. Он и сам поехал быстрее, падеясь, что это Шервал; оказалось, однако, что кавалькаду возглавляет Грейл.

Шерван остановил коня, как только старик поравнялся с ним. Грейл положил руку юноше на плечо, но отвернулся и заговорил не сразу.

Вот когда Шерван узнал, что прошлогодние бури разрушили не только мост: молния разбила вдребезги его отчий дом. Задолго до назначенного часа все земли, принадлежавшие Шервалу, перешли во владение сына. И не только они: ведь пламя пало на большой дом, когда в нем собрались на ежегодную встречу все члены семьи. Так в одно мгновение весь край от гор до океана стал собственностью Шервана. Он оказался самым богатым человеком на памяти людей — и все это богатство Шерван охотно отдал бы за то, чтобы еще раз взглянуть в спокойные серые глаза отца, которого ему не суждено было больше увидеть.

Трилорн уже много раз совершил свой годичный путь в небесах с тех пор, как Шерван на дороге у подножья гор расстался с детством. Все эти годы страна процветала; земли, что вдруг перешли к Шервану, постоянно росли в цене. Он рачительно управлял ими, и теперь у него снова появилось время мечтать. Больше того, он располагал средствами, чтобы осуществить свою мечту.

Из-за гор часто доходили вести о работах, которыми руководил Брейлдон в стране на востоке, и, хотя друзья юности не встречались, они постоянно обменивались посланиями. Брейлдон достиг заветных целей: не только начертил планы двух крупнейших зданий, воздвигнутых со времен древности, но задумал построить целый город — правда, он не рассчитывал, что это будет завершено при его жизни. Слыша все эти новости, Шерван вспоминал мечты своей юности, и мысли

его вновь и вновь обращались к тому дню, когда друзья стояли вместе перед могучей Стеной. Долго он боролся сам с собой, боясь понапрасну пробудить старые стремления. Но в конце концов решился и написал письмо Брейлдону; ибо что толку от могущества и богатства, если их не использовать для осуществления своей мечты?

И Шерван стал ожидать ответа, беспокоясь: уж не забыл ли Брейлдон за все эти годы, увенчавшие его славой, о былом. Ему не пришлось ждать долго. Брейлдон сообщил, что не может прибыть тотчас, нужно довести до конца большие работы, но, как только они будут завершены, он приедет. Шерван задал ему достойную задачу — ее выполнение сулило зодчему высшую радость, какую ему когда-либо довелось испытать.

Брейлдон прибыл в начале лета; Шерван встречал на дороге ниже моста. Они были юношами, когда расстались, теперь уже почти достигли средних лет, и все-таки, приветствуя друг друга, оба чувствовали себя так, словно и не было долгой разлуки, и каждый, глядя на друга, втайне радовался тому, сколь бережно Время коснулось знакомых черт.

Много дней они совещались, обсуждая составленный Брейлдоном план. Замысел был обширнейший, рассчитанный на много лет упорного труда, но вполне доступный для столь богатого человека, как Шерван. Прежде чем сказать последнее слово, он повел друга к Грейлу.

Старик уже несколько лет жил в маленьком доме, который построил для него Шерван. Он давно отделился от высших кругов, однако всегда был готов помочь советом, и советы его оставались неизменно мудрыми.

Грейл знал, для чего приехал Брейлдон, и не удивился, когда архитектор развернул перед ним свои чертежи. На самом большом чертеже был намечен профиль Стены, а рядом с ней от подножья возвышалась огромная пологая лестница. В шести местах, разделенных совершенно равным расстоянием, наклонная плоскость переходила в просторные площадки; последняя из них немного не достигала верхней кромки Стены. По всей длине лестницы отходило десятка два арку-

танов, которые сперва показались Грейлу чересчур тонкими и хрупкими. Но затем он понял, что могучее сооружение будет главным образом опираться на собственное основание, а с одной стороны сама Стена примет на себя боковой распор.

Некоторое время он молча разглядывал чертеж, наконец негромко заметил:

— Ты всегда умел настоять на своем, Шерван. Я должен был предвидеть, что кончится этим...

— Значит, ты одобряешь наш замысел? — спросил Шерван.

Он никогда не шел наперекор советам мудрого старца, и на этот раз ему хотелось получить его одобрение. Как обычно, Грейл заговорил о главном:

— Сколько это будет стоить?

Брейлдон ответил, на мгновение воцарилась выразительная тишина.

— Сюда входит, — поспешно добавил архитектор, — стоимость хорошей дороги через Страну Вечной Тени и жилищ для работников. Лестница будет сложена примерно из миллиона больших одинаковых кирпичей. Если тщательно подогнать их, получится очень прочно. Я рассчитываю, что сырье для кирпичей мы найдем в Стране Вечной Тени. — Он тихо вздохнул. — Конечно, я предпочел бы лестницу из соединенных вместе железных брусьев, но это станет еще дороже, ведь придется все железо везти из-за гор.

Грейл изучил чертеж более тщательно.

— Почему вы останавливаетесь, не доходя кромки? — спросил он.

Брейлдон перевел взгляд на Шервана, который ответил с некоторым замешательством:

— Я хочу один подняться на Стену. Последний кусок преодолею на подъемнике, мы установим его на верхней площадке. Один потсму, что дальше может оказаться опасно.

Это была не единственная причина, но достаточно веская. За Стеной, как однажды сказал Грейл, человека подстерегает безумие. Если это так, незачем еще кому-то подвергать себя опасности.

Снова заговорил Грейл спокойным, чуть ли не сонным голосом:

— В таком случае твой замысел не назовешь ни хорошим, ни дурным, ибо речь идет о тебе одном. Если Стену соорудили, чтобы от чего-то оградить наш мир, с той стороны все равно ничто не проникнет.

Брейлдон кивнул.

— Мы это предусмотрели, — произнес он не без гордости.

— Если понадобится, лестницу можно мгновенно уничтожить: мы заложили в самых уязвимых местах взрывчатое вещество.

— Хорошо, — ответил старик. — Хотя я и не верю всем этим рассказам, лучше быть начеку. Надеюсь, я еще буду жив, когда вы закончите работу. А теперь попытаюсь вспомнить, что я слышал о Стене, когда был таким же молодым, каким был ты, Шерван, когда впервые спросил меня о ней.

Еще до начала зимы провели дорогу к Стене и начали строить жилища для работников. Большую часть того, в чем нуждался Брейлдон, было легко раздобыть, в Стране Вечной Тени было изобилие всякого камня. Он успел также обмерить Стену и выбрать место для лестницы. И к тому времени, когда Трилорн стал спускаться к горизонту, Брейлдон с удовлетворением подвел итог сделанному.

К следующему лету были изготовлены, испытаны и одобрены Брейлдоном первые большие кирпичи; в том же году их сделали несколько тысяч и до зимы начали класть основание. Брейлдон оставил за себя надежного человека и возвратился на родину к прерванным там работам. Когда будет приготовлено вдоволь кирпичей, он приедет опять, а до тех пор в его надзоре нет нужды.

Шерван дважды или трижды в год отправлялся верхом к Стене, наблюдал, как вырастают пирамиды готовых кирпичей. А через четыре года вместе с ним туда снова приехал Брейлдон. Вдоль Стены поползли вверх ряды кладки, один за другим изогнулись в воздухе

стройные аркбутаны. Поначалу лестница росла медленно, но чем уже она становилась, тем быстрее тянулась вверх. Третью часть года длился вынужденный перерыв, и в тревожные зимние месяцы Шерван не раз стоял возле рубежей Страны Вечной Тени, прислушиваясь к бешеному вою ветра в гулком мраке. Но Брейлдон строил надежно, и каждую весну оказывалось, что постройка стоит невредимая, точно она готовилась поспорить незыблемостью с самой Стеной.

Последние кирпичи легли на место через семь лет после начала работ. Стоя в миле от Стены, чтобы видеть постройку в целом, Шерван с удивлением думал о том, что все это вышло из нескольких чертежей, которые показывал ему Брейлдон. И он ощутил нечто вроде того, что испытывает художник, осуществив заветный замысел. А еще он вспомнил день, когда мальчиком, стоя рядом с отцом, впервые увидел Стену вдаль, на фоне сумеречного неба Страны Вечной Тени.

Верхняя площадка была огорожена, но Шерван не стал подходить к краю. Стараясь не думать о головокружительной высоте, он помог Брейлдону и работникам установить несложный подъемник, который должен был поднять его на остающиеся двадцать футов. И когда все было сделано, Шерван стал на платформу и, призвав на помощь все свое самообладание, повернулся к друзьям.

— Я всего на несколько минут, — сказал он с напускной небрежностью. — Что бы я ни нашел, вернусь немедленно.

Мог ли он знать, что у него просто не будет выбора.

Грейл к этому времени уже почти ослеп и не надеялся дожить до следующей весны. Но он узнал приближающиеся шаги и окликнул Брейлдона по имени прежде, чем тот успел заговорить.

— Я рад, что ты пришел, — сказал он. — Я размышлял обо всем, что вы мне говорили, и мне кажется, я теперь знаю истинный ответ. Возможно, и вы его уже угадали.

— Нет, — ответил Брейлдон. — Я боялся об этом думать.

Старик чуть улыбнулся.

— Зачем бояться чего-то лишь потому, что оно необычно? Стена замечательна, но в ней нет ничего страшного для того, кто готов бестрепетно бросить вызов ее тайне. Когда я был мальчиком, Брейлдон, мой старый учитель однажды сказал мне, что время не может уничтожить истину, может только скрыть ее под покровом легенд. Он был прав. Из всех мифов, повествующих о Стене, я извлек теперь зерна истины... Давным-давно, Брейлдон, в пору расцвета Первой Династии, Трилорн давал больше тепла, чем теперь, и Страна Вечной Тени была плодородна и обитаема — какой, возможно, станет Огненная Страна, когда Трилорн еще больше состарится и потускнеет. В то время никакая Стена не преграждала людям путь на юг. И многие, видимо, шли туда в поисках новых земель. А там с ними происходило то же, что с Шерваном, и у людей мутился рассудок. Число жертв было так велико, что ученые Первой Династии воздвигли Стену, чтобы обуздать безумие. Мне-то это кажется неправдоподобным, но легенды утверждают, будто Стена была создана в один день, без применения труда, из облака, которое опоясало весь мир...

Грейл впал в задумчивость, и Брейлдону не хотелось ему мешать. Мысленно он перенесся в далекое прошлое, и родная планета представилась ему в виде парящего в космосе шара, вдоль экватора которого сгустился созданный Древними обруч мрака. И хотя этот образ был неверен в самом главном, Брейлдон после так и не смог совершенно забыть его.

По мере того как уходили вниз последние футы Стены, Шервану пришлось собрать все свое мужество, чтобы не закричать: «Спускайтесь обратно!» Вспомнились страшные рассказы. Некогда он встречал их смехом, ибо в его роду не было суеверных, но вдруг они окажутся правдой, вдруг Стена и впрямь создана для того, чтобы скрыть от мира нечто ужасное?

Шерван попытался выбросить из головы подобные мысли — ему это удалось, когда он поднялся над верхней кромкой Стены. В первый миг Шерван никак не мог осмыслить картину, представшую его глазам, затем он понял, что перед ним непрерывная черная поверхность, но протяженность ее определить невозможно.

Подъемник остановился; Шерван с восхищением отметил, сколь точны были расчеты Брейлдона. А затем, еще раз сказав напоследок что-то успокоительное ожидающим внизу, он ступил на Стену и решительно зашагал вперед.

На первый взгляд плоскость казалась бесконечной, он не мог даже различить, где она смыкается с небом. Однако Шерван продолжал упорно идти вперед, обратившись спиной к Трилорну. Жаль, что нельзя узнать направление по собственной тени: она терялась во мраке под ногами.

Что-то не так, отметил Шерван, с каждым шагом кругом все темней и темней... Встревоженный, он обернулся назад и увидел, что диск Трилорна стал бледным и мутным, точно он смотрел на него через закопченное стекло. Но это еще не все: с нарастающим чувством тревоги Шерван понял, что *Трилорн меньше того солнца, которое он знал всю жизнь.*

Он сердито, упрямо тряхнул головой. Вздор, игра воображения. Все это настолько не отвечало всему его жизненному опыту, что страх каким-то образом исчез, и Шерван, еще раз оглянувшись на солнце, решительно пошел дальше.

Но когда Трилорн обратился в точку, и Шервана со всех сторон обступил густой мрак, пришла пора отбросить притворство. Более рассудительный человек тут бы и повернул обратно; Шерван, словно в кошмаре, увидел себя затерявшимся в вечном сумраке между землей и небом, бессильным одолеть обратный путь — путь к безопасности. Затем он вспомнил, что куда-то хоть немного виден Трилорн, ему ничего не грозит.

Уже не так бодро Шерван продолжал путь, поминутно озираясь на едва приметный свет. Диск Трилорна скрылся, на его месте осталось лишь слабое зарево

в небесах. И вдруг исчезла надобность в этом маяке: далеко впереди виднелся на небосводе другой свет.

Сперва Шерван уловил чуть заметное, неверное сияние, и, когда он удостоверился, что это не обман зрения, Трилорн окончательно погас. Но теперь он уже чувствовал себя увереннее. С каждым шагом свет становился ярче, и его страхи поумерились.

Когда он увидел, что идет навстречу другому солнцу, когда стало совершенно очевидно, что оно растет, как незадолго перед тем уменьшался Трилорн, Шерван заставил себя не удивляться. Сейчас — только наблюдать, запоминать. Осмысливать он будет потом. В конце концов можно же представить себе, что в его мире два солнца, каждое из которых освещает свою сторону мира.

Наконец Шерван сквозь мрак различил черную линию, обозначающую край Стены. Скоро он будет первым за много тысяч лет, если не вообще первым человеком, который увидит страну, отделенную Стеной от его мира. Так ли она прекрасна, как его родина, есть ли там люди, встреча с которыми принесет ему радость?..

Мог ли он предвидеть — кто и как его будет ждать!

Грейл протянул руку к шкафу и нащупал рукой большой лист бумаги, лежащий сверху. Брейлдон молча ждал; старик снова заговорил:

— Как часто все мы слышим суждения о протяженности вселенной, есть ли у нее границы! Космос представляется нам бесконечным, однако наша мысль восстает против представления о бесконечности. Некоторые философы предположили, что космос ограничен кривизной в некоем высшем измерении. Ты, конечно, слышал об этой догадке. Она верна, быть может, для других вселенных, если они существуют, для нас же ответ более прост. *Вдоль линии, обозначенной Стеной, Брейлдон, наш мир кончается — и не кончается.* Пока не воздвигли Стену, не было рубежа, не было ничего, что мешало бы идти вперед. Стена — барьер, созданный человеком и наделенный свойствами среды, в ко-

торой он расположен. Эти свойства всегда существовали, Стена не внесла ничего нового.

Он поднял лист бумаги вверх и медленно повернул его.

— Вот, — сказал он Брейлдону, — плоский лист. У него, разумеется, две стороны. *Можешь ты представить себе лист без двух сторон?*

Брейлдон удивленно воззрился на него.

— Это невозможно... смехотворно!

— Так ли? — мягко произнес Грейл.

Он еще раз протянул руку к шкафу, взял из ящика длинную полоску бумаги и обратил невидящий взгляд на молчаливо ожидающего Брейлдона.

— Мы не можем сравниться умом с людьми Первой Династии, но что они понимали прямо, мы можем постичь сопоставлением. Простой фокус, по видимости такой ненаучный, поможет тебе приблизиться к пониманию.

Он провел пальцами вдоль бумажной полоски, затем соединил ее концы так, что получилось замкнутое кольцо.

— Ты видишь нечто очень знакомое тебе — часть цилиндра. Я провожу пальцем с внутренней стороны... вот так. Теперь с наружной стороны. Две раздельные поверхности, перейти с одной стороны на другую можно только через толщину полоски. Согласен?

— Разумеется, — подтвердил Брейлдон, все еще озадаченный. — Но что это доказывает?

— Ничего, — ответил Грейл. — Однако смотри теперь...

Шерван сказал себе, что новое солнце — двойник Трилорна. Мрак совершенно рассеялся, и у него уже не было необъяснимого ощущения, будто он идет по бесконечной плоскости.

Шерван пошел медленнее, ему вовсе не хотелось вдруг очутиться на краю головокружительного обрыва. А затем на горизонте показались низкие холмы, такие же голые и бесплодные, как те, которые он оставил позади. Это его не обескуражило: ведь первое впечат-

ление от собственной страны было бы не более от-
радным.

И Шерван продолжал идти. Вдруг словно ледяная рука сжала его сердце, но он не остановился, как поступил бы на его месте менее храбрый человек. Полный прежней решимости, смотрел он на потрясающе знакомый ландшафт впереди... Вот и равнина, откуда он начал свое восхождение, вот огромная лестница, и вот, наконец, озабоченное лицо ожидающего его Брейлдона.

Грейл снова соединил вместе концы бумажной полоски, но сперва один раз перекрутил ее.

— Проведи теперь пальцем, — тихо сказал Грейл.

Брейлдон не стал этого делать, он и без того понял, что подразумевает старый мудрец.

— Я понимаю, — произнес он. — Больше нет двух отдельных плоскостей. Теперь — одна сплошная поверхность, *односторонняя плоскость*, хотя на первый взгляд это кажется совершенно невозможным.

— Да, — мягко ответил Грейл. — Я так и думал, что ты поймешь. *Односторонняя плоскость*. Может быть, тебе теперь ясно, почему в древних религиях так распространен символ перекрученной петли, хотя смысл ее был совершенно утрачен. Разумеется, это всего-навсего грубая, упрощенная аналогия, пример в двух измерениях того, что на деле существует в трех. Но это наибольшее приближение к истине, на какое способен наш разум.

Долго стояла задумчивая тишина. Грейл глубоко вздохнул и повернулся к Брейлдону, будто все еще мог видеть его лицо.

— Почему ты возвратился прежде Шервана? — спросил он, хотя отлично знал ответ.

— Мы вынуждены были сделать это, — печально произнес Брейлдон, — но я не мог смотреть, как разрушают мое творение...

Грейл сочувственно кивнул.

— Понимаю...

Шерван скользнул взглядом вверх вдоль длинной череды ступеней, по которым не суждено было больше ступать никому. Ему не в чем упрекнуть себя: он сделал все, никто на его месте не добился бы большего. Он победил, насколько тут вообще можно говорить о победе.

Он медленно поднял руку, подавая знак. Стена поглотила взрыв, как поглощала все звуки, но Шерван на всю жизнь запомнил неспешную грацию, с какой длинные пролеты кладки надломились и рухнули вниз. На миг ему с мучительной отчетливостью представилось странное видение: другая лестница, на глазах у другого Шервана, распадается на такие же обломки по ту сторону Стены.

Но он сам понимал, сколь нелепа эта мысль: ибо кто лучше его мог знать, что у Стены нет другой стороны.

Часто можно услышать, будто бы в наш век поточных линий и массового производства полностью изжил себя кустарь-умелец, искусный мастер по дереву и металлу, чьими руками создано столько прекрасных творений прошлого. Утверждение скороспелое и неверное. Разумеется, теперь умельцев стало меньше, но они отнюдь не перевелись совсем. И как бы ни менялась профессия кустаря, сам он благополучно, хотя и скромно, здравствует. Его можно найти даже на острове Манхэттен, нужно только знать, где искать. В тех кварталах, где арендная плата мала, а противопожарные правила и вовсе отсутствуют, в подвале жилого дома или на чердаке заброшенного магазина приютилась его крохотная, загроможденная всяким хламом мастерская. Пусть он не делает скрипок, часов с кукушкой, музыкальных шкатулок — он такой же умелец, каким был всегда, и каждое изделие, выходящее из его рук, неповторимо. Он не враг механизации: под стружками на его верстаке вы обнаружите рабочий инструмент с электрическим приводом. Это вполне современный кустарь. И он всегда будет существовать, мастер на все руки, который, сам того не подозревая, творит подчас бессмертные произведения.

Мастерская Ганса Мюллера занимала просторное помещение в глубине бывшего пакгауза неподалеку от Куинсборо-Бридж. Окна и двери здания были заколочены, оно подлежало сносу, и Ганса вот-вот могли попросить. Единственный ход в мас-

терскую вел через запущенный двор, который днем служил автомобильной стоянкой, ночью — местом сборищ юных правонарушителей. Впрочем, они не причиняли мастеру никаких хлопот, так как он умел прикинуться несведущим, когда являлась полиция. В свою очередь, полицейские отлично понимали деликатность положения Ганса Мюллера и не слишком-то на него наседали; таким образом, у него со всеми были хорошие отношения. И это вполне устраивало сего миролюбивого гражданина.

Работа, которой теперь был занят Ганс, весьма озадачила бы его баварских предков. Десять лет назад он и сам был бы удивлен. А началось все с того, что один прогоревший клиент принес ему в уплату за выполненный заказ вместо денег телевизор...

Ганс без особой охоты принял это вознаграждение. И не потому, что причислял себя к людям старомодным, не приемлющим телевидения. Просто он не представлял себе, когда сможет выбрать время, чтобы посмотреть в эту треклятую штуку. «Ладно, — решил Ганс, — в крайнем случае продам кому-нибудь, уж пятьдесят-то долларов всегда получу. Но сперва стоит все-таки взглянуть, что за программы они показывают...»

Он повернул ручку, на экране появились движущиеся картинки, и Ганс Мюллер, подобно миллионам до него, пропал. В паузах между рекламами ему открылся мир, о существовании которого он не подозревал, — мир сражающихся космических кораблей, экзотических планет и странных народов, мир капитана Зиппа, командира «Космического легиона». И лишь когда нудное описание достоинств чудо-каши «Кранч» сменилось почти столь же нудным поединком двух боксеров, которые явно заключили пакт о ненападении, он стряхнул с себя чары.

Ганс был простодушный человек. Он всегда любил сказки, а это были современные сказки, к тому же с чудесами, о которых братья Гримм не могли и мечтать. Так получилось, что Ганс Мюллер раздумал продавать телевизор.

Прошла не одна неделя, прежде чем поунялось его первоначальное наивное восхищение. Теперь Ганс уже

критическим взором смотрел на обстановку и меблировку телевизионного мира будущего. Он был в своей области художником и отказывался верить, что через сто лет вкусы деградируют до такой степени. Воображение заказчиков рекламной передачи удручало его.

Ганс был весьма невысокого мнения и об оружии, которым пользовались капитан Зипп и его враги. Нет, он не пытался понять принцип действия портативного дезинтегратора, его смущало только, почему этот дезинтегратор непременно должен быть таким громоздким. А одежда, а интерьеры космических кораблей? Они выглядят неправдоподобно! Откуда он мог это знать? Гансу всегда было присуще чувство целесообразности, оно тотчас заявило о себе и в этой новой для него области.

Мы уже сказали, что Ганс был простодушным человеком. Но простаком его нельзя было назвать. Прослышав, что на телевидении платят хорошие деньги, мастер сел за свой рабочий стол.

Даже в том случае, если бы автор декораций и костюмов к постановкам о капитане Зиппе не сидел уже в печенках у продюсера, идеи Ганса Мюллера произвели бы впечатление. Его эскизы отличались небывалой достоверностью и реализмом, в них не было ни грамма той фальши, которая начала раздражать даже самых юных поклонников капитана Зиппа. Контракт был подписан незамедлительно.

Правда, Ганс предъявил свои условия. Он трудился из любви к искусству; обстоятельство, которого не могло поколебать даже то, что он при этом зарабатывал больше денег, чем когда-либо прежде за всю свою жизнь. И Ганс заявил, что, во-первых, ему не нужны никакие помощники, во-вторых, он будет работать в своей маленькой мастерской. Его дело поставлять эскизы и образцы. Массовое изготовление может происходить в другом месте; он кустарь.

Все шло как нельзя лучше. За шесть месяцев капитан Зипп совершенно преобразился и стал предметом зависти всех постановщиков «космических опер». В глазах зрителей это были уже не спектакли о будущем, а само будущее. Новый реквизит вдохновил даже акте-

ров. После спектаклей они часто вели себя как путешественники во времени, внезапно перенесенные в далекую старину и чувствующие страшную неловкость из-за отсутствия самых привычных предметов обихода.

Ганс об этом не знал. Он продолжал увлеченно работать, отказываясь встречаться с кем-либо, кроме продюсера, и решая все вопросы по телефону. Он по-прежнему смотрел телевизионные передачи, и это позволяло ему проверять, не искажают ли там его идеи. Единственным наглядным знаком связей Ганса Мюллера с отнюдь не фантастическим миром коммерческого телевидения был стоящий в углу мастерской ящик маисовых хлопьев «Крач», дар благодарного заказчика рекламы. Ганс честно проглотил одну ложку чудо-каши, после чего с облегчением вспомнил, что ему платят деньги не за то, чтобы он ел это варев...

В воскресенье поздно вечером Ганс Мюллер заканчивал образец нового гермошлема; вдруг он почувствовал, что в мастерской есть еще кто-то. Он медленно повернулся к двери. Она ведь была заперта, как они ухитрились открыть ее так бесшумно? Возле двери, глядя на него, неподвижно стояли двое. Ганс почувствовал, как сердце уходит в пятки, и поспешно мобилизовал все свое мужество. Хорошо еще, что здесь хранится только малая часть его денег. А может быть, это как раз плохо? Еще разъярятся...

— Кто вы? — спросил он. — Что вам здесь надо?

Один из вошедших направился к нему, второй остался стоять у двери, не сводя глаз с мастера. Оба были в новых пальто, низко надвинутые на лоб шляпы не позволяли разглядеть лиц. Слишком хорошо одеты, сказал себе Ганс, чтобы быть заурядными грабителями.

— Не волнуйтесь, мистер Мюллер, — ответил первый незнакомец, легко читая его мысли. — Мы не бандиты, мы представители власти. Из контрразведки.

— Не понимаю.

Незнакомец сунул руку в спрятанный под пальто портфель и извлек пачку фотографий. Порывшись среди них, он вынул одну.

— Вы причинили нам немало хлопот, мистер Мюллер. Две недели мы разыскивали вас, ваши работода-

ли никак не хотели давать нам адрес. Прячут вас от конкурентов. Так или иначе, мы здесь и хотели бы задать вам несколько вопросов.

— Я не шпион! — возмущенно ответил Ганс, смекнув, о чем идет речь. — У вас нет никакого права! Я лояльный американский гражданин!

Гость игнорировал эту вспышку. Он показал Гансу фотографию.

— Узнаете?

— Да. Это интерьер космического корабля капитана Зиппа.

— Он придуман вами?

— Да.

Еще одна фотография.

— А это?

— Это марсианский город Палдар, вид с воздуха.

— Ваша собственная выдумка?

— Разумеется! — Гнев заставил Ганса забыть об осторожности.

— А это?

— Это протонное ружье. Разве плохо?

— Скажите, мистер Мюллер, все это ваши собственные идеи?

— Да, я не краду у других.

Первый незнакомец подошел к своему товарищу. Несколько минут они переговаривались так тихо, что Ганс ничего не мог разобрать. Наконец они как будто пришли к соглашению. Сопевание кончилось прежде, чем Ганс сообразил, что не худо бы прибегнуть к помощи телефона.

— Очень жаль, — обратился к нему незнакомец, — но похоже, кто-то нарушил правила секретности. Возможно, это произошло чисто случайно, даже... э... неосознанно, но это не меняет дела. Мы обязаны провести дознание. Прошу следовать за нами.

Он сказал это так властно и строго, что Ганс покорно снял с вешалки пальто и стал одеваться. Полномочия гостя не вызывали у него никакого сомнения, он даже не попросил его предъявить документы.

Неприятно, конечно, но ему нечего бояться. Ганс вспомнил рассказ о писателе-фантасте, который еще в

самом начале войны с поразительной точностью описал атомную бомбу. Когда ведется столько исследований, подобные инциденты неизбежны. Интересно, какой секрет он разгласил, сам того не ведая?

Уже в дверях он оглянулся и окинул взглядом мастерскую и следующих за ним пезнакомцев.

— Это нелепая ошибка, — сказал Ганс Мюллер. — Если я и показал в программе что-то секретное, то это чистое совпадение. Я никогда не делал ничего такого, что могло бы вызвать недовольство ФБР.

И тут впервые прозвучал голос второго незнакомца; он говорил на каком-то странном английском языке, с необычным акцентом.

— Что такое ФБР? — спросил он.

Ганс не слышал вопроса: он смотрел во все глаза на стоящий во дворе космический корабль.

Девять миллиардов имен

З аказ необычный. — Доктор Вагнер старался говорить с надлежащим степенством. — Насколько я понимаю, мы первое предприятие, к которому обращаются с просьбой поставить автоматическую счетную машину для тибетского монастыря. Не сочтите меня любопытным, но очень уж трудно представить себе, зачем вашему... э... учреждению нужна такая машина. Вы не можете объяснить, что вы собираетесь с ней делать?

— Охотно, — отвечал лама, поправляя складки шелкового халата и не спеша убирая логарифмическую линейку, с помощью которой производил финансовые расчеты. — Ваша электронная машина «Модель пять» выполняет любую математическую операцию над числами, вплоть до десятизначных. Но для решения нашей задачи нужны не цифры, а буквы. Вы перделаете выходные цепи, как мы вас просим, и машина будет печатать слова, а не числа.

— Мне не совсем ясно...

— Речь идет о проблеме, над которой мы трудимся уже три столетия, со дня основания нашего монастыря. Человеку нашего образа мыслей трудно это понять, но я надеюсь, вы без предвзятости выслушаете меня.

— Разумеется.

— В сущности, это очень просто. Мы составляем список, который включит в себя все возможные имена бога.

— Простите...

— У нас есть основание полагать, — продолжал лама невозмутимо, — что все эти имена можно записать с применением всего лишь девяти букв изобретенной нами азбуки.

— И вы триста лет занимаетесь этим?

— Да. По нашим расчетам, потребуется около пятнадцати тысяч лет, чтобы выполнить эту задачу.

— О! — Доктор Вагнер был явно поражен. — Теперь я понимаю, для чего вам счетная машина. Но в чем, собственно, смысл всей этой затеи?

Лама на мгновение замялся. «Уж не оскорбил ли я его?» — спросил себя Вагнер. Во всяком случае, когда гость заговорил, ничто в его голосе не выдавало недовольства.

— Назовите это культом, если хотите, но речь идет о важной составной части нашего вероисповедания. Употребляемые нами имена Высшего Существа — Бог, Иегова, Аллах и так далее — всего-навсего придуманные человеком ярлыки. Тут возникает довольно сложная философская проблема, не стоит сейчас ее обсуждать, но среди всех возможных комбинаций букв кроются, так сказать, действительные имена бога. Вот мы и пытаемся выявить их, систематически переставляя буквы.

— Понимаю. Вы начали с комбинации ААААААА... и будете продолжать, пока не дойдете до ЯЯЯЯЯЯ...

— Вот именно. С той разницей, что мы пользуемся азбукой, которую изобрели сами. Заменить литеры в пишущем устройстве, разумеется, проще всего. Гораздо сложнее создать схему, которая позволит исключить заведомо нелепые комбинации. Например, ни одна буква не должна повторяться более трех раз подряд.

— Трех? Вы, конечно, хотели сказать — двух.

— Нет, именно трех. Боюсь, что объяснение займет слишком много времени, даже если бы вы знали наш язык.

— Не сомневаюсь, — поспешил согласиться Вагнер. — Продолжайте.

— К счастью, вашу автоматическую счетную машину очень легко приспособить для нашей задачи.

Нужно лишь правильно составить программу, а машина сама проверит все сочетания и отпечатает итог. За сто дней будет выполнена работа, на которую у нас ушло бы пятнадцать тысяч лет.

Далеко внизу лежали улицы Манхэттена, но доктор Вагнер вряд ли слышал невнятный гул городского транспорта. Мысленно он перенесся в другой мир, мир настоящих гор, а не тех, что нагромождены рукой человека. Там, уединившись в заоблачной выси, эти монахи из поколения в поколение терпеливо трудятся, составляя списки лишенных всякого смысла слов. Есть ли предел людскому безрассудству? Но нельзя показывать, что ты думаешь. Клиент всегда прав.

— Несомненно, — сказал доктор, — мы можем переделать «Модель пять», чтобы она печатала нужные вам списки. Меня заботит другое — установка и эксплуатация машины. В наши дни попасть в Тибет не так-то просто.

— Положитесь на нас. Части не слишком велики, их можно перебросить самолетом. Вы только доставьте их в Индию, дальше мы сделаем все сами.

— И вы хотите нанять двух инженеров нашей фирмы?

— Да, на три месяца, пока не будет завершена программа.

— Я уверен, что они выдержат срок. — Доктор Вагнер записал что-то на блокноте. — Остается выяснить еще два вопроса...

Прежде чем он договорил, лама протянул ему узкую полоску бумаги.

— Вот документ, удостоверяющий состояние моего счета в Азиатском банке.

— Благодарю. Как будто... да, все в порядке. Вторым вопросом несколько элементарен, я даже не знаю, как сказать... Но вы не представляете себе, сколь часто люди упускают из виду самые элементарные вещи. Итак, какой у вас источник электроэнергии?

— Дизельный генератор мощностью пятьдесят киловатт, напряжение сто десять вольт. Он установлен пять лет назад и вполне надежен. Благодаря ему жизнь у нас в монастыре стала гораздо приятнее. Но

вообще-то его поставили, чтобы снабжать энергией моторы, которые вращают молигвенные колеса.

— Ну, конечно, — подхватил доктор Вагнер. — Как я не подумал!

С балкона открывался захватывающий вид, но со временем ко всему привыкаешь. Семисотметровая пропасть, на дне которой распластались шахматные клетки возделанных участков, уже не пугала Джорджа Хенли. Положив локти на сглаженные ветром камни парапета, он угрюмо созерцал далекие горы, названия которых ни разу не попытался узнать.

«Вот ведь влип! — сказал себе Джордж. — Более дурацкую затею трудно придумать!» Уже которую неделю «Модель пять» выдает километры бумаги, испещренные тарабарщиной. Терпеливо, неумоимо машина переставляет буквы, проверяет все сочетания и, исчерпав возможности одной группы, переходит к следующей. По мере того как пишущее устройство выбрасывает готовые листы, монахи тщательно собирают их и склеивают в толстые книги.

Слава богу, еще неделя, и все будет закончено. Какие такие расчеты убедили монахов, что нет надобности исследовать комбинации из десяти, двадцати, ста букв, Джордж не знал. И без того его по ночам преследовали кошмары: будто в планах монахов произошли перемены и верховный лама объявил, что программа продлевается до 2060 года... А что, они способны на это!

Громко хлопнула тяжелая деревянная дверь, и рядом с Джорджем появился Чак. Как обычно, он курил одну из своих сигар, которые помогли ему завоевать расположение монахов. Ламы явно ничего не имели против всех малых и большинства великих радостей жизни. Пусть они одержимые, но ханжами их не назовешь. Частенько наведываются вниз, в деревню...

— Послушай, Джордж, — взволнованно заговорил Чак. — Неприятные новости!

— Что такое? Машина капризничает?

Большей неприятности Джордж не мог себе пред-

ставить. Если начнет барахлить машина, это может — о ужас! — задержать их отъезд. Сейчас даже телевизионная реклама казалась ему голубой мечтой. Все-таки что-то родное...

— Нет, совсем не то. — Чак сел на парапет; удивительный поступок, если учесть, что он всегда боялся обрыва. — Я только что выяснил, чего ради они все это затеяли.

— Не понимаю. Разве нам это не известно?

— Известно, какую задачу поставили себе монахи. Но мы не знали для чего. Это такой бред...

— Расскажи что-нибудь поновее, — простонал Джордж.

— Старик верховный только что разоткровенничался со мной. Ты знаешь его привычку — каждый вечер заходит посмотреть, как машина выдает листы. Ну вот сегодня он явно был взволнован — если его вообще можно представить себе взволнованным. Когда я объяснил ему, что идет последний цикл, он спросил меня на своем ломаном английском языке, задумывался ли я когда-нибудь, чего именно они добиваются. Конечно, говорю. Он мне и рассказал.

— Давай, давай, как-нибудь переварю.

— Ты послушай: они верят, что, когда перепишут все имена бога, — а этих имен, по их подсчетам, что-то около девяти миллиардов, — осуществится божественное предначертание. Род человеческий завершит то, ради чего был сотворен, и можно будет поставить точку. Мне вся эта идея кажется богохульством.

— И чего же они ждут от нас? Что мы покончим жизнь самоубийством?

— В этом нет нужды. Как только список будет готов, бог сам вмещается и подведет черту. Амба!

— Понял: как только мы закончим нашу работу, наступит конец света.

Чак нервно усмехнулся.

— То же самое я сказал верховному. И знаешь, что было? Он поглядел на меня так, словно я сморозил величайшую глупость, и сказал: «Какие пустяки вас заботят».

Джордж призадумался.

— Ничего не скажешь, широкий взгляд на вещи, — произнес он наконец. — Но что мы-то можем тут поделать? Твое открытие ничего не меняет. Будто мы и без того не знали, что они помешанные.

— Верно, но неужели ты не понимаешь, чем это может кончиться? Мы выполним программу, а судный день не наступит. Они возьмут да нас обвинят. Машина-то паша. Нет, не нравится мне все это.

— Дошло, — медленно сказал Джордж. — Пожалуйста, ты прав. Но ведь это не ново, такие вещи и раньше случались. Помню, в детстве у нас в Луизиане объявился свихнувшийся проповедник, твердил, что в следующее воскресенье наступит конец света. Сотни людей поверили ему, некоторые даже продали свои дома. А когда ничего не произошло, они не стали возмущаться, не думай. Просто решили, что он ошибся в своих расчетах, и продолжали веровать. Не удивлюсь, если некоторые из них до сих пор каждое воскресенье ждут конца света.

— Позволь напомнить: мы не в Луизиане. И нас двое, а этих лам несколько сот. Они славные люди, и жаль старика, если рухнет дело всей его жизни. Но все-таки я предпочел бы быть где-нибудь в другом месте.

— Я об этом давно мечтаю. Но мы ничего не можем поделать, пока не выполним контракт и за нами не прилетят.

— А что, — задумчиво произнес Чак, — если подстроить что-нибудь?

— Черта с два! Только хуже будет.

— Не торопись, послушай. При нынешнем темпе работы — двадцать часов в сутки — машина закончит все в четыре дня. Самолет прилетит через неделю. Значит, нужно только во время очередной наладки найти какую-нибудь деталь, требующую замены. Так, чтобы оттянуть программу денька на два, не больше. Исправим не торопясь. И если сумеем верно все рассчитать, мы будем на аэродроме в тот миг, когда машина выдаст последнее имя. Тогда уж им нас не перехватить.

— Не нравится мне твой замысел, — ответил Джордж. — Не было случая, чтобы я не довел до кон-

ца начатую работу. Не говоря уже о том, что они сразу заподозрят неладное. Нет уж, лучше дотяну до конца, будь что будет.

— Я и теперь не одобряю нашего побега, — сказал он семь дней спустя, когда они верхом на крепких горных лошадках ехали вниз по извилистой дороге. — И не подумай, что я удираю, потому что боюсь. Просто мне жаль этих бедняг, не хочется видеть их огорчения, когда они убедятся, что опростоволосились. Интересно, как верховный это примет?..

— Странно, — отозвался Чак, — когда я прощался с ним, мне показалось, что он нас раскусил и отнесся к этому совершенно спокойно. Все равно машина работает исправно, и задание скоро будет выполнено. А потом... впрочем, в его представлении никакого «потом» не будет.

Джордж повернулся в седле и поглядел вверх. С этого места в последний раз открывался вид на монастырь. Приземистые угловатые здания четко вырисовывались на фоне закатного неба; тут и там, точно иллюминаторы океанского лайнера, светились огни. Электрические, разумеется, питающиеся от того же источника, что «Модель пять». «Сколько еще продлится это сосуществование?» — спросил себя Джордж. Разочарованные монахи способны сгоряча разбить вдребезги вычислительную машину. Или они преспокойно начнут все свои расчеты сначала?..

Он ясно представлял себе, что в этот миг происходит на горе. Верховный лама и его помощники сидят в своих шелковых халатах, изучая листки, которые рядовые монахи собирают в толстые книги. Никто не произносит ни слова. Единственный звук — нескончаемая дробь, как от вечного ливня: стучат по бумаге рычаги пишущего устройства. Сама «Модель пять» выполняет свои тысячу вычислений в секунду бесшумно. «Три месяца... — подумал Джордж. — Да тут кто угодно свихнется!»

— Вон он! — воскликнул Чак, показывая вниз, в долину. — Правда, хорош?

«Правда», — мысленно согласился Джордж. Старый, выдавший виды самолет серебряным крестиком распластался в начале взлетной дорожки. Через два часа он понесет их навстречу свободе и разуму. Эту мысль хотелось смаковать, как рюмку хорошего ликера. Джордж унывался ею, покачиваясь в седле.

Гималайская ночь почти настигла их. К счастью, дорога хорошая, как и все местные дороги. И у них есть фонарики. Никакой опасности, только холод досаждал. В удивительно ясном небе приветливо сверкали знакомые звезды. «Во всяком случае, — подумал Джордж, — из-за погоды не застрянем». Единственное, что его еще тревожило.

Он запел, но вскоре смолк. Могучие, величавые горы с белыми шапками вершин не располагали к бурному проявлению чувств. Джордж посмотрел на часы.

— Еще час, и будем на аэродроме, — сообщил он через плечо Чаку. И добавил чуть погодя: — Интересно, как там машина — уже закончила? По времени — как раз.

Чак не ответил, и Джордж повернулся к нему. Он с трудом различил лицо друга — обращенное к небу белое пятно.

— Смотри, — прошептал Чак, и Джордж тоже обратил взгляд к небесам. (Все когда-нибудь происходит в последний раз.)

Высоко над ними, тихо, без шума одна за другой гасли звезды.

то был один из тех несчастных случаев, в которых никого нельзя винить.

Ричард Нелсон в десятый раз спустился в генераторный колодец, чтобы снять показания термометра и удостовериться, что жидкий гелий не просачивается сквозь изоляцию. Впервые в мире был создан генератор, использующий сверхпроводимость. Витки огромного статора купались в гелиевой ванне, и сопротивление многих миль провода упало до такой величины, что никакие приборы не могли его обнаружить.

Нелсон с удовлетворением отметил, что температура не ниже расчетной. Изоляция делает свое дело, можно спокойно опускать в колодец ротор. Сейчас тысячетонный цилиндр висел в пятидесяти футах над головой Нелсона, словно баба исполинского копра. Не только инженер — все работники электростанции облегченно вздохнут, когда он ляжет на подшипники и будет соединен с валом турбины.

Нелсон сунул в карман записную книжку и направился к лестнице.

В геометрическом центре колодца его настиг рок.

За последний час, по мере того как материк окутывали сумерки, неуклонно росла нагрузка на энергетическую сеть. Как только погасли последние лучи солнца, вдоль широких автомагистралей ожили нескончаемые шеренги ртутных фонарей. В городах зажглись миллионы ламп; домашние хозяйки, готовя ужин, включили высокочастотные печи.

Стрелки мегаваттметров энергоцентра поползли вверх по шкалам, оставаясь в пределах нормы.

Но в горах, в трехстах милях к югу, пустили мощный анализатор космических лучей: ожидался ливень со стороны сверхновой в созвездии Козерога, обнаруженной астрономами всего час назад. И обмотки пятидесятичетонного магнита принялись высасывать ток из тиратронных выпрямителей.

Но в тысяче милях к западу туман подбирался к крупнейшему в полушарии аэропорту. Хотя самолеты, оснащенные радаром, отлично садились даже при нулевой видимости и туман никого не беспокоил, все-таки лучше обойтись без него. И заработали мощные рассеиватели; излучая в ночь около тысячи мегаватт, они сгущали капельки воды и пробивали в стене тумана огромные бреши.

И стрелки в энергоцентре снова подскочили, и дежурный инженер приказал пустить запасные генераторы. Скорей бы установили этот огромный генератор с жидким гелием, тогда не будет больше таких тревожных, напряженных часов. И все-таки он еще надеялся справиться с нагрузкой.

Но полчаса спустя метеобюро предупредило по радио о заморозках, и не прошло шестидесяти секунд, как осмотрительные граждане включили миллионы электропечей. Стрелки перевалили через красную черту и продолжали ползти вверх.

Раздался страшный треск — сработали три огромных автоматических выключателя. Но четвертый отказал. Воздух наполнился едким запахом горячей изоляции, расплавленный металл тяжелыми каплями падал на пол и тотчас затвердевал на бетонных плитах. Вдруг исполинские пружины оторвались и, пролетев не меньше десяти футов, ударили по размещенным ниже частям монтажа. За долю секунды они приварились к проводам, ведущим к новому генератору.

В обмотках генератора взбунтовались силы, превосходящие все, что до сих пор производил человек. Как раз в эту секунду Нелсон оказался в центре колодца.

Сила тока стремилась стабилизироваться, неистово

мечась во все более узких пределах. Но она так и не установилась: где-то вступили в действие дублирующие предохранительные приборы, и цепь, которой не должно было быть, опять прервалась.

Последняя предсмертная судорога, почти такая же мощная, как первая, затем ток быстро спал. Все кончилось.

Когда вновь загорелся свет, помощник Нелсона уже стоял у края роторного колодца. Он не знал, что случилось, но подозревал, что что-то серьезное. Наверно, Нелсон там, внизу, недоумевает, в чем дело.

— Эй, Дик! — крикнул он. — Ты кончил? Пойдем выясним, что стряслось.

Ответа не последовало. Он перегнулся через поручни и посмотрел в огромную яму. Свет был плохой, и тень ротора мешала как следует рассмотреть что-либо. Сперва ему показалось, что колодец пуст, — но ведь это нелепо, он сам видел, как Нелсон несколько минут назад спустился туда. Помощник позвал еще раз.

— Эй! Дик, ты цел?

Опять никакого ответа. Встревоженный помощник пошел вниз по лестнице. Он был на полпути, когда странный звук, точно где-то очень далеко лошнул воздушный шар, заставил его оглянуться. И тут он увидел Нелсона; инженер лежал в середине колодца на лесах, закрывающих турбинный вал. Лежал неподвижно, в какой-то неестественной позе.

Ральф Хьюз, главный физик, оторвал глаза от заваленного бумагами стола, когда отворилась дверь. Мало-помалу все входило в свою колею после ночного бедствия. К счастью, на его отделе оно почти не отразилось: генератор не пострадал. Не хотелось бы ему быть на месте главного инженера; теперь Мердоку надолго хватит писанины. Мысль об этом доставляла удовольствие доктору Хьюзу.

— Здравствуйте, док, — приветствовал он вошедшего доктора Сандерсона. — Что привело вас сюда? Как ваш пациент?

Сэндерсон кивнул.

— Через день-два выйдет из больницы. Но я хочу поговорить с вами о нем.

— Я с ним не знаком, никогда не бываю на станции, разве что все Правление на коленях умоляет меня. Но поговорить можно.

Сэндерсон криво усмехнулся. Главный инженер и блестящий молодой физик не питали друг к другу нежности. Они были слишком разные люди, кроме того, шло неизбежное соперничество между экспертом-теоретиком и человеком «практики».

— Мне кажется, это по вашей части, Ральф. Во всяком случае, я в этом не смыслю. Вы слышали, что произошло с Нелсоном?

— Если не ошибаюсь, он был внутри моего генератора, когда в обмотки пошел ток?

— Точно. Когда ток отключился, помощник напел его, он был в шоке.

— Что за шок? Электричеством ударить его не могло, ведь все обмотки изолированы. К тому же, помнится мне, его подобрали в центре шахты.

— Совершенно верно. Мы не знаем, что случилось. Но он теперь пришел в себя, и как будто никаких последствий, если не считать одного.

Врач помешкал, словно искал нужные слова.

— Ну, говорите! Не томите!

— Я оставил Нелсона, когда увидел, что ему ничто не грозит. А через час мне позвонила старшая сестра и сказала, что Нелсон хочет срочно поговорить со мной. Когда я пришел в палату, он сидел в постели и озадаченно рассматривал газету. Я спросил, в чем дело. «Со мной что-то случилось», — говорит. «Конечно, — говорю, — но через два дня вы уже будете работать». Он покачал головой, вижу — в глазах тревога. Сложил свою газету и показал ее мне. «Я не могу читать», — говорит. Я определил амнезию и подумал: «Вот досада! Что еще он забыл?» А он, словно угадал мои мысли, продолжает: «Нет, я разбираю буквы и слова, но все вижу задом наперед! Наверно, у меня что-нибудь с глазами». И снова развернул газету. «Как будто я вижу ее в зеркале. Могу прочесть

каждое слово в отдельности, по буквам. У вас нет зеркала? Я хочу сделать опыт».

Я дал ему зеркальце. Он поднес его к газете и посмотрел на отражение. И стал читать вслух, с нормальной скоростью. Но этому фокусу любой может научиться, наборщики так читают свои литеры, так что я не удивился. Правда, не совсем понятно, зачем понадобилось умному человеку устраивать это представление. Решил не противоречить ему — может быть, он чуть-чуть свихнулся от шока. Похоже было, что у него оптические иллюзии, хотя он выглядел вполне нормально. А Нелсон отложил газету и говорит: «Ну, док, что вы скажете на это?» Я не знал, как отвечать, чтобы не раздражать его. «Пожалуй, лучше вам обратиться к доктору Хамфри, — говорю, — он психолог. Это не моя область». Тут он сказал кое-что о докторе Хамфри и его психотестах, и я понял, что он уже побывал в его лапах.

— Верно, — вставил Хьюз. — Всех, кто поступает на работу в компанию, пропускают через сито Отдела психологии. — Он задумчиво добавил: — И все равно такие проскакивают типы!..

Доктор Сэндерсон улыбнулся и продолжал рассказ:

— Я хотел уходить, тут Нелсон говорит: «Да, чуть не забыл. Наверно, я упал на правую руку. Запястье сильно болит, как от растяжения». — «Давайте, посмотрим», — сказал я и нагнулся над ним. «Нет, вот эта рука», — говорит Нелсон и поднимает левую. Я держусь своей линии, не спорю. «Как хотите. Но ведь вы сказали — правая?» Нелсон опешил. «Ну да, — говорит. — Это и есть правая рука. Может быть, глаза и чуют, но тут-то все ясно. Вот обручальное кольцо, если не верите. Я его уже пять лет снять не могу».

Тут уже я опешил. Потому что он поднял левую руку и кольцо было на ней. И он сказал правду, кольцо сидело так крепко, что без ножовки не снять. Тогда я спрашиваю: «У вас есть какие-нибудь приметные шрамы?» — «Нет, — отвечает, — не помню никаких». — «А пломбированные зубы?» — «Есть несколько». Мы молча глядели друг на друга, пока сест-

ра ходила за зубной карточкой Нелсона. «Смотрели друг на друга со страшным подозрением в душе», — сказал бы романист. Но еще до того, как вернулась сестра, меня осенило. Мысль была фантастическая, но ведь и само дело принимало все более неслыханный оборот. Я попросил Нелсона показать мне предметы, которые были у него в карманах. Вот они.

Доктор Сэндерсон достал несколько монет и книжку в кожаном переплете. Хьюз сразу узнал «Записную книжку инженера»; у него в кармане лежала точно такая же. Он взял ее из рук врача и раскрыл наудачу, с легким чувством вины, которое неизбежно, когда в твоих руках оказывается записная книжка другого человека.

А в следующую секунду Ральфу Хьюзу показалось, что шатаются устои его мира. До сих пор он слушал доктора Сэндерсона как-то рассеянно, недоумевая, из-за чего весь этот переполох. Теперь у него в руках лежало противоречащее всякой логике вещественное доказательство.

Ральф Хьюз не мог прочесть ни слова в записной книжке Нелсона. И печатный и рукописный тексты были перевернуты, точно в зеркале.

Доктор Хьюз встал с кресла и несколько раз быстро прошелся по кабинету. Сэндерсон сидел, молча глядя на него. На четвертом круге физик остановился у окна и посмотрел на озеро, накрытое тенью белой стены плотины. Этот вид как будто развеял его смятение, и он снова повернулся к доктору Сэндерсону.

— Вы хотите, чтобы я поверил, что с Нелсоном каким-то образом произошло поперечное обращение, правое поменялось местами с левым и наоборот?

— Я ничего не хочу. Я только изложил факты. Если вы можете сделать другой вывод, буду рад его услышать. Позвольте добавить, что я проверил зубы Нелсона. Все пломбы переместились. Объясните это, если можете. Кстати, вот эти монеты тоже очень интересны.

Хьюз взял их в руку. Один шиллинг, новая красивая крона из бериллиевой меди, несколько пенсовиков и полупенсовиков. Он принял бы их без коле-

баний у любого кассира. Такой же наблюдательный, как большинство людей, он никогда не задумывался, в какую сторону смотрит голова королевы. Но надписи! Хьюз живо представлял себе недоумение Монетного двора, если эти странные монеты когда-нибудь попадут к ним. Как и книжка: поперечное обращение.

Голос доктора Сэндерсона перебил его размышления:

— Я попросил Нелсона никому не говорить об этом. Я напишу подробный доклад, он вызовет переполох, когда будет напечатан. Но нам надо знать, как это могло случиться. Вы конструктор нового генератора, поэтому я пришел к вам.

Доктор Хьюз словно не слышал его. Сидя за столом, он пристально разглядывал свои руки. Впервые в жизни он всерьез задумался над разницей между левым и правым.

Доктор Сэндерсон продержал Нелсона в больнице несколько дней, изучая своего странного пациента и собирая материал для доклада. Насколько он мог судить, Нелсон, если не считать странного превращения, был вполне нормален. Он заново учился читать и быстро преуспевал, после того как прошло чувство необычности. Вероятно, он никогда не сможет работать инструментом так, как работал до несчастного случая: теперь его до конца жизни все будут считать левшой. Но ведь это не помеха.

Доктор Сэндерсон перестал ломать голову над причиной состояния Нелсона. Он плохо разбирался в электричестве, это дело Хьюза. Врач не сомневался, что физик найдет ответ, как всегда. Компания — не благотворительное общество, она знает, кого нанимает. Новый генератор, который будет пущен через неделю, — детище Хьюза, хотя ему принадлежит только теоретическая разработка.

Сам доктор Хьюз был вовсе не так уж уверен в себе. Его пугал размах задачи; в отличие от Сэндерсона, он понимал, что тут открываются совсем новые

области науки. Он знал: есть лишь один путь, чтобы объект мог превратиться в свое зеркальное отображение. Но как доказать столь фантастическую теорию?

Главный физик собрал всю наличную информацию об аварии, из-за которой огромный статор оказался под током. Расчеты позволяли представить себе силу тока в обмотках в те несколько секунд, когда была замкнута цепь. Правда, цифры приблизительные. Если бы можно было повторить опыт, чтобы получить точные данные... Он представлял себе лицо Мердока, если скажет:

— Вы не возражаете, я сегодня вечером выберу минутку и замкну накоротко генераторы один-десять?

Нет, это, конечно, отпадает.

Хорошо, что у него сохранилась действующая модель. Опыты на ней дают какое-то представление о поле в середине генератора, но о величине тока можно только гадать. Она, наверно, была колоссальной. Просто чудо, как уцелели обмотки.

Почти месяц Хьюз бился над расчетами и блуждал в областях атомной физики, которые после университета тщательно обходил. Мало-помалу в его голове складывалась теория; до окончательной формулировки далеко, но путь был ясен. Еще месяц, и все будет готово.

Большой генератор, который занимал его мысли весь последний год, отошел на второй план. Доктор Хьюз как-то рассеянно принял поздравления коллег, когда генератор прошел последние испытания и влил свои миллионы киловатт в энергосистему. Наверно, его поведение показалось им немного странным, но ведь его давно считают оригиналом. К этому привыкли; компания была бы разочарована, если бы ее придворный гений не вел себя эксцентрично.

А через две недели к нему опять пришел доктор Сэндерсон. Он хмурился.

— Нелсон снова в больнице, — сообщил врач. — Я ошибся, когда сказал, что все в порядке.

— А что с ним? — удивленно спросил Хьюз.

— Он умирает от голода.

— От голода? Что вы хотите этим сказать?

Доктор Сэндерсон пододвинул стул к столу Хьюза и сел.

— Я вас эти дни не беспокоил, — стал рассказывать он, — знал, что вы заняты своими теориями. Внимательно наблюдал за Нелсоном и писал доклад. Сначала, как я уже вам говорил, казалось, что все идет нормально. Я не сомневался, что он будет здоров. Потом замечаю — теряет в весе. Дальше начали появляться и другие, более специфические симптомы. Он начал жаловаться на слабость, умственную утомляемость. **Все** признаки авитаминоза. Я прописал ему концентрированные витамины, но это не помогло. Поэтому я снова пришел к вам.

На лице Хьюза отразилось недоумение, потом досада.

— Но при чем тут я, черт возьми, вы же врач!

— Совершенно верно, но мне нужна поддержка. Я всего-навсего безвестный лекарь, никто не станет слушать меня, пока не будет поздно. А Нелсон умирает, и мне кажется, я знаю почему...

Сэр Роберт поначалу упирался, но доктор Хьюз, как всегда, настоял на своем. И теперь члены Совета директоров входили в конференц-зал, ворча и всячески выражая свое недовольствие, что созван чрезвычайный пленум. Они еще больше возмутились, когда услышали, что будет выступать Хьюз. Все знали физика и уважали его заслуги, но он ученый, а они бизнесмены. Что еще такое задумал сэр Роберт?

Доктор Хьюз, виновник этого переполоха, был недоволен собой: нервы его не слушались. Он был не очень высокого мнения о Совете директоров, но сэр Роберт человек достойный, так что нет никаких причин беспокоиться. Спору нет, они могут счесть его сумасшедшим, но ведь за ним числятся кое-какие заслуги. Сумасшедший ли, нет ли, он стоит не одной тысячи фунтов.

Доктор Сэндерсон ободряюще улыбнулся ему, входя в конференц-зал. Улыбка не очень удалась, но все-

таки помогла. Сэр Роберт только что кончил говорить, взял очки присущим ему нервным жестом и виновато откашлялся. Хьюз — не в первый раз — спросил себя: как может этот на вид такой робкий старик править огромной финансовой империей?

— А теперь, джентльмены, слово доктору Хьюзу. Он вам все, кхм, объяснит. Я попросил его не вдаваться в технические тонкости. Вы вольны перебить его, если он вознесется в разреженную стратосферу высшей математики. Доктор Хьюз...

Сперва медленно, потом все быстрее по мере того, как он овладевал аудиторией, физик начал излагать свое дело. Записная книжка Нелсона вызвала удивленные возгласы Совета, а обращенные монеты были приняты как увлекательнейшие редкостные экспонаты. Хьюз с радостью отметил, что заинтересовал слушателей. Он глубоко вдохнул и сделал ход, которого больше всего опасался.

— Итак, джентльмены, вы слышали, что было с Нелсоном, но сейчас я расскажу вам еще более поразительную вещь. Прошу слушать меня очень внимательно.

Он взял со стола листок бумаги, сложил его и разорвал по диагонали.

— Вы видите два одинаковых прямоугольных треугольника. Я кладу их на стол, вот так. — Он положил треугольники так, что гипотенузы касались друг друга и вся фигура напоминала бумажного змея. — В таком положении каждый треугольник — зеркальное отображение другого. Вообразите, что вдоль гипотенузы проходит плоскость зеркала. Прошу вас запомнить это обстоятельство. Пока оба треугольника лежат на столе, я могу сколько угодно перемещать их по его поверхности, и никогда один не совместится точно с другим. Несмотря на одинаковые размеры, они, как перчатки, не взаимозаменяемы.

Он подождал, давая время слушателям усвоить сказанное. Вопросов не было, и он продолжал:

— Но если я возьму один треугольник, подниму его и переверну в воздухе, потом снова положу, это

уже не зеркальные отображения, они полностью совмещены — вот так. — Он подкрепил слова делом. — Возможно, это выглядит очень упрощенно, но из упрощенного примера мы можем сделать важный вывод. Треугольники на столе были плоскими предметами, они существовали, так сказать, в двух измерениях. Чтобы превратить один из них в его собственное зеркальное отображение, я его поднял и перевернул в третьем измерении. Вам ясен ход мысли?

Он обвел глазами стол. Один или два директора медленно кивнули, соображая.

— Точно так же, чтобы превратить трехмерное тело, в том числе человека, в его аналогию или зеркальное отображение, нужно перевернуть его в четвертом измерении. Повторяю — в четвертом измерении.

Стояла напряженная тишина. Кто-то кашлянул, но кашель был нервным, а не скептическим.

— Четырехмерная геометрия, как вам известно, — (вряд ли им это известно!), — еще до Эйнштейна стала одним из главных орудий математики. Но до сих пор она оставалась математической гипотезой, не подкрепленной ничем реальным в физическом мире. И вот оказывается, что ток невиданной силы, до миллионов ампер, который мгновенно возник в обмотках нашего генератора, так или иначе, на долю секунды создал четырехмерное пространство, достаточно большое, чтобы в нем вместились человек. Внезапное исчезновение поля, когда была разорвана цепь, перевернуло это четырехмерное пространство, и с Нелсоном произошло то, что мы сейчас наблюдаем. Я прошу вас принять эту теорию, так как другого объяснения нет. Вот мои расчеты, если хотите свериться.

Он помахал перед слушателями листками бумаги, так что директора могли видеть внушительные шеренги уравнений. Прием помог; он всегда помогал. Было видно, что все удовлетворены, один только Макферсон, главный секретарь, оказался крепким орешком. Он получил полутехническое образование, по-прежнему следил за научно-популярной литературой и при каждом удобном случае щеголял своими знаниями.

Но он был человек умный, сметливый, и доктор Хьюз передко убивал служебные часы, обсуждая с ним какие-нибудь новые научные теории.

— Вы говорите, что Нелсон перевернут в четвертом измерении, но ведь, если не ошибаюсь, Эйнштейн показал, что четвертое измерение — это время.

Хьюз мысленно простонал. Он так и знал, что последует какая-нибудь нелепость.

— Я подразумевал еще одно, пространственное измерение, — терпеливо объяснил он. — Другими словами, измерение или направление, которые находятся под прямыми углами к нашим обычным трем. Назовем это четвертым измерением. Так как мы обычно рассматриваем наше пространство как трехмерное, стало обычным называть время четвертым измерением. Но это чисто условный ярлык. Поскольку я прошу вас допустить четыре пространственных измерения, назовем время пятым измерением.

— Пять измерений! Силы небесные! — не выдержал кто-то.

Доктор Хьюз не мог упустить такого случая.

— В физике малых частиц сплошь и рядом говорят о пространстве с миллионами измерений, — спокойно сказал он.

Все онемели. Никто, даже Макферсон, не был склонен спорить.

— Теперь перейду ко второй части моего доклада, — продолжал доктор Хьюз. — Через несколько недель после превращения Нелсона мы заметили, что с ним происходит что-то неладное. Он нормально усваивал пищу, и все-таки явно чего-то недоставало. Объяснение дал доктор Сэндерсон, и тут мы переходим в область органической химии. Извините, что я сейчас буду говорить языком учебника, но вы быстро поймете, насколько все это важно для компании. К тому же вас должно утешить то, что эта область одинаково неведома и вам и мне.

Это было не совсем так, Хьюз еще помнил кое-что из курса химии.

— Органические соединения состоят из атомов углерода, кислорода и водорода, а также других эле-

ментов. Вместе они образуют очень сложные пространственные структуры. Химики любят делать из вязальных спиц и пластилина модели таких молекул. Часто получается красиво, прямо-таки произведения какого-нибудь нового течения в искусстве. И вот оказывается, что могут быть две органические молекулы с одинаковым числом атомов, которые расположены так, что одна молекула как бы зеркально отражает другую. Это так называемые стереоизомеры, их очень много среди сахаров. Если бы можно было поставить рядом две молекулы, вы увидели бы, что они схожи, как правая и левая перчатки. Так их и называют: декстро- и левомолекулы. Надеюсь, все это понятно?

Доктор Хьюз обвел присутствующих пытливым взглядом. Как будто понимают...

— У стереоизомеров почти одинаковые химические свойства. Но есть и отличия. Доктор Сэндерсон рассказал мне — за последние годы обнаружено, что свойства некоторых важных питательных веществ, в том числе нового класса витаминов, открытого профессором Ванденбергом, зависят от пространственного расположения их атомов. Другими словами, джентльмены, левомолекулы могут быть необходимы для организма, а декстромолекулы — бесполезны. И это невзирая на то, что химическая формула одна. Теперь вам ясно, почему неожиданное превращение Нелсона куда более серьезное дело, чем мы сперва думали? Если бы требовалось только заново учить его читать, все было бы очень просто, интересно разве что для философов. Но он буквально умирает от голода среди изобилия, потому что усвоить некоторые молекулы пищи для него так же невозможно, как для нас надеть левый ботинок на правую ногу. Доктор Сэндерсон провел опыт, который подтверждает его гипотезу. С очень большим трудом он добыл стереоизомеры многих витаминов. Профессор Ванденберг сам их синтезировал, когда узнал про нашу беду. И Нелсону сразу стало лучше.

Хьюз остановился и достал кое-какие бумаги. Полезно дать Совету время опомниться, прежде чем

наносить удар. Все было бы очень забавно, если бы на карте не стояла человеческая жизнь. Удар будет нанесен в самое чувствительное место...

— Вы, конечно, понимаете, джентльмены: так как Нелсон получил, если можно так выразиться, производственную травму, компания обязана оплатить ему лечение. Как лечить, мы узнали, и вы вправе недоумевать, почему я отнимаю у вас столько времени своими объяснениями. Причина очень проста. Производить нужные стереоизомеры почти так же сложно, как добывать радий, даже в некоторых случаях труднее. Доктор Сэндерсон сообщил мне, что питание Нелсона будет стоить больше пяти тысяч фунтов стерлингов в день.

Полминуты царил тишина, потом все заговорили разом. Сэр Роберт долго стучал по столу, прежде чем восстановился порядок. Начался военный совет.

Три часа спустя вконец измотанный Хьюз вышел из конференц-зала и отправился искать доктора Сэндерсона. Врач был в своем кабинете; он извелся, ожидая ответа.

— Ну, что постановили? — спросил он.

— Как я и опасался. Требуют, чтобы я подверг Нелсона повторному обращению.

— Вы можете это сделать?

— Честно говоря, не знаю. Я могу только постараться возможно точнее воспроизвести все обстоятельства аварии.

— Других предложений не было?

— Было несколько, и почти все вздор. Лучшую идею высказал Макферсон. Предложил обращать генератором обычную пищу, чтобы Нелсон ее полностью усваивал. Пришлось объяснить, что выключать каждый раз генератор из сети обойдется компании в несколько миллионов фунтов стерлингов в год. К тому же обмотки долго не выдержат. Так что это отпало. Сэр Роберт спросил, можем ли мы поручиться, что учли все витамины, а вдруг есть еще не открытые? Этим он хотел сказать, что даже синтетические

витамины могут оказаться бессильными спасти Нелсона.

— Что вы ему ответили?

— Я вынужден был признать, что гарантии нет. И теперь сэр Роберт должен переговорить с Нелсоном. Надеется убедить его, чтобы он рискнул. Если опыт не удастся, семью Нелсона обеспечат.

С минуту оба молчали. Потом заговорил доктор Сэндерсон.

— Теперь вы понимаете, какие решения сплошь и рядом должны принимать хирурги?

Хьюз кивнул.

— Чудная дилемма, верно? Вполне здоровый человек, но сохранить ему жизнь стоит два миллиона в год, да и то без гарантии успеха. Сдается мне, Совет директоров больше всего озабочен денежным балансом, но выхода просто нет. Придется Нелсону рискнуть.

— А нельзя сперва сделать какие-нибудь опыты?

— Невозможно. Поднять ротор — это же серьезная инженерная операция. Мы должны провести наш эксперимент быстро, когда будет минимальная нагрузка на энергосистему. Потом сунем ротор на место и устраним все, что натворит короткое замыкание. Все это надо сделать очень быстро. Бедняга Мердок вне себя.

— Я его понимаю. На когда назначен эксперимент?

— Через несколько дней, не раньше. Даже если Нелсон согласится, мне сперва надо все подготовить.

Никто не узнает, что сэр Роберт сказал Нелсону. Но доктор Хьюз почти не удивился, когда зазвонил телефон и усталый голос старика произнес:

— Хьюз? Готовьте свое снаряжение. Я уже говорил с Мердоком, мы выбрали ночь на среду. Успеете?

— Да, сэр Роберт.

— Хорошо. Докладывайте о готовности каждый вечер. Все.

Огромное помещение больше чем наполовину занимал исполинский цилиндр ротора, подвешенного

в тридцати футах над лоснящимся пластиковым полом. Кучка людей, терпеливо ожидая, стояла на краю темного колодца. Лабиринт проводов тянулся к приборам доктора Хьюза и к реле, которые должны были в нужный миг включить цепь.

В этом главная заковыка. Доктор Хьюз не мог точно определить, когда лучше замкнуть цепь, то ли при максимальном напряжении, то ли при нулевом, или же в какой-нибудь промежуточной точке синусоиды. И он выбрал самое простое и надежное. Цепь включится при нулевом вольтаже, а прервется, когда сработают прерыватели.

Через десять минут останутся на ночь последние крупные предприятия обслуживаемого района. Прогноз погоды благоприятный, до утра не должно быть неожиданных нагрузок. Но времени в обрез, каждая секунда на счету: к утру генератор должен снова работать.

Вошел Нелсон, сопровождаемый сэром Робертом и доктором Сэндерсоном; он был очень бледен. Будто на казнь идет, подумал Хьюз. Не ко времени такая мысль, физик постарался отогнать ее.

Оставалось еще проверить цепи. Не успел он закончить, как раздался спокойный голос сэра Роберта:

— Мы готовы, доктор Хьюз.

Не очень-то твердо ступая, физик подошел к краю колодца. Нелсон уже спустился и, как ему было сказано, стоял точно посередине; внизу белым пятном вырисовывалось его обращенное кверху лицо. Доктор Хьюз ободряюще помахал ему рукой, повернулся и пошел к приборам.

Он щелкнул тумблером осциллоскопа и покрутил синхронизирующие ручки, устанавливая на экране кривую главного импульса. Потом настроил фазировку; два ярких световых пятнышка пошли навстречу друг другу вдоль кривой, пока не слились в ее геометрическом центре. Он бросил взгляд на Мердока, который пристально смотрел на мегаваттметры. Инженер кивнул. Хьюз сказал себе: «С богом!» — и нажал включатель.

Что-то тихонько щелкнуло в релейной коробке.

А через долю секунды все здание словно содрогнулось: в коммутационном зале, до которого было триста футов, с треском включились могучие рубильники. Свет потускнел, почти совсем пропал... Но тут с внезапностью взрыва сработали автоматические выключатели, прерывая цепь. Свет вспыхнул в полную силу, стрелки мегаваттметров откатнулись назад.

Эксперимент закончен. Приборы выдержали перегрузку.

А Нелсон?

Доктор Хьюз с удивлением увидел, что сэр Роберт вопреки своим шестидесяти уже подбежал к генератору. Он стоял на краю колодца и смотрел вниз. Физик медленно подошел к нему; он не мог торопиться, в душе назревало тягостное предчувствие. Мысленно он уже видел скрюченную на дне ямы фигуру Нелсона и обращенные вверх мертвые укоризненные глаза. Тотчас его поразила еще более страшная мысль. А вдруг поле исчезло слишком быстро и обращение не доведено до конца? Сейчас он все узнает.

Ничто не потрясает так, как полная неожиданность: сознание не способно обороняться. Доктор Хьюз ожидал чего угодно... Чего угодно, только не этого.

Колодец был пуст.

Потом он тщетно пытался вспомнить, что происходило вслед за этим. Кажется, Мердок взял командование на себя. Закипела работа, зал заполнили техники, чтобы вернуть на место огромный ротор. словно издалека доносился голос сэра Роберта, он твердил снова и снова:

— Мы сделали все, что могли, все, что могли.

Наверное, Хьюз что-то ответил... Но все было как в тумане.

Рано утром, еще до зари, доктор Хьюз пробудился от своего беспокойного сна. Всю ночь его преследовали кошмары, фантастические видения из многомерной геометрии. Странные, неведомые миры, безумные фигуры и пересекающиеся плоскости, вдоль которых

он бесконечно карабкался, спасаясь от какой-то жуткой опасности. Ему снилось, что Нелсон застрял в одном из этих неведомых измерений, и он пытался пробиться к нему. А иногда он сам был Нелсоном, и кругом простирался его родной мир, причудливо искаженный и отгороженный от него невидимыми стенами.

Он с трудом сел, и кошмары отступили. Несколько минут он сжимал ладонями голову; сознание начало проясняться. Хьюз знал, что с ним происходит, не первый раз его среди ночи вдруг осеняло решение какой-нибудь упрямой задачи.

В мозаике, которая сейчас сама складывалась в его мозгу, не хватало только одного кусочка. Но вот и он стал на место! Слова помощника Нелсона, когда он описывал несчастный случай... Тогда это показалось Хьюзу несущественным, и он их забыл. Но теперь... «Когда я посмотрел в колодец, там как будто никого не было, а я стал спускаться по трапу вниз...»

Какой же он болван! Ведь старина Макферсон был прав, во всяком случае, отчасти! Поле обернуло Нелсона в четвертом пространственном измерении, но сверх того произошло еще смещение в пятом — во времени. В первый раз смещение во времени измерялось какими-то секундами. Теперь же, как ни тщательно он все подготовил, условия сложились иначе. Было столько неизвестных факторов, и его теория больше чем наполовину состояла из догадок.

Нелсона не было в колодце, когда кончился опыт. Но он там будет.

Доктор Хьюз весь облился холодным потом. Он представил себе тысячетонный цилиндр, вращаемый тягой в пятьдесят миллионов лошадиных сил. Что будет, если какое-то тело вдруг материализуется в пространстве, занятом ротором?..

Он соскочил с кровати и схватил трубку телефона прямой связи с электростанцией. Нельзя терять ни секунды, надо сейчас же поднять ротор. С Мердоком он объяснится потом.

Очень осторожно что-то схватило фундамент дома и покачало его — так засыпающий ребенок трясет свою

погремушку. С потолка слетели хлопья известки, в стенах, как по волшебству, вдруг возникла сеть трещин. Лампы замигали, вспыхнули ярко-ярко и погасли.

Доктор Хьюз отдернул занавеску и посмотрел на горы. Отрог Маунт-Перрин заслонял электростанцию, но ее сразу можно было найти по гигантскому столбу обломков, который медленно вздымался кверху в бледных лучах рассвета.

насти дрожали от натуги: межпланетный ветер уже наполнил огромный круглый парус. До старта оставалось три минуты, а у Джона Мертона на душе был мир и покой, какого он целый год не испытывал. Что бы ни случилось, когда коммодор даст сигнал стартовать, главное будет достигнуто независимо от того, приведет его «Диана» к победе или к поражению. Всю жизнь он конструировал для других; теперь наконец-то сам поведет свой корабль.

— Две минуты до старта, — сказал динамик. — Прошу подтвердить готовность.

Один за другим отвечали капитаны. Мертон узнавал голоса, то взволнованные, то спокойные — голоса его друзей и соперников. На четырех обитаемых планетах наберется от силы два десятка человек, умеющих управлять солнечной яхтой, и все они сейчас здесь, кто на линии старта, кто на борту эскортирующих судов, кружатся вместе по орбите в двадцати двух тысячах миль над экватором.

— Номер один, «Паутина», готов!

— Номер два, «Санта Мария», все в порядке.

— Номер три, «Солнечный луч», порядок.

— Номер четыре, «Вумера», все системы в норме.

Мертон улыбнулся, услышав этот отголосок старины. Так докладывали еще на заре космонавтики, и это вошло в свод

традиций. Бывают случаи, когда человеку хочется вызвать к жизни тени тех, кто до него уходил к звездам.

— Номер пять, «Лебедев», мы готовы.

— Номер шесть, «Арахна», порядок.

Теперь очередь его, замыкающего: странно подумать, что слова, которые он произнесет в этой маленькой кабине, услышат пять миллиардов людей.

— Номер семь, «Диана», готов к старту.

— Подтверждаю с первого по седьмой, — ответил безличный голос с судейского катера. — До старта одна минута.

Мертон слушал вполуха; он в последний раз проверял натяжение фалов. Стрелки всех динамометров замерли неподвижно, зеркальная гладь исполинского паруса блестела и искрилась на солнце.

Невесомо парящему у перископа Мертону казалось, что парус заслонил все небо. Ничего удивительного — пятьдесят миллионов квадратных футов соединено с его капсулой чуть не сотней миль такелажа. Если бы сшить вместе паруса всех клиперов, какие в прошлом белыми тучками летели над Индийским океаном, то и тогда они не сравнялись бы с парусом, в который «Диана» ловила солнечный ветер. А вещества в нем чуть больше, чем в мыльном пузыре: толщина этих двух квадратных миль алюминированного пластика — всего лишь несколько миллионных дюйма.

— До старта десять секунд. Все съемочные камеры включить.

Такой огромный — и вместе с тем такой хрупкий; уму непостижимо. Еще труднее освоиться с мыслью, что это тончайшее зеркало одной только силой уловленных им солнечных лучей может оторвать «Диану» от Земли.

— ... пять... четыре... три... два... один... рубли!

Семь сверкающих ножей перерезали семь тонких линий, привязывавших яхты к базам, на которых их собрали и обслуживали. До этой секунды все в строгом строю летели вокруг Земли; теперь яхты начнут расходиться, словно влекомые ветром семена одуван-

чика. Победит та, которая первой достигнет орбиты Луны.

На «Диане» как будто ничего не изменилось. Но Мертон знал, что это не так. Хотя он не ощущал тяги, приборная доска говорила ему, что ускорение приближается к одной тысячной *G*. Для ракеты смехотворно мало, но для солнечных яхт это было рекордом. «Диана» хорошо сконструирована, огромный парус оправдывает надежды, которые он на него возлагал. При таком ускорении после двух кругов он разовьет достаточную скорость, чтобы покинуть околоземную орбиту. А затем, подгоняемый всей мощью Солнца, он пойдет курсом на Луну.

Вся мощь Солнца. Он усмехнулся, вспоминая, как пытался растолковать на лекциях там, на Земле, что такое солнечный ветер. Тогда лекции были для него единственным способом заработать деньги на свои личные опыты; он был главным конструктором «Космодайн корпорейшн», создал немало космических кораблей, но его хобби фирму не увлекало.

— Протяните ладони к Солнцу, — говорил он. — Что вы чувствуете? Тепло, конечно. Но кроме него, есть еще давление. Правда, такое слабое, что вы его не замечаете. На площадь ваших ладоней приходится всего около одной миллионной унции. Но в космосе даже такая малая величина играет роль, потому что она действует все время, час за часом, день за днем. И запас энергии в отличие от ракетного горючего неограничен. При желании можно ее использовать. Мы можем создать паруса, которые будут улавливать солнечное излучение.

Тут он доставал кусок легкой материи в несколько квадратных ярдов и подбрасывал его в воздух. Влекомая теплыми токами воздуха серебристая пленка, струясь и извиваясь, словно дым, медленно всплывала к потолку.

— Видите, какая легкая, — продолжал Мертон. — Квадратная миля весит только одну тонну, а лучевое давление на такую площадь достигает пяти фунтов. Парус будет двигаться — и нас потянет, если мы его запряжем. Конечно, ускорение будет очень мало, око-

ло одной тысячной G. На первый взгляд пустяк, но посмотрим, что это значит. За секунду мы продвигемся на одну пятую дюйма. Обычная улитка и то проходит больше. Но уже через минуту мы покроем шестьдесят футов и разовьем скорость больше мили в час. Неплохо для аппарата, который приводится в движение солнечным светом! За час мы удалимся от исходной точки на сорок миль, скорость достигнет восьмидесяти миль в час. Не забывайте, в космосе нет трения — стоит что-нибудь стронуть с места, потом так и будет лететь. Вы удивитесь, когда я вам скажу, что такое одна тысячная G: за сутки парусник разовьет скорость две тысячи миль в час. Если стартовать с околоземной орбиты — а другого способа нет, — за два дня будет достигнута вторая космическая скорость. И все это без единой капли горючего.

Он убедил своих слушателей; в конце концов ему удалось убедить и «Космодайн». За последние двадцать лет возник и развился новый спорт. Его, не без оснований, называли спортом миллиардеров, но теперь он стал окупаться благодаря печати и телевидению. Взять, к примеру, нынешние гонки: на карту поставлен престиж четырех континентов и двух планет, и число зрителей превзошло все рекорды.

«Диана» хорошо начала гонки; теперь можно взглянуть и на сонерников. Соблюдая предельную осторожность (надежные амортизаторы отделяли капсулу от тонких снастей, но он предпочитал не рисковать), Мертон переместился к перископу.

Вот они, будто невиданные серебристые цветки среди черных полей космоса. Ближе всех — каких-нибудь пятьдесят миль — южноамериканская «Санта Мария», очень похожая на воздушного змея, только размеры не те: длина стороны — миля с лишним. Несколько дальше — «Лебедев», сконструированный Астроградским университетом и напоминающий мальтийский крест; четыре крыла по его краям, очевидно, можно поворачивать для перемены курса. «Вумера», снаряженная Федерацией Австралии, — обыкновенный парашют четырех миль в поперечнике. «Арах-

на» (яхта Главного космического комбината), в полном соответствии со своим именем, похожа на паутину и собрана по тому же принципу: из центра по спирали расходятся автоматически управляемые перепонки. Точно так же, только размером поменьше, сделана «Паутина» Еврокосмоса. Присланный Марсианской республикой «Солнечный луч» представлял собой плоское кольцо с полумильным отверстием; кольцо медленно вращалось, и центробежная сила придавала ему устойчивость. Идея старая, но никому еще не удавалось успешно осуществить ее. Мертон мог бы поклясться, что экипаж помучается с парусом, когда надо будет поворачивать.

Правда, осталось еще шесть часов до той поры, когда яхты завершат первую четверть своего медленного, величавого полета по суточной орбите. Сейчас, в самом начале гонок, они идут от Солнца, так сказать, с попутным солнечным ветром. Надо выжать все из этого галса, пока яхты не обогнут Землю и Солнце не окажется впереди.

На этой стадии навигация не требовала от него внимания, и Мертон решил сделать первую проверку. Он тщательно осмотрел парус, подолгу останавливая перископ на точках, где снасть крепилась к парусу. Фалы — узкие полосы непосеребренной пластиковой пленки — были бы совсем невидимы, если бы не флюоресцирующая краска. Сейчас они казались протянувшимися на сотни ярдов упругими разноцветными лучами; каждая пленка управлялась своим электрическим брашпилем, чуть больше катушки спиннинга. Эти крохотные брашпили непрерывно вращались, то выдавая, то выбирая фалы по команде автопилота, который держал парус под нужным углом к Солнцу.

Нельзя не залюбоваться переливами солнечных лучей на этом исполинском гибком зеркале... Оно медленно колыхалось, вибрировало, и множество отражений светила бежало по нему, теряясь у кромки паруса. Эта вибрация неизбежна: как правило, она ничем не грозила хрупкой конструкции, но Мертон был начеку. Иногда колебание переходит в злое бие, от которого парус рвется в клочья.

Убедившись, что все в порядке, он снова стал ловить перископом своих соперников. Как он и думал, «прополка» уже идет, менее совершенные яхты отстают. Но настоящая проверка их качеств начнется, когда они войдут в тень Земли и маневренность будет играть такую же роль, как скорость.

Казалось бы, не самое сейчас подходящее время — гонки только что начались, — но не худо бы вздремнуть. На других яхтах по два человека, они могут чередоваться, а Мертону некому подменить. Он может положиться лишь на свои собственные силы, как Джошуа Слокум, который в одиночку провел вокруг света свою крохотную «Спрэй».

Мертон пристегнул к креслу ноги и пояс эластичными ремнями, потом надел на лоб электроды усыпляющего устройства. Включил реле времени на три часа и закрыл глаза.

Электрические импульсы нежно гладили лобные доли мозга; перед глазами, навевая сон, поплыли цветные спирали.

— Номер шесть, «Арахна», порядок.

Назойливый сигнал тревоги вырвал его из крепкой хватки сна. Он тотчас скользнул взглядом по приборной доске. Прошло всего два часа, но над акселерометром мигал красный огонек. Пронала тяга, «Диана» теряла скорость.

Первой мыслью Мертона было — что-то с парусом! Наверно, отказало противовращательное устройство и занутались фалы. Он посмотрел на приборы, отмечающие натяжение снастей. Странно: один край паруса в полном порядке, зато вдоль другого края приборы показывают ослабление тяги.

Вдруг Мертону осенило, и он прильнул к перископу. Ну, конечно, в этом вся загавыка.

Огромная, резко очерченная тень напоздала на отливающий серебром парус. Мрак грозил окутать «Диану», словно между ней и Солнцем появилась туча. А в темноте, без солнечных лучей, яхта потеряет скорость и начнет беспомощно дрейфовать.

Но какие же тучи здесь, в двадцати тысячах ми-

лях от Земли? Если появилась тень, она создана человеком.

Усмехнувшись, Мертон, навел перископ на Солнце; одновременно он установил фильтры, позволяющие без вреда для глаз смотреть на ослепительный лик светила.

— Маневр четыре-а, — пробурчал он. — Ладно, посмотрим, кто кого.

Казалось, огромная планета наползает на солнечный диск, уже накрыла его край черным сегментом. Это «Паутина», шедшая в двадцати милях за Мертоном, пыталась специально для «Дианы» сотворить искусственное затмение.

Вполне дозволенный прием. В старину, когда устраивали парусные гонки на море, капитаны частенько старались перехватить друг у друга ветер.

Но Мертон не думал легко сдаваться. Настал миг для контрдействий.

Маленькая счетная машина «Дианы» — всего со спичечную коробку, но заменяющая тысячу вычислителей, — подумала ровно секунду, после чего выдала ответ. Придется с помощью панелей управления 3 и 4 развернуть парус под углом двадцать градусов; тогда световое давление вынесет его из опасной тени «Паутины» и откроется все Солнце. Жалко нарушать работу автопилота, тщательно запрограммированного с таким расчетом, чтобы обеспечить высшую скорость, но на то он и сидит здесь. Благодаря таким вот минутам солнечные гонки остаются спортом, а не поединком электронных машин.

Он вытравил линии 1—6, натяжение сразу ослабло, и они начали извиваться, словно сонные змеи. В двух милях от капсулы медленно приоткрылись треугольные секции, пропуская солнечный свет. Но еще долго все оставалось по-прежнему. Трудно привыкнуть к этому миру замедленного движения, где проходит несколько минут, прежде чем твои действия производят зримый эффект. Наконец Мертон увидел, что парус наклонился к Солнцу: тень «Паутины» отступила, и темный конус растворился в космическом мраке.

Задолго до того, как тень ушла совсем и Солнце

очистилось, он выровнял парус и вернул «Диану» на прежний курс. Инерция вынесет яхту из опасной полосы, незачем перебарщивать и ломать все расчеты, вильнув слишком далеко в сторону. Вот еще правило, которое нелегко усвоить: едва ты начал какой-нибудь маневр в космосе, как уже пора думать о его прекращении.

Он снова включил сигнальное реле, готовый преодолеть любое — естественное или подстроенное — препятствие; может быть, «Паутина» или кто-нибудь другой из соперников попробуют повторить этот трюк. А пока можно и перекусить, хотя особенного голода он не ощущал. В космосе расход физических сил невелик, не мудрено забыть про еду. Но это опасно: в случае неожиданных затруднений может не хватить энергии, чтобы справиться с ними.

Он вскрыл первый пакет с едой и без особого восторга изучил его содержимое. Одного названия «Космопак» достаточно, чтобы отбить весь аппетит... И он не очень-то полагался на вторую надпись: «Отсутствие крошек гарантируется». А крошки, говорят, для космического экипажа, опаснее метеоритов. Летая по кабине, они могут вызвать короткое замыкание, закупорить важные каналы, проникнуть в приборы, которые считаются вполне герметичными.

Как бы то ни было, он с удовольствием проглотил ливерную колбасу, а за ней шоколад и ананасное пюре. Пластиковая колба кофейника уже согрелась на электроплитке, когда уединение Мертон было нарушено голосом радиста с коммодорского катера.

— Доктор Мертон? Если вы не заняты, с вами хотел бы поговорить Джереми Блер.

Блер слыл одним из самых умных комментаторов; Мертон не раз выступал в его программах.

— Согласен, — ответил он.

— Здравствуйте, доктор Мертон, — немедленно вступил комментатор. — Рад, что вы можете уделить нам несколько минут. Позвольте вас поздравить — похоже, вы идете вперед.

— Об этом пока слишком рано судить, — осторожно отозвался Мертон.

— Скажите, доктор, почему вы решили вести яхту в одиночку? Потому что до вас этого никто не делал?

— А разве это не уважительная причина? Но дело, конечно, не только в этом. — Он помолчал, подбирая слова. — Вы знаете, как сильно ход солнечной яхты зависит от ее массы. Второй человек, да еще все запасы для него — это лишних пятьсот фунтов, которые могут решить исход гонок.

— Вы вполне уверены, что справитесь с «Дианой»?

— Достаточно уверен, для этого я и установил автоматы. Моя главная задача — следить и принимать решения.

— Но ведь какой парус — две квадратные мили! Просто не верится, чтобы один человек мог управляться с такой машиной!

Мертон рассмеялся.

— Почему? Эти две квадратные мили дают максимальную тягу десять фунтов. Ее можно одолеть одним мизинцем.

— Ну ладно, спасибо, доктор. Желаю успеха. Я еще свяжусь с вами.

Комментатор выключился, а Мертон ощутил запоздалую неловкость. Ведь он сказал не всю правду, а Блер достаточно проницателен, чтобы понять это.

Есть еще одна причина, почему он сейчас один здесь, в космосе. Почти сорок лет он работал с бригадами по сто, даже по тысяче человек, создавая самые сложные двигательные аппараты, какие когда-либо видел свет. Последние двадцать лет он руководил конструкторским бюро и видел, как его творения взмывают к звездам. (Иногда бывали и неудачи, которых нельзя забыть, хоть вина и не его.) Он прославился, за его плечами блестящая карьера. Но сам он никогда не был главным действующим лицом, всегда выступал в ряду со многими.

Это его последняя надежда лично отличиться. До следующих гонок не меньше пяти лет — период спокойного Солнца кончился, идет полоса скверной погоды, в солнечной системе будут бушевать радиа-

ционные штормы. Когда снова станет безопасно ходить на этих хрупких, не защищенных броней яхтах, он уже будет стар.

Мертон бросил в мусорный ящик пустые коробки из-под еды и снова повернулся к перископу. В первый миг он обнаружил только пять яхт, «Вумера» куда-то исчезла. Прошло несколько минут, прежде чем он отыскал ее — туманный призрак на фоне звезд, парализованный тенью «Лебедева». Он хорошо представлял себе, как австралийцы лихорадочно пытаются выбраться из ловушки. Как же они попались? Очевидно, у «Лебедева» необычайно высокая маневренность; стоит присматривать за ним, хотя сейчас он слишком далеко, чтобы угрожать «Диане».

Земли почти не видно, остался только узенький яркий серп, стремящийся к Солнцу. Рядом с пламенной дугой тускло обрисована ночная сторона планеты; тут и там в просветах между тучами поблескивает зарево больших городов. Темный диск уже заслонил часть Млечного Пути, через несколько минут он начнет закрывать Солнце.

Свет угасал; по мере того как «Диана» бесшумно погружалась в тень Земли, парус загорался сумеречным пурпурным оттенком — отблеском многократных закатов, удаленных на тысячи миль. Солнце кануло за невидимый горизонт, и в несколько минут сгустилась ночь.

Мертон посмотрел назад вдоль орбиты, по которой прошел уже четверть пути вокруг родной планеты. Одна за другой гасли яркие звездочки остальных, когда они следом за ним ныряли в быстротечную ночь. Какой-нибудь час — и Солнце опять покажется из-за огромного черного щита; до тех пор все они беспомощны, должны идти по инерции.

Он включил прожектор и стал просвечивать его лучом темный парус. Тысячи акров пленки уже сморщились, обмякли, фалы провисают, надо скорей подтягивать их, пока не запутались. Но это в порядке вещей. Все идет, как было задумано. Отставшим от него миль на пятьдесят «Арахне» и «Санта Марии» повезло меньше. Мертон узнал, какая неприятность

их постигла, когда вдруг заработало радио на аварийной волне.

— Номер два, номер шесть, говорит контроль. Вам грозит столкновение, ваши орбиты пересекутся через шестьдесят пять минут! Вам нужна помощь?

Наступило долгое молчание, два капитана перешептывались. Интересно, кто из них виноват? Вероятно, одна яхта пыталась закрыть другую тенью и не успела закончить маневр, как обе вошли в мрак. А теперь уже ничего не поделаешь.

Но ведь у них есть еще шестьдесят пять минут! Они успеют снова выйти на Солнце из-за Земли. Если паруса тогда уловят достаточно энергии, они сумеют, может быть, избежать столкновения. Наверно, сейчас на «Арахне» и «Санта Марии» вычислители работают с полной нагрузкой.

«Арахна» ответила первой, и ответ был именно такой, какого ожидал Мертон.

— Контроль, здесь номер шесть. Спасибо, нам не нужна помощь. Сами справимся.

Любопытно будет посмотреть, подумал Мертон. Надвигается первый драматический эпизод гонки, и произойдет он как раз над линией полуночи на спящей Земле.

Весь следующий час Мертон был слишком занят своим собственным парусом, чтобы волноваться из-за «Арахны» и «Санта Марии». Не так-то просто уследить за пятьюдесятью миллионами квадратных футов теряющегося во тьме пластика, освещенного лишь узким лучом прожектора да сиянием далекой Луны. Отныне и на протяжении почти половины околоземной орбиты надо держать всю эту огромную плоскость ребром к Солнцу. В ближайшие двенадцать-четырнадцать часов парус будет только помехой, ведь яхта пойдет навстречу Солнцу, и его лучи могут отбросить ее назад. Жаль, что нельзя совсем убрать парус, пока он не понадобится вновь. Еще никто не придумал, как это сделать.

Далеко внизу вдоль кромки Земли занимался рассвет. Через десять минут кончится затмение Солнца; лучи ударят в паруса, и плывущие по инерции яхты

опять оживут. Это будет критическая минута для «Арахны» и «Санта Марии» — для всех участников.

Мертон повернул перископ и поймал два силуэта, парящих среди звезд. Совсем близко друг от друга, от силы их разделяют три мили. А что, может быть, и впрямь справятся...

Словно взрыв, вспыхнула заря — это Солнце вынырнуло из Тихого океана. На миг парус и фалы стали алыми, потом золотыми, потом ослепительно белыми: наступил день. Стрелки динамометров самую малость оторвались от нуля. «Диана» по-прежнему была почти совсем невесомой; солнечный ветер дул в лоб, и ускорение упало до миллионных долей G.

Но «Арахна» и «Санта Мария», сясь разойтись, не хотели убирать паруса, которые мучительно медленно расправлялись, ощутив первое легкое дуновение солнечного ветра. Меньше двух миль теперь разделяло яхты. Наверно, все телевизионные экраны на Земле сейчас показывают эту затаившуюся драму.

Капитаны обеих яхт были люди упрямые. Каждый из них мог обрубить фалы и сойти, уступив другому путь, но они не пошли на это. Слишком много поставлено на карту: деньги, слава, престиж. Мягко и беззвучно, будто снежинки в зимнюю ночь, «Арахна» и «Санта Мария» столкнулись.

Квадратный змей как-то незаметно слился с круглой паутиной; медленно, как во сне, заколыхались, переплетаясь, длинные фалы. Как ни занят был Мертон своими снастями, он не мог оторвать глаз от этой неслышимой, растянутой во времени катастрофы.

Два паруса, словно серебристые колышущиеся облака, продолжали сливаться в одну сплошную, нерасчленимую массу. Это длилось минут десять, наконец обе капсулы вырвались на волю и пошли в разные стороны, разминувшись в каких-нибудь ста ярдах друг от друга. Спасательные катера со светящимися хвостами реактивных струй ринулись вдогонку за ними.

Так, теперь нас осталось пять, подумал Мертон. Жаль, конечно, этих ребят, которые в самом начале

гонки все испортили друг другу; ничего, они молодые, будет еще случай показать себя.

А через несколько минут число участников сократилось до четырех. Мертон усомнился в конструкции «Солнечного луча», как только увидел его; теперь сомнения оправдались.

Вращение сделало марсианскую яхту слишком устойчивой, она не хотела лавировать. Вместо того чтобы повернуться ребром к Солнцу, огромное кольцо смотрело на него всей плоскостью, и яхту погнало обратно почти с предельным ускорением.

Самое досадное, что может случиться с яхтсменом, хуже даже, чем столкновение, потому что винить надо только себя. Впрочем, вряд ли кто-нибудь сочувствует сейчас безнадежно отставшим от строя поселенцам. Уж больно они зазнаются там, на Марсе, поделом им.

И со счетов сбрасывать «Солнечный луч» рано; впереди еще полмиллиона миль, может и догнать.

Следующие двенадцать часов, пока Земля переходила из одной фазы в другую, прошли без приключений. На этой части орбиты, где идешь без тяги, делать особенно нечего. Но Мертон не томился, считая часы. Он успел вздремнуть, дважды поел, сделал записи в бортовом журнале, два-три раза участвовал в радиоинтервью. Изредка вызывал другие яхты, обмениваясь приветствиями и шутками со своими соперниками. А вообще его вполне устраивал этот отдых в невесомости, вдали от всех земных забот. Давно он не был так счастлив. Мертон чувствовал себя властелином своей судьбы, насколько это вообще возможно в космосе: он вел яхту, в которую вложил столько ума и души, что она стала как бы частью его самого.

Следующий несчастный случай произошел, когда они проходили между Землей и Солнцем. Здесь начиналась та часть орбиты, где дул попутный солнечный ветер. Мертон увидел, как парус «Дианы» после поворота расправляется под напором лучей. Ускорение, упавшее до тысячных долей G, стало возрастать,

но требовался еще не один час, чтобы оно достигло наибольшей величины.

Однако «Паутине» не суждено было дожидаться этого. Минута, когда вновь появлялась тяга, всегда была для яхт критической, и «Паутина» не выдержала испытания.

Блер продолжал комментировать гонки, и Мертон, хоть и убавил громкость, расслышал тревожную новость: «Внимание! У «Паутины» биение!» Он поспешил к перископу и направил его на огромный круглый парус соперника, но в первый миг не заметил никакой перемены. Конечно, трудно все рассмотреть, когда объект обращен к тебе почти ребром и ты видишь узкий эллипс, однако в конце концов он убедился, что по парусу медленно ползет грозная рябь. Если команда не сумеет ее унять осторожным, точно рассчитанным подергиванием фалов, парус сам себя разорвет в клочья.

Они старались изо всех сил, и через двадцать минут стало казаться, что биение прекратилось. Вдруг пластик лопнул где-то посередине. Под напором лучей брешь неуклонно росла и лоскутья вытягивались, будто струйки дыма над костром. Через четверть часа остались только радиальные лонжероны, на которых была натянута исполинская паутина. Снова зарево ракет: катер пошел на перехват капсулы с удрученной командой.

— Этак скоро совсем один останешься здесь, а? — сказал чей-то голос, вызывая Мертона на разговор.

— Тебе-то, Дмитрий, нечего бояться, — ответил он. — Ты там не одинок. Вот мне тут, впереди, в самом деле неуютно.

Он не хвастался: «Диана» на триста миль оторвалась от ближайшего соперника, и разрыв этот обещал вскоре стать еще больше.

Дмитрий Марков добродушно рассмеялся у себя на «Лебедеве». Сразу слышно: он не признаёт себя побежденным.

— Вспомни притчу о зайце и черепахе, — сказал русский. — На отрезке в четверть миллиона миль многое может случиться.

Положение изменилось уже, когда они завершили первый виток по околоземной орбите и проходили линию старта — правда, на тысячи миль выше благодаря дополнительной энергии, которую им отдали лучи Солнца. Мертон тщательно замерил координаты остальных яхт и сообщил данные вычислительной машины. Итог, полученный для «Вумеры», показался ему таким неправдоподобным, что он тотчас все проверил снова.

Никакого сомнения: австралийцы догоняют его с неслыханной скоростью.

Одного внимательного взгляда в перископ было достаточно, чтобы выяснить, в чем дело. Слишком тонкие снасти «Вумеры» лопнули. И теперь один парус, сохраняя свою форму, летел в космосе, словно влекомый ветром платок. Два часа спустя он пронесся мимо «Дианы» меньше чем в двадцати милях; но задолго до этого австралийцы присоединились к тем, кто собрался на катере commodora.

Итак, все свелось к поединку между «Дианой» и «Лебедевым». Правда, «марсиане» не сдавались, но при таком отставании — около тысячи миль — они уже не представляли угрозы для лидеров гонки. По чести говоря, Мертону казалось, что и «Лебедеву» уже не догнать «Дианы», и все-таки он нервничал на втором витке, когда вновь наступило затмение, а затем опять начался долгий, медленный дрейф против солнечного ветра.

Он знал русских водителей и конструкторов. Они не первый раз участвовали в гонках. До сих пор им не удавалось победить. Но ведь их соотечественник Петр Николаевич Лебедев в начале двадцатого столетия первым открыл световое давление солнечных лучей. Естественно, что они упорствуют. Дмитрий, наверно, задумал что-нибудь эффектное.

Коммодор Ван-Страттен, идя в тысяче миль позади участников гонки, в эту минуту с досадой читал только что поступившую радиограмму. Она пролетела больше ста миллионов миль от цепочки солнечных

обсерваторий, которые кружили высоко над пылающей поверхностью светила. И она принесла самые неприятные вести.

Правда, для commodora (всего лишь почетный титул, на Земле он был профессором астрофизики в Гарварде) они не были такой уж неожиданностью. Еще никогда гонки не устраивали так поздно; было много всяких задержек, решили все-таки рискнуть — и, похоже, проиграли...

Глубоко в недрах Солнца копилась чудовищная сила, эквивалентная энергии миллиона водородных бомб. В любую секунду мог произойти чудовищный взрыв, известный под названием солнечной вспышки. Со скоростью миллионов миль в час незримый огненный шар, во много раз больше Земли, оторвется от Солнца и уйдет в космос.

Возможно, что облако ионизированного газа пронесясь в стороне от Земли. Если же нет, ему понадобится чуть больше суток, чтобы достичь ее. Космические корабли защищены мощными магнитными экранами, но легкие солнечные яхты, с корпусами не толще бумаги, безоружны против такой угрозы. Команды придется снять.

Начиная второй виток вокруг Земли, Джон Мертон еще не знал об этом. Он думал о своем. Если ничего не изменится, это будет последний виток для него и для русских. Под напором солнечного ветра они поднялись по спирали на тысячи миль. На втором витке они преодолеют земное тяготение и устремятся в долгий путь к Луне. Исход решится в поединке двух яхт; больше ста тысяч миль команда «Солнечного луча» доблестно сражалась с вращающимся парусом, но в конце концов пришлось сдаться.

Мертон не чувствовал усталости. Он хорошо поел, поспал; «Диана» вела себя безукоризненно. Автопилот, который подтягивал снасти, словно трудолюбивый научок, лучше любого одушевленного водителя держал точно по ветру солнечный парус. Хотя этот лист пластика площадью в две квадратные мили, наверно, уже пробит сотнями микрометеоритов, крохотные проколы ничуть не уменьшили тягу.

Только две вещи его тревожили. Во-первых, перестал слушаться фал номер восемь. Внезапно заело реле. Команды не выполнялись — ни выдать, ни выбрать линь; надо как-то обходиться остальными. К счастью, самые трудные маневры позади, отныне «Диане» все время идти прямо по ветру. Как говорили в старину моряки, легко справляться с судном, когда ветер дует тебе в спину.

Вторая забота — «Лебедев», который упорно преследовал его с разрывом в триста миль. Благодаря четырем крыльям, окружающим главный парус, русская яхта оказалась на редкость маневренной. Все повороты на околоземной орбите она выполнила сверхточно; правда, за такую маневренность пришлось расплатиться скоростью — двух зайцев сразу поймать нельзя. И Мертон надеялся сохранить преимущество на длинной прямой. Однако полной уверенности в победе не будет, пока «Диана» через три-четыре дня не пронесется над обратной стороной Луны.

И тут, на пятидесятом часу гонок, когда завершался второй виток, Марков поднес ему сюрприз.

— Алло, Джон, — небрежно сказал он, включившись в межъяхтенную сеть, — посмотри-ка, тебе, наверно, будет интересно.

Мертон подвинулся к перископу и включил предельное увеличение. В поле зрения, такой неправдоподобный среди звезд, очень маленький, но очень четкий, мальтийским крестом засверкал «Лебедев». Вдруг на глазах у него все четыре крыла отделились от квадрата в середине и ушли в космос.

Теперь, когда Марков набрал вторую космическую скорость и не нужно было больше терпеливо кружить по околоземной орбите, копируя кинетическую энергию, он сбросил излишнюю массу. С этой минуты «Лебедев» почти неуправляем, но это неважно, все сложные маневры позади. Все равно как если бы какой-нибудь яхтсмен прошлого намеренно освободил лодку от руля и тяжелого киля, зная, что дальше его ждет попутный ветер и тихое море.

— Поздравляю, Дмитрий, — сказал Мертон в мик-

рофон. — Ловко сделано. Но этого мало, все равно ты меня не догонишь.

— Это еще не все! — услышал он в ответ.

В самом деле: на последнем, прямом участке Дмитрий может обойтись без второго пилота.

— Вряд ли Алексей обрадуется, — заметил Мертон. — И ведь это против правил.

— Да, Алексею придется поплавать десять минут одному, пока его не подберет коммодор. А что до правил — в них ничего не говорится о численности экипажа. Уж ты-то должен это знать.

Мертон промолчал; исходя из того, что ему было известно о конструкции «Лебедева», он торопливо обрабатывал новые данные. Закончив вычисления, Мертон убедился, что исход далеко не решен. У самой Луны «Лебедев» его догонит.

Однако судьба гонок уже определилась в девяноста двух миллионах миль от трассы.

На Солнечной обсерватории номер три, внутри орбиты Меркурия, автоматические приборы записали весь ход вспышки. Внезапный взрыв превратил сто миллионов квадратных миль поверхности Солнца в бело-голубое пекло, рядом с которым остальной диск словно померк. Из бурлящего ада, крутясь и извиваясь, будто живое существо, в созданном ею же самой магнитном поле вырвалась струя плазмы. А впереди нее со скоростью света мчалась, предупреждая, волна рентгеновского и ультрафиолетового излучения. Она достигнет Земли за восемь минут и вреда не причинит. Иное дело заряженные атомы, летящие следом со скоростью всего четырех миллионов миль в час. Через сутки они окутают смертоносным облаком «Диану», «Лебедева» и сопровождающий отряд.

Коммодор откладывал решение до последней минуты. Даже когда струя плазмы прошла орбиту Венеры, еще была надежда, что она не коснется Земли. Но когда до встречи с ней осталось меньше четырех часов и сеть лунных радаров подала сигнал тревоги,

он понял, что больше ждать нельзя. Следующие пять-шесть лет, пока не успокоится Солнце, никаких гонок не будет.

Вздых разочарования пронесся по всей солнечной системе. «Диана» и «Лебедев» шли почти рядом на полпути между Землей и Луной, но никто так и не узнает, какая яхта лучше. Болельщики будут спорить годами, а в историю войдет короткая запись: «Гонки отменены из-за солнечной бури».

Получив приказ, Джон Мертон расстроился так, как не расстраивался с самого детства. Сквозь завесу лет отчетливо и ярко пробилося воспоминание о десятом дне рождения. Ему была обещана модель — точное повторение знаменитого космического корабля «Утренняя звезда»; несколько недель он представлял себе, как будет ее собирать, где повесит в своей комнате. И вдруг, в последнюю секунду, слова отца: «Прости меня, Джон, слишком уж дорого. Может быть, к следующему дню рождения...»

Спустя полвека, прожив славную жизнь, он снова был убитым горем мальчишкой.

А если не подчиниться? Пренебречь запретом и идти дальше? Пускай отменили гонки, его перелет войдет во все отчеты и будет долго вспоминаться.

Нет, это хуже глупости — это самоубийство, к тому же очень мучительное. Джон Мертон видел агонию людей, пораженных лучевой болезнью, потому что отказала магнитная защита их кораблей. Слишком дорогая цена...

Он переживал не только за себя, но и за Дмитрия Маркова. Оба заслужили победу, но она никому не достанется. Пусть человек научился запрыгать лучи светила и мчаться к рубежам космоса — спорить с разъяренным Солнцем ему не дано.

В пятидесяти милях за «Дианой» катер коммодора уже подошел к «Лебедеву», чтобы снять капитана. Унесся вдаль серебристый парус: Дмитрий обрубил снасти — и Мертон вполне понимал его чувства. Маленькая капсула будет доставлена обратно на Землю, может быть, даже еще раз пойдет в дело, но паруса делались только на один рейс.

Можно нажать кнопку катапультирующего устройства и сберечь спасателям несколько минут. Но это было свыше сил Мертонa, он хотел до последнего оставаться на суденышке, которое так долго было частью его грез и его жизни. Могучий парус, развернутый под прямым углом к Солнцу, развил предельную тягу. Он уже давно вырвал яхту из объятий Земли, и «Диана» продолжала наращивать скорость.

Внезапно его осенило. Он знал, что делать. Ни сомнений, ни колебаний; Джон Мертон в последний раз обратился к вычислительной машине, которая могла ему пройти половину пути до Луны.

Закончив вычисления, он завернул вместе бортовой журнал и скромное личное имущество. С трудом (разучился уже, да и не так-то просто справиться с этим в одиночку) Мертон влез в аварийный скафандр. Он как раз закрыл окошко гермошлема, когда радио донесло голос коммодора.

— Через пять минут подойдем к вам, капитан. Обрубите парус, чтобы нам не запутаться.

Джон Мертон, первый и последний капитан солнечной яхты «Диана», на секунду замешкался. Он еще раз обвел взглядом миниатюрную кабину со сверкающими приборами и умело размещенными рычагами, которые теперь были наглухо закреплены в одной позиции. Наконец сказал в микрофон:

— Оставляю судно. Не спешите, все равно меня найдете. «Диана» сама за собой последит.

Его порадовало, что коммодор воздержался от ответа. Профессор Ван-Страттен, конечно, понял, в чем дело. И понял, что в эти завершающие секунды Мертону хочется побыть одному.

Он не стал откачивать воздух из переходной камеры, и вырвавшийся из нее газ мягко полес его прочь от «Дианы»; толчок отдачи был последним даром Мертонa яхте. Она быстро удалялась, и парус ее ярко блестел в лучах солнца, которые на века определяют путь «Дианы». Через два дня она пронесется мимо Луны, и та, как и Земля, не сможет ее удержать. Освобожденный от тормозящей массы, парус с каждым днем будет увеличивать свою скорость на

две тысячи миль в час. Месяц — и «Диана» будет идти быстрее любого из созданных человеком кораблей.

Чем дальше, тем слабее лучи Солнца, и ускорение начнет падать. Но даже на орбите Марса скорость за сутки будет нарастать на тысячу миль в час. И задолго до того ход яхты будет таким, что даже Солнце ее не удержит. Быстрее любой кометы она устремится в межзвездную пучину, недоступную воображению человека.

Глаза Мертонa заметили зарево ракет в нескольких милях. Катер идет за ним — с ускорением, в тысячи раз большим, чем то, которое когда-либо сможет развить «Диана». Но двигатели катера израсходуют запас горючего в несколько минут, а солнечная яхта сотни лет будет наращивать скорость, подстегиваемая неугасимым пламенем Солнца.

— Прощай, кораблик, — сказал Джон Мертон. — Интересно, чьи глаза увидят тебя и через сколько тысяч лет?

Кургузая торпеда подошла вплотную, но на душе у Мертонa было легко. Ему уже никогда не выиграть гонку до Луны, но его суденышко первым вышло в долгое плавание к звездам.

Торжество жизни

Послесловие

В западной фантастике преобладают произведения критического направления. Широко пользуясь гротеском, аллегорией и другими художественными приемами, писатели-фантасты резко и метко осуждают пороки общества, в котором живут; в своих романах, повестях, рассказах они, создавая картины будущего, предупреждают человечество: нельзя попустительствовать развитию тех или иных порочных черт современного капиталистического общества, ибо это может привести человечество к деградации, к гибели.

Нетрудно понять, почему действительность Запада побуждает художников писать книги, исполненные боли, скорби, гнева, под видом изображения будущего обличать опасные явления и тенденции настоящего. И наверно, только естественно, что таких писателей-фантастов в художественной литературе Запада большинство. Но по-человечески хочется, чтобы среди западных фантастов были представлены и те, кто за удручающей действительностью ищет пути в лучшее будущее. С таким фантастом мы знакомим читателя в этом томе.

Артур Чарлз Кларк — крупный английский ученый и талантливый писатель, творчество которого трудно втиснуть в какие-то определенные рамки.

Он, безусловно, принадлежит к числу тех западных писателей-фантастов, которые стремятся непредвзято и честно изобразить более или менее отдаленное буду-

щее человечества, ищут основу для утверждения мировой гармонии.

К подобному поиску можно относиться только с глубокой симпатией, которая, однако, отнюдь не исключает критического осмысления и оценки социально-философских позиций писателя, его видения будущего.

Являясь крупным ученым, сознавая огромные возможности науки в улучшении условий жизни людей, Кларк возводит эти возможности в абсолют, пытается, если так можно сказать, электронно-кибернетическим путем разрешать все социальные проблемы. К чему это приводит, легко проследить на примере романа «Большая глубина» — самого крупного произведения сборника.

На первый взгляд может показаться, что социальные мотивы имеют в этом романе второстепенное, проходное значение, а главное — проблемы научной, рациональной эксплуатации природных ресурсов планеты. Но роман Кларка не вышел бы за ограниченные рамки научно-популярного произведения, если бы постановка научных проблем органически не сочеталась в нем с попытками решения проблем социальных, моральных, которые накладывают глубокий отпечаток на картину будущего, нарисованную писателем.

Действительно, основной конфликт романа — конфликт морального, а не научного плана: имеют ли моральное право люди уничтожать что-либо живущее на Земле?

Пожалуй, в условиях общества, внутренние противоречия которого не носят непримиримого характера, то есть общества коммунистического, такая постановка вопроса правомерна. Но в том-то и дело, что общественное устройство Всемирного государства А. Кларка — это не продукт социальных революций, коренного социального переустройства. По замыслу писателя, оно является результатом эволюции образования, науки, техники, возможно — гибридизации ныне существующих социально-экономических систем в итоге длительного мирного сосуществования. Но так или иначе, созданное волей автора вопреки законам об-

щественного развития, оно несет на себе приметы капитализма с сохранившимися формами частной собственности, монополистическими объединениями (Киты-Планктон), конкуренцией, бюрократической машиной и т. д. А в этих условиях моральный конфликт романа представляется по меньшей мере прекраснотушной утопией.

Сказанное выше, разумеется, не следует рассматривать как требования, предъявляемые к роману Артура Кларка, привлекающему своей человечностью, любовью к природе, отличным знанием специального материала, составляющего его ткань.

А. Кларк, опираясь на глубокие знания в области естественных наук, математики, астрономии, стремится показать в своих произведениях человека будущего.

Любопытная черта: у Кларка характер героя и его внутренний своеобразный мир неразрывно связаны с теми научными идеями, которые он защищает в научном споре. Это как бы созвучный комплекс свершений науки и деяний человека, своего рода лирическая поэма о человеке в его борьбе не только за научные и социальные преобразования, но и за истинный мир больших чувств.

Герой его произведений — обычный человек, не какой-нибудь супермен, но это Человек с большой буквы, отдающий все свои знания, силы, жизнь науке, человечеству. Он живет и действует в необычной обстановке — на то это и фантастика. Но у Кларка эта обязательная для фантастических произведений необычность обстановки максимально приближена к реальности, и из этого неоспоримого факта вытекает еще одна из сильных сторон его творчества: достоверность. Она проявляется прежде всего в описании обстановки и разворачивающихся по ходу действия событий. Убедительно прослеживает Кларк и поведение своих героев, хотя при психологической обрисовке образов ему иногда не хватает полутонов.

Некоторые критики считают, что Артур Кларк в области рассудка сильнее, нежели в области чувств. В какой-то мере они правы, но у Кларка есть и такие блистательные лирические вещи, как рассказы «Стена

мрака», «Солнечный ветер» и многие другие. В них сквозит неуловимое задумчивое очарование то грусти, то ликующего веселья, то невысказанной тревоги, то затаенного ожидания.

Между прочим, Кларк особенно достоверен тогда, когда идет на шаг впереди науки своего времени. Он отнюдь не стремится завести читателя в неизведанные дебри чего-то таинственного; наоборот, его произведения, как правило, перекликаются с решением тех научных задач, что уже существуют в теории или же конкретно намечаются на ближайшее будущее. Взять хотя бы его романы и рассказы о луне. Разве это не ближайшая задача, которая вскоре будет разрешена?

В романе «Большая глубина», словно в фокусе, можно увидеть все основные нити, характерные для творчества писателя, а именно: идею служения человека обществу, гуманизм, веру в науку, оптимизм, поиски новых путей, ведущих к разрешению научных проблем. Весь роман пронизан удивительной жизнерадостностью, уверенностью в победе человека над еще не раскрытыми загадками природы.

И если отвлечься от научно-технического уклона этого романа, то психологическая идея романа может быть сведена к следующей формуле: от гнетущего одиночества к радости бытия, раскрывающегося в непрерывном общении с людьми. Автор развивает эту формулу на примере главного персонажа романа — Уолтера Франклина, придавая ей ту жизненную убедительность, которая вообще характерна для Артура Кларка.

В этом романе Артур Кларк умело и интересно разрабатывает тему общности двух как будто бы враждебных человеку миров: подводного и космического. Как ученый, он исследует и море и космос, проводит параллели и подталкивает читателя к мысли, что работа под водой может служить великолепной тренировкой для перехода в космос: иными словами, море, из которого вышел человек, помогает ему преодолеть следующую ступень в своем развитии. И в разработке этой темы заложен и практический и философский смысл.

Артура Кларка, как писателя, ученого и просто человека, волнуют проблемы судьбы будущего мира. Будучи сторонником мирного сосуществования с различными социальными системами, он любыми способами стремится защитить мир от несправедливости. Кларк проводит в своих книгах прогрессивную мысль: более высокая цивилизация исключает эксплуатацию человека человеком, войны и фатальные конфликты. И если возникнут неизбежные трудности, связанные с самой природой человека, то они будут мудро и терпеливо преодолены. Предлагаемый писателем выход представляется нам несколько общим, неконкретным и расплывчатым.

При всем том неразумно было бы, конечно, ожидать, чтобы Кларк полностью разделял наше марксистское мировоззрение. Нас привлекает в его произведениях оптимистическая вера в гигантские возможности человечества, в нескончаемый научный и технический прогресс. Дальше этого Кларк не идет, фундаментальная идея марксизма о безграничности социального прогресса ему уже чужда. Это нужно иметь в виду при чтении его произведений. Советский читатель, несомненно, только улыбнется в ответ на наивные заверения маститого ученого и писателя, будто человечество потихоньку и полегоньку, без социальных потрясений и антагонистической борьбы между имущими и пролетариатом придет к золотому веку...

Но так или иначе, Артур Кларк рисует картины будущего мира, в котором люди сумеют претворить в жизнь научные и гуманистические начала, необходимые для достижения высшей степени интеллектуального и технического прогресса человеческого общества. А коли так, значит будущее человечество — это чрезвычайно жизнеспособная ветвь галактического сообщества, оно пойдет по пути постоянного совершенства.

Эта тема раскрывается в рассказе «Спасательный отряд», который пронизан интересной философской идеей: человечество, овладев высотами знаний, волеется в высшие формы галактических цивилизаций. Один из героев рассказа, инопланетник, воздаст должное человечеству, как бы подкрепляя этим мысль

о стремлении к бесконечному созиданию: «Мы видим на экране пламя их ракет. Да они отважились выйти на ракеты в межзвездное пространство! Вы понимаете, что это значит?.. Ведь это одна из самых молодых цивилизаций вселенной! Четыреста тысяч лет назад ее еще не было. Чем она станет через миллион лет?»

В этом же рассказе, написанном в 1945 году рукой англичанина, соотечественники которого высоко держат знамя индивидуализма, есть такие строки:

«Очень давно Аларкен написал книгу, доказывая, что в конечном счете все разумные народы пожертвуют индивидуальным сознанием, и наступит день, когда во вселенной останутся лишь групповые виды разума». Над этими словами, пожалуй, стоит подумать.

Любопытен рассказ «Девять миллиардов имен бога». Его можно, конечно, принять за философическое иносказание, в котором зашифрована известная идея о неисчерпаемости человеческого познания. Но дело скорее всего обстоит гораздо проще. Почти каждый писатель рано или поздно дает полную волю своему воображению и остроумию. Можно не сомневаться, что «Девять миллиардов» является именно такой «пробой пера», блестящей шуткой Артура Кларка, раскрывающей для читателя совершенно неожиданные стороны его таланта: склонность к остроумной мистификации и способность давать эффектные концовки. При этом надо твердо помнить, что мистификация и мистика — это весьма разные вещи.

Рассказ «Стена мрака» не нуждается, по-видимому, в комментариях. В этой изящной небольшой вещице, от которой веет грустным лиризмом, кроется жизнеутверждающая идея: человек прекрасен в своем вечном дерзновенном поиске, в своей борьбе за свет, за знания, против мрака невежества, обмана, против пассивного непротивления злу.

Рассказы «Техническая ошибка» и «Солнечный ветер», пожалуй, можно было бы отнести к научно-технической фантастике. Сам автор в своем предисловии к книге так и говорит о них: «Техническая ошибка» — чистая фантастика... В основу сюжета положен необычный (но, надеюсь, допустимый и доступный понима-

нию) научный факт, а человек — на втором плане. Бесспорно, в «Технической ошибке», где рассказывается о создании электрического поля, дающего поразительные результаты, выступает на первый план научная задача, но, как бы то ни было, в этой «чистой» фантастике четко прослеживается социальный акцент: автор гневно осуждает дельцов, приносящих Человека в жертву Чистогану.

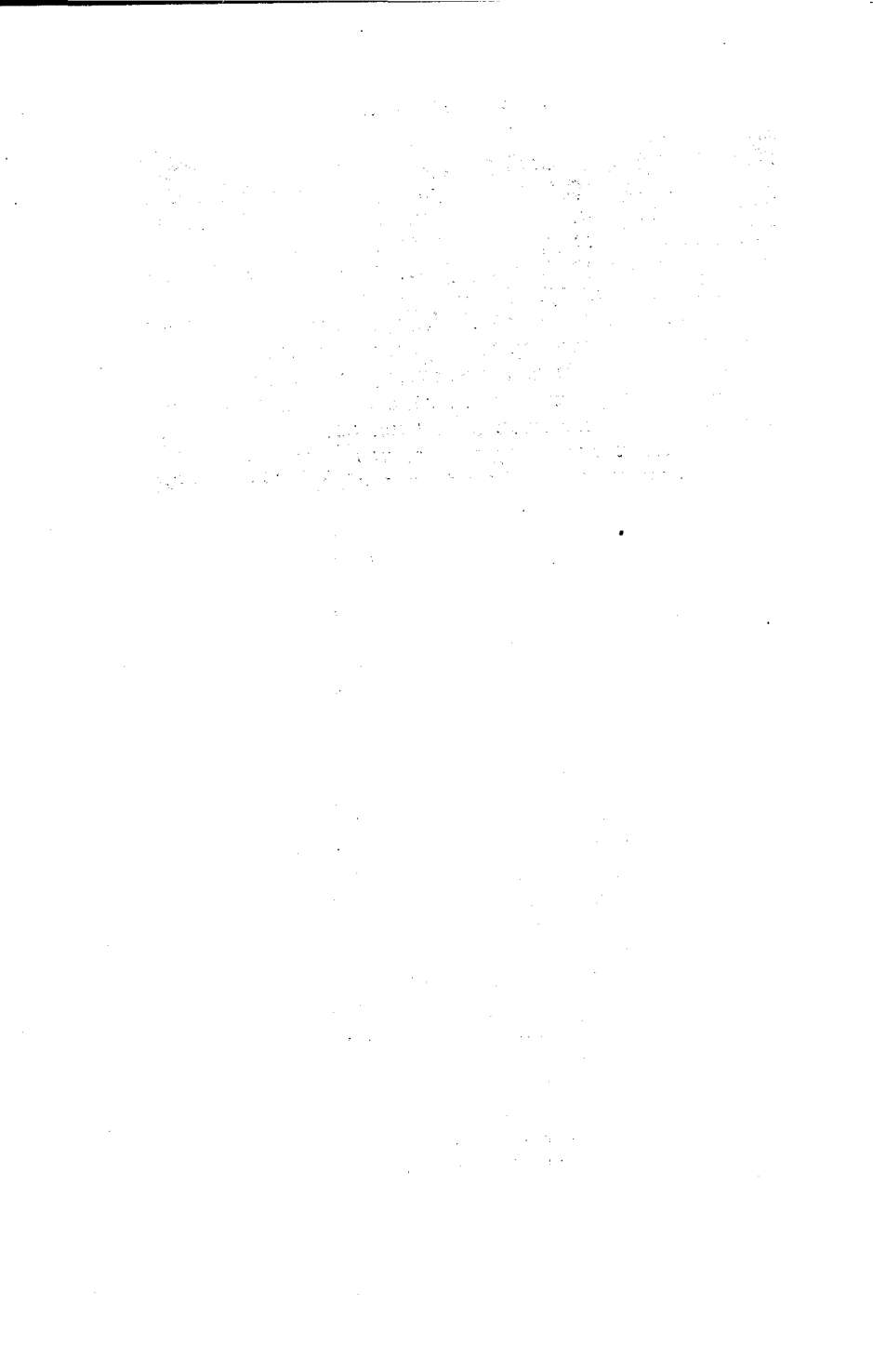
В «Солнечном ветре» А. Кларк выступает будто бы как популяризатор нового, космического вида спорта — рассказывает о гонках парусных «яхт», движимых силой энергии солнечного излучения. Но рассказ этот настолько поэтичен и красив, настолько пронизан сочувствием к главному герою, что можно смело сказать: Кларк-художник заслоняет здесь Кларка-ученого, Кларка-популяризатора.

Вот вкратце те идеи, мысли, которые характерны для вошедших в том произведений Артура Кларка.

Уже не говоря об умении создать впечатляющий и правдоподобный образ героя, А. Кларку дан превосходный талант мастера сюжета. Любой его роман или рассказ держит читателя в постоянном напряжении — и так от первой до последней страницы. Увлекательный сюжет, искренность повествования, увлекательная разработка поставленных научных проблем, неожиданные повороты в судьбах персонажей, подлинный лиризм, глубокая человечность, искрящийся юмор — вот оружие Кларка.

Можно относиться по-разному к его научным теориям и прогнозам, можно любить или не любить созданных им героев, но никто не рискнет утверждать, что книги Кларка могут оставить читателя равнодушным. И в этом — одно из бесспорных доказательств таланта писателя-фантаста, выступающего как бы очевидцем грядущих времен, где его острый взгляд подмечает невыдуманные горести и радости человечества.

В. Фиников

АРТУР ЧАРЛЗ КЛАРК

— известный английский ученый и писатель — родился в 1917 году в Майнхед. Окончил Лондонский королевский колледж по отделению математики и физики. Во время войны служил на первой экспериментальной системе радарного обнаружения. С 1950 года А. Кларк занимал пост председателя Британского астронавтического общества и члена Совета Британской астрономической ассоциации. Сейчас он живет на Цейлоне и является президентом Цейлонского астрономического общества и членом Цейлонского подводного клуба. Литературная деятельность А. Кларка началась с 1947 года. С тех пор А. Кларк написал более десяти научно-фантастических ро-

манов и повестей, а также более десяти научно-художественных произведений о море и космосе. Советскому читателю известны его книги «Лунная пыль», «Пески Марса» и рассказы. В 1961 году А. Кларку за популяризацию науки была присуждена международная премия Калинга.

Содержание

Большая глубина 5

Рассказы

Спасательный отряд 205

Стена мрака 234

Из контрразведки 255

Девять миллиардов имен . . . 261

Техническая ошибка 269

Солнечный ветер 288

Торжество жизни

(Послесловие В. Финикова) 309

Кларк Артур Чарлз. БОЛЬ-
ШАЯ ГЛУБИНА. Роман.
Рассказы. Пер. с англ.
Л. Жданова. М., «Молодая
гвардия», 1966. 320 с. «Б-ка
современной фантастики»
в 15 т., т. 6.) W (Англ.)

Редактор *В. Клюева.*

Художественный редактор
А. Степанова.

Технический редактор
И. Егорова.

Подписано к печати
17/VIII 1966 г. Бум.
84×108¹/₃₂. Печ. л. 10(16,8).
Уч.-изд. л. 15,4. Тираж
215 000 экз. Заказ 1066. Це-
на 1 руб.

Типография «Красное зна-
мя» изд-ва «Молодая гвар-
дия». Москва, А-30, Суще-
вская, 21.

1195